

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya, Moscow, 125993

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерении.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Stelzl-Marx*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
A.A. Novikova, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаكليина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Новикова, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки: история России и постсоветского пространства

<i>Александр Р. Акрамов</i> История и историческое в эпоху перемен	12
<i>Елена В. Бульчева</i> Отношение греческого общества к России во второй половине XIX в. (по воспоминаниям русской интеллигенции)	20
<i>Зоя М. Дашевская</i> Становление историко-литургического направления в русской академической науке конца XIX – начала XX в.: сопоставительный анализ методологических подходов Н.В. Покровского и И.А. Карабинова	30
<i>Константин А. Медведев</i> П.М. Головачев: Дальний Восток в мыслях историка	50

Исторические науки: Всеобщая история

<i>Марина В. Куцева</i> «Честолюбивые виды на власть в государстве»: образ Генриха де Гиза в российских и французских школьных учебниках XIX – начала XX в.	62
<i>Эдуард Е. Мейер</i> Восстановление контроля над Дунайскими провинциями в творчестве поэта Клавдиана	74
<i>Сандра А. Хохрякова (Висканта)</i> Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти	81

Общественно-политические науки

<i>Анна В. Ермолаева</i> Регламенты органов государственной власти Российской Федерации и правила делопроизводства: точки пересечения	93
<i>Андрей Л. Зверев</i> Политико-психологический анализ личностного потенциала молодых политических лидеров российских парламентских партий	104

<i>Екатерина С. Высочина</i> Исследование итальянско-ливийских отношений в отечественной научной литературе с конца XX до начала XXI в.	116
<i>Мария А. Пашук</i> Нормативно-правовое регулирование академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса: проблемы совершенствования	126
<i>Людмила А. Печищева, Константин А. Корнеев</i> Индия и Япония: эволюция формата стратегического сотрудничества	139

CONTENTS

History sciences. History of Russia and post-Soviet spaces

- Aleksandr R. Akramov*
History and the historical in an era of change 12
- Elena V. Bulycheva*
The attitude of Greek society to Russia in the second half
of the 19th century (according to the memoirs of the Russian
intelligentsia) 20
- Zoya M. Dashevskaya*
The formation of the historical and liturgical research area
in Russian academic scholarship in the late 19th – early 20th century.
A comparative analysis of methodological approaches
of N.V. Pokrovsky and I.A. Karabinov 30
- Konstantin A. Medvedev*
P.M. Golovachev. The Far East in the thoughts of the historian 50

History sciences. World history

- Marina V. Kushcheva*
“Ambitious aspirations for power in the state”.
The image of Henry, Duke of Guise in Russian and French
schoolbooks of the 19th – early 20th century 62
- Eduard E. Meyer*
The control regaining over the Danube provinces
as described by Claudianus 74
- Sandra A. Khokhryakova (Viskanta)*
Ancient Mayan Ritual Cave Complexes as Memory Space 81

Socio-political sciences

- Anna V. Ermolaeva*
Regulations of state authorities of the Russian Federation
and rules of office work. The intersection points 93
- Andrei L. Zverev*
Political and psychological analysis of personal potential
of the young political leaders of Russian parliamentary parties 104

<i>Ekaterina S. Vysochina</i> Study of Italian-Libyan relations in Russian science literature from the late 20th to the early 21st century	116
<i>Mariya A. Pashuk</i> Legal regulation of academic interaction between Russia and Germany in the framework of the Bologna process. Issues of improvement	126
<i>Lyudmila A. Pechishcheva, Konstantin A. Korneev</i> India and Japan. Evolution of the strategic cooperation format	139

Исторические науки: история России и постсоветского пространства

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-12-19

История и историческое в эпоху перемен

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, akramov.a@rggu.ru*

Аннотация. В статье исследуются базовые вопросы развития истории и исторического знания в эпоху переломов и перемен. Рассматривается вопрос, посвященный актуализации исторического знания в периоды изменения социальной, политической и культурной структуры государства.

Автор определяет характерные черты развития истории и исторического знания в эпоху переломов. Он выделяет страх перед прошлым как первый и один из главных элементов осмысления и переосмысления прошлого. Прошлое, по мнению автора, в подобные моменты имеет свойство становится ориентиром в развитии общественных и политических сил. Отрицание истории и исторического также является одним из элементов развития истории в эпоху перемен. Возврат к неопределенным ценностям характеризует эпоху переходов, при этом возникает ряд дополнительных вопросов, связанных с принятием идей или их интерпретаций в настоящем. Автор склоняется к тому, что во время перемен возникает понимание и представление о том, что настоящее – это проекция нашего прошлого, в большей степени влияет на повышение актуальности исследуемого объекта.

Механизмы актуализации исторического знания и отношения к истории мало изучены в научной литературе и требуют дополнительного вовлечения в данную тематику историков, так как это напрямую влияет на наше настоящее.

Ключевые слова: историческое знание, история, актуализация истории, СССР

Для цитирования: Акрамов А.Р. История и историческое в эпоху перемен // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 12–19. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-12-19

© Акрамов А.Р., 2021

History and the historical in an era of change

Aleksandr R. Akramov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, akramov.a@rggu.ru*

Abstract. The article is an attempt by the author to address the basic issues of the development of history and historical knowledge in the era of turning points and changes. The article discusses the issue of actualizing historical knowledge during periods of changes in the social, political, cultural structure of the state. The author defines the characteristic features for the development of history and historical knowledge in the era of turning points. He singles out fear of the past as the first and one of the main elements of comprehension and rethinking of the past. The past, according to the author, at such moments has the property of becoming a landmark in the developing the social and political forces. The denial of history and the historical is also one an element in the development of history in an era of change. A return to indefinite values characterizes the era of transitions, and a number of additional questions arise related to the acceptance of ideas or their interpretations in the present. The author is inclined to believe that during the changes there is arise in the understanding and concept of that the present is a projection of our past, what to a greater extent affects the increase in the relevance of the object under study.

The mechanisms of actualizing historical knowledge and attitudes towards history have been little studied in the scientific literature and require additional involving the historians researchers into the theme since that directly affects our present.

Keywords: historical knowledge, history, actualization of history, USSR

For citation: Akramov, A.R. (2021), "History and the historical in an era of change", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 12–19, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-12-19

Введение

«Люди изучают историю прежде всего, чтобы понять самих себя» [Афанасьев 1987, с. 57]. Этой фразой Ю.Н. Афанасьев завершает свое выступление на чтениях в Историко-архивном институте в 1987 г. Данная цитата многомерна, так как в контексте выступления содержит ряд смыслов. Во-первых, автор пытается определить место истории в социокультурном пространстве нашего бытования и существования. Во-вторых, он подчеркивает значимость истории и исторического относительно личности. Почему история нам так

необходима? Разве мы не можем обойтись без изучения исторического бэкграунда? Вероятно, все же не можем, и можно привести массу аргументов необходимости изучения истории, а также необходимости поддержания и развития исторической памяти. История – это условие прогресса; не зная и не понимая ошибок прошлого, все мы обречены на бесконечные блуждания в потемках нашего сознания. Не зная своих сильных сторон и успехов, сложно, если вообще возможно, двигаться вперед и развиваться. История не только и не столько отрасль знания, сколько часть общественного сознания, которая позволяет нам ориентироваться на шкале времени в современном общественном пространстве.

Поэтому отношение к историческому знанию определяет не только наше прошлое, но и настоящее, а также будущее. Это означает, что качественные характеристики отношения к истории и историческому способны влиять на все сферы жизнедеятельности человека. При этом, как показывает научная практика, отношение к истории изменяется в переломные моменты тогда, когда в общественном развитии происходит слом или качественный скачок в развитии. По моему мнению, это обусловлено тем, что новое видение проблем, а также совершенно новые задачи требуют иных подходов для их осмысления.

Общественно-политический кризис актуализирует историческое знание в первую очередь потому, что предполагает перелом, который, по своей сути, означает, что возникает необходимость в поиске новых путей развития или, возможно, изменениях в уже существующих подходах. Возникает вопрос: почему именно историческое знание актуализируется на таких этапах? Потому что историческая наука, как и исторические методы исследования, способна дать ответ на вопрос, от чего нам необходимо отказаться в прошлом, чтобы добиться развития и движения вперед.

О данных тенденциях в исторической науке можно размышлять абстрактно, однако, они имеют вполне реальные воплощения, представленные на пути истории исторического знания в России. Одним из ярких примеров изменения восприятия и роли истории и исторического является период «выхода из коммунизма» в Советском Союзе. Я хотел бы заострить внимание именно на этом понятии, так как оно охватывает более продолжительный отрезок времени, чем, например, распад СССР. Выход из коммунизма – это не событие, а целый процесс, характер, изучающийся сломом общественного и политического сознания. Целый ряд современных исследователей, а также современников происходящих событий склонны считать, что данный период повлиял на историческое знание коренным образом [Абудулов 2013].

Характеристика отношения к истории и историческому в эпоху перемен

Актуализация знания в периоды социальных перемен вызывает в исторической науке массу вопросов. В периоды перемен мы, как правило, отказываемся от своего прошлого, чтобы сформировать новое настоящее. Почему же тогда в такие моменты актуализируется прошлое? Связано это в первую очередь с тем, что преодоление прошлого невозможно без обращения к нему.

Отношение к истории и историческому в переломные моменты существенно меняется и видоизменяется, появляются новые качественные характеристики этого отношения, которые, в частности, обусловлены происходящими переменами и, соответственно, новыми вызовами, которые стоят перед историей и историческим знанием.

1. *В процессе актуализации прошлого возникает страх перед прошлым.* В период отказа от прошлого на фоне социальных перемен неминуемо возникает вопрос, связанный с тем, что, если мы отказываемся от собственного прошлого, это означает, что в нем было что-то, что нас не устраивает. Далее формируется страх, связанный с тем, что преодоленное прошлое может возродиться снова в том или ином проявлении. Ярким примером страха перед прошлым является доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях». Этот доклад стал знаковым, так как положил начало переосмыслению прошлого и зафиксировал опасения, существовавшие в общественных отношениях¹. В итоге Н.С. Хрущев констатировал, что мы не намерены допустить возвращение сталинизма. Для этого он использовал идеи классиков марксизма, а также упомянул «Письмо к съезду», написанное В.И. Лениным, в котором тот обращался к съезду партии с идеей не допустить И.В. Сталина к должности генерального секретаря в связи с его излишней грубостью и резкостью².

Боязнь прошлого как элемент его преследования. Вполне вероятно, что боязнь прошлого может быть выражена не только в прямом его возвращении, но и в воплощении элементов этого прошлого в настоящем. Страх в данном случае связан с потенциалом воздействия прошлого на настоящее. Хотя к моменту выступления

---

¹ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях: Доклад к XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

² Ленин В.И. Письмо к съезду; о придании законодательных функций Госплана; к вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. С. 9.

Н.С. Хрущева и выступления М.С. Горбачева на праздновании 70-летия Октябрьской революции Сталин был уже мертв и влиять на настоящее не мог, его идеи продолжали существовать. Они, в частности, могли привести к возрождению его представлений и взглядов в обществе. Этого и пытались не допустить лидеры коммунистической партии.

2. *Воспоминания о прошлом как тип ориентации.* Для различных социальных, политических и общественных групп прошлое может становиться ориентацией. Ярким примером является деятельность Коммунистической партии Российской Федерации и ее лидера Г.А. Зюганова. В своей деятельности КПРФ периодически опирается на авторитеты прошлого, в данном случае на решения и достижения СССР, принимая это прошлое своим идеалом и ориентиром. Нередко в средствах массовой информации можно наблюдать подобные заголовки: «Геннадий Зюганов призвал к воссозданию СССР»³. В восприятии электората данная партия может ассоциироваться с коммунистической партией Советского Союза, достижения которой переносятся на КПРФ. Так же и провалы КПСС могут ассоциироваться с КПРФ. Очень значимым здесь видится отношение Президента Российской Федерации В.В. Путина к данному процессу⁴. Оно только подтверждает выдвинутое предположение.

3. *Отрицание истории и исторического.* В первую очередь это связано с тем, что в разбираемый период перемены были связаны со стремлением добиться «лучшей» жизни, признавалось, что существующее старое политическое и общественное устройство не может дать того, что было необходимо: честность, открытость, свободу. Академическая историческая наука в этих условиях подвергается серьезной критике со стороны публицистов. Ее обвиняют в необъективности, фальсификации фактов, недостаточной верификации, в использовании «ненаучных» методов [Дорохов 1994]. Кризис истории и исторического на фоне сращивания государственно-политических институтов, который в своей статье «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – на-

---

³ «Геннадий Зюганов призвал к воссозданию СССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/535998> (дата обращения 26 октября 2020).

⁴ Путин напомнил Зюганову о роли коммунистов в распаде СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/news/2016/09/23/putin-ponomnil-zyuganovu-o-rol-i-kommunistov-v-razvale-sssr> (дата обращения 26 октября 2020).

чала 90-х гг.» констатировал профессор А.П. Логунов, постепенно начинает ослабевать, что приводит к тому, что уже не государство является органом, формирующим научные запросы, а общество [Логунов 1996]. Таким образом, отказ происходит даже не просто от истории и исторического, а от истории, тесно переплетенной с государственной машиной.

4. *Историческое как призыв к возвращению неопределенных ценностей.* Одним из наиболее ярких явлений в области культуры было переосмысление истории советского периода. Начало такому переосмыслению, в том числе, положил доклад М.С. Горбачева на праздновании 70-летия Октябрьской революции «Октябрь и перестройка, революция продолжается». В рамках данного доклада были даны новые оценки историческим событиям. М.С. Горбачев затрагивал темы, которые не имели ранее столь жесткого критического осмысления: роль И.В. Сталина в строительстве, трактовка идей В.И. Ленина, сущность Второй мировой войны и т. п.⁵ Смысл выступления М.С. Горбачева заключался в том, что путь развития Советского Союза содержал значительные ошибки и погрешности, которые мешали на пути социалистического строительства. В связи с этим, он предлагает вернуться к «настоящему» ленинизму или начать развитие с новой отправной точки. Поворотом к прошлым ценностям, в контексте характеристики отношения к историческому на переломных этапах, является попытка вернуться к ленинизму, не извращенному идеями И.В. Сталина и другими факторами воздействия. В рамках данного подхода необходимо выделить ключевые элементы.

Отношение к базовым ценностям и их интерпретация. Возникает понимание, что есть элементы истории, от которых мы не отказываемся по тем или иным причинам. М.С. Горбачев задавался вопросом интерпретации и трактовки идей В.И. Ленина, что означало, что он не призывал против отказа от них, но актуализировал вопрос об их трактовании и понимании. Ленинизм мог трактоваться по-разному, но если мы признаем значимость этой позиции, мы должны актуализировать размышления о его интерпретации.

Значимость интерпретации возрастает соразмерно значимости базовых ценностей, которые мы решаем сохранить в своем настоящем. На данном этапе актуализируется историческое зна-

---

⁵ Горбачев Н.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад на Совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 9–57.

ние, так как недостаточно только определиться с интерпретацией этих явлений, нужно определиться с тем, как мы поступим с историческим концептом, сформированным по совершенно иным принципам.

Выбор альтернатив связан с тем, что в условиях наличия «неверных» интерпретаций возникает вопрос о выборе того, от чего мы отказываемся в прошлом и что оставляем в настоящем. Мы можем оставить идеи В.И. Ленина в их первоизданном виде, а можем отказаться от них и сохранить лишь ту интерпретацию, которая кажется нам более уместной и эффективной в рамках тех целей и задач, которые стоят перед нами.

5. *Понимание и представление о том, что настоящее – это реализация нашего прошлого.* Совершая те или иные поступки в настоящем, мы обращаемся к нашему прошлому, однако с течением времени в мире появляются совершенно новые подходы к решению тех или других задач, появляются новые инструменты, которые способны более эффективно и качественно справиться с поставленными задачами. Возникает логичный вопрос: как воспринимаются история и историческое? Как закрепление прошлого опыта или как обоснование новых возможностей движения в будущем? Эти вопросы лежат в области истории и теории исторической науки. Данная тенденция также имеет реальное воплощение в историческом опыте периода «выхода из коммунизма». Перед обществом и исторической наукой жестко встал вопрос о направлении дальнейшего развития. Стоит ли сосредоточиться и остановиться на марксистско-ленинских методах исторического анализа или возникает необходимость заменить методологию исторических исследований для решения исследовательских задач? Стоит ли сохранить прежнюю систему правового регулирования и взять ее за основу или же попытаться найти зарубежную альтернативу?

Заключение

Вопрос отношения к истории и историческому в эпоху перемен весьма многомерен и имеет под своим основанием ряд переменных, которые необходимо выявлять и фиксировать как в научной литературе, так и в нашей повседневности. Вопрос актуализации исторического знания на этапах перемен все еще остается до конца не исследованным.

Возникает вопрос: стабильность в отношении чего? Стабильность как сохранение элементов системы или стабильность как возвращение к прошлому?

Для ответа на этот основополагающий вопрос необходимо продвигаться вперед в размышлениях, посвященных актуализации истории и исторического.

Литература

- Абдулов 2013 – *Абдулов И.* Из истории распада СССР // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 105–106.
- Афанасьев 1987 – *Афанасьев Ю.Н.* Социальная память человечества // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 56–59.
- Дорохов 1994 – *Дорохов А.М.* Кризис исторической науки или исторический кризис? // Вестник Челябинского ун-та. Серия 1: История. 1994. № 1 (7). С. 81–88.
- Логунов 1996 – *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 447–487. (Россия: XX век)

References

- Abduloev, I. (2013), "From the history of the collapse of the USSR", *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 105–106.
- Afanas'ev, Yu.N. (1987), "Social memory of humanity", *Nauka i zhizn'*, no. 9, pp. 56–59.
- Dorokhov, A.M. (1994), "Crisis of historical science or historical crisis?", *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 1. Istoriya*, no. 1, pp. 81–88.
- Logunov, A.P. (1996), "Crisis of historical science or the science in a social crisis. Russian historiography of the second half of the 80's and early 90's.", *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Р. Акрамов, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; akramov.a@rggu.ru

Information about the author

Aleksandr R. Akramov, lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; akramov.a@rggu.ru

Отношение греческого общества к России
во второй половине XIX в.
(по воспоминаниям русской интеллигенции)

Елена В. Бульчева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bulychevalena@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – представить отношение греческого общества к России во второй половине XIX в., опираясь на воспоминания представителей русской интеллигенции, которые побывали в Греции в то время. В работе обращено внимание на тот факт, что вторая половина XIX в. была весьма непростым временем для греческого общества. В 1821 г. греки в результате долгой борьбы обрели независимость от Османского государства и перед ними возник вопрос о путях дальнейшего развития. В обществе не было единого мнения по этому поводу. В работе исследуется мнение разных слоев греческого общества на основе фактов и рассуждений, которые содержатся в воспоминаниях наших соотечественников. Представители русской интеллигенции, побывавшие в то время в Греции, отмечают, что отношение к России было неоднозначным. На мнение греков о России особое влияние оказывали политические события и Западная Европа.

Ключевые слова: Греция, общество, Россия, интеллигенция, воспоминания

Для цитирования: Бульчева Е.В. Отношение греческого общества к России во второй половине XIX в. (по воспоминаниям русской интеллигенции) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 20–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-20-29

The attitude of Greek society to Russia
in the second half of the 19th century
(according to the memoirs
of the Russian intelligentsia)

Elena V. Bulycheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bulychevalena@yandex.ru*

Abstract. The article seeks to present the attitude of Greek society to Russia in the second half of the 19th century, based on memoirs of representatives of the Russian intelligentsia who visited Greece at that time. The author draws attention to the fact that the second half of the 19th century was a very difficult time for Greek society. In 1821, as a result of a long struggle, the Greeks gained independence from the Ottoman state and the question arose before them about the ways of further development. There was no consensus in society on that issue. The paper explores the opinions of different strata of Greek society based on the facts and arguments from the memoirs of our compatriots. Representatives of the Russian intelligentsia who visited Greece at that time note that the attitude to Russia was not uniform. The opinion of the Greeks about Russia was particularly impacted by political events and the influence of Western Europe.

Keywords: Greece, society, Russia, the intelligentsia, the memories

For citation: Bulycheva, E.V. (2021), "The attitude of Greek society to Russia in the second half of the 19th century (according to the memoirs of the Russian intelligentsia)", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 20–29, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-20-29

Введение

В 1821 г. Греция после долгих лет борьбы обрела независимость от Османской империи. В результате обретения долгожданной свободы перед греческим обществом встал непростой вопрос о путях дальнейшего развития. Страна находилась в весьма сложной ситуации, государству угрожал экономический кризис, не было определенной политической системы. В связи с этим, безусловно, Греция нуждалась во внешней поддержке, в помощи от других, развитых, самостоятельных государств. Страны Западной Европы и Россия были готовы предоставить греческому народу такую помощь, но при этом в самой Греции возникал вопрос о том, в какой мере предоставленная поддержка будет бескорыстна, не приве-

дет ли она к тому, что греки, с таким трудом освободившиеся от османов, попадут в новую кабалу. В то время в Греции находились представители русской интеллигенции – писатели, художники, путешественники и дипломаты, которые были большими почитателями греческих традиций и культуры. Они наблюдали за теми процессами, которые происходили в греческом обществе и оставили для своих потомков воспоминания о пребывании в Греции, а также о реакции греческого населения на происходившие события. В связи с этим цель настоящей статьи – на основе воспоминаний представителей русской интеллигенции, побывавших в Греции во второй половине XIX в., представить отношение греческого общества к России. К таким воспоминаниям относятся мемуары художника И. Захарова, филолога А. Милюкова, географа М. Венюкова, а также путешественников Н. Аброва и Л. Бенике, промышленника А.А. Скальковского и дипломата К. Базили. Обращение к трудам данных авторов неслучайно, поскольку все они посетили Грецию примерно в одно время и достаточно подробно описали ситуацию, сложившуюся в греческих землях во второй половине XIX в. Безусловно, многие из этих сочинений имеют весьма субъективный характер, поскольку отражают личное мнение автора по тому или иному вопросу. Несмотря на некоторую субъективность, эти воспоминания представляют для нас ценнейший источник, позволяющий изучить многие стороны греческой ментальности, представить отношение разных слоев греческого общества к России, что весьма важно и актуально при изучении проблемы международных отношений XIX в. Следует также отметить, что представления русских путешественников, побывавших за рубежом, с одной стороны, отражали общие настроения правящих кругов России во внешней политике, что прежде всего заметно на примере взглядов отечественных дипломатов, с другой стороны, демонстрировали их собственные воззрения.

В современной отечественной историографии не существует специального комплексного исследования по данной проблеме. Из работ, в которых используются воспоминания указанных авторов, следует назвать труд Ф. Янницы, посвященный проблеме греческой ментальности XVIII – начала XX в. [Янницы 2005].

Таким образом, данная статья призвана представить отношение греческого общества к России по воспоминаниям наших соотечественников, являвшихся очевидцами событий того времени. При этом автор не ставит перед собой задачи подробно остановиться на выявлении характера взглядов каждого из указанных представителей русской интеллигенции, поскольку для этого потребуются отдельное комплексное исследование.

*Отношение к России греческой
политической и интеллектуальной элиты*

Представители отечественной интеллигенции, побывавшие в Греции во второй половине XIX в., отмечают, что после обретения независимости в греческом обществе царили националистические настроения. Греки считали себя настоящими потомками Древней Эллады, прямыми наследниками богатой древнегреческой культуры и старались подражать древним временам, когда греческое государство было сильным и самостоятельным. Русский художник Иван Захаров, который путешествовал по Греции в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. пишет, что он «знал многих Периклов, Платонов и Сократов, поскольку была распространена мода давать детям имена великих эллинов» [Захаров 2016, с. 71]. Привязанность к традициям и национальной культуре, по мнению наших соотечественников, бытовала у греков повсеместно. Дипломат Константин Базили сообщал, что даже при формировании национальной армии, опираясь во многом на передовой иностранный опыт, греки старались сохранять и подчеркивать свою национальную самобытность [Базили 2014, с. 15].

При этом, несмотря на такой национальный порыв, греки, безусловно, постоянно ощущали влияние иностранных держав, прежде всего государств Западной Европы и России. Это влияние было неизбежно, поскольку Греция в период обретения независимости нуждалась в финансовой и внешнеполитической поддержке сильных держав [Dakin 1972, p. 57]. Как показывают наблюдения представителей русской интеллигенции, отношение греческого общества к этому влиянию было совсем неоднозначным. Представители греческой политической и интеллектуальной элиты весьма настороженно относились к любому проявлению внешнего влияния, особенно начиная с 30-х гг. XIX в., когда во главе их государства находились иностранцы¹.

Отношение к влиянию России на жизнь греческого государства и общества постоянно менялось. В конце XVIII в. греки искали в России поддержку против Османской империи. Они надеялись на помощь российского государства как союзной православной державы. Россия по мере возможности покровительствовала развитию греческой культуры, образования, национального самоопределения. Когда в 1771–1774 гг. часть островов Эгейского моря находились под покровительством России, Екатерина II постано-

---

¹ Милуков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милукова 1857 года. СПб.: Рюмин и комп., 1859. С. 70.

вила своим указом учредить на острове Наксос училище для греческих детей. Однако после подписания мирного договора с Турцией в 1774 г. остров был возвращен Оттоманской империи, и тогда «обучавшиеся были перевезены российским флотом в Петербург», что вызвало самые противоречивые настроения в греческом обществе². С одной стороны, греки весьма одобрительно относились к финансовой помощи России, получая от этого соответствующую выгоду. С другой стороны, опасались вмешательства русского правительства в политику греческого государства [Булычева 2012, с. 170]. Во второй половине XIX в. отношение греческого общества к России оставалось таким же противоречивым.

Во многом на такое отношение повлияли политические события, которые происходили в Греции в 40-е гг. XIX в. Начиная с 30-х гг. в Греции большая часть правительственных кругов была представлена зарубежными политиками. В 1834 г. к власти в Греции пришла группа баварских чиновников во главе с королем Оттоном I, что вызвало крайне негативное отношение греков и в результате привело к восстанию 1843 г. [Ботсвейн, Николсон 2007, с. 273].

В итоге в 1844 г. в Греции была принята конституция и в стране установилось конституционное правление, что было воспринято самодержавной Россией далеко неоднозначно. Отечественный путешественник Н. Абров отмечал, что правящие круги в России отнеслись к этому событию весьма настороженно, что привело к определенному охлаждению в отношениях России и Греции, а также изменило отношение политической греческой элиты к России³. И.Д. Захаров в своих заметках о посещении Афин в начале 50-х гг. XIX в. обращал внимание на то, что после событий 1843 г. в греческом обществе наблюдалась общественная активность, граждане на улицах постоянно обсуждали политические вопросы [Захаров 2016, с. 86]. При этом сам И. Захаров придерживался либеральных взглядов и потому не без восторга говорил о том, что «греческое общество стало демократичнее любого другого в Европе» [Захаров 2016, с. 86]. М. Венюков также восхищался демократизмом греческой элиты и именно этим объяснял ее достаточно настороженное отношение к России⁴. Определенное отношение

---

² *Скальковский А.А.* Историко-статистический опыт о промышленных и торговых делах Одессы. Одесса: Городская типография, 1839. С. 80.

³ *Абров Н.А.* От Марселя до Одессы. М.: Типография г-на. И.Н. Кушнерёва, 1893. С. 59.

⁴ *Венюков М.И.* Из Афин. М.: Типография г-на И.Н. Кушнерёва, 1891. С. 74.

греков, прежде всего их политической элиты, к России ощущалось в 50-е гг. XIX в., когда Россия потерпела поражение в Крымской войне. Безусловно, ослабление внешнеполитических позиций России после Крымской войны сказалось на реакции греческой общественности. Известный российский филолог и публицист А.П. Милюков в 1857 г. отмечал, что война «поколебала, но не заглушила веры греков в наши силы»⁵. А.П. Милюков обращал внимание на то, что поражение России в Крымской войне было воспринято скорее с сочувствием, чем с осуждением⁶.

Базили также писал о том, что на отношение греков к России во второй половине XIX в. повлияли западноевропейские идеи. Если до освобождения от османов Греция ориентировалась в своем развитии на Россию, то в середине XIX в. «взоры греков обратились к передовым европейским странам» [Базили 2014, с. 110]. Он также обращал внимание на то, что в греческом обществе постоянно говорили о необходимости следовать передовому европейскому опыту, а поражение России в Крымской войне греки тесно связывали с феодально-монархическими пережитками и экономической отсталостью. В частности, Милюков отмечал, что знакомые ему греки говорили: «Когда вы проведете железные дороги, освободите крестьян и дадите простора образованию, вы будете первый народ на свете, но пока...»⁷ Таким образом, можно предположить, что отношение греческой элиты к России было во многом связано с проблемами, которые испытывало наше государство в то время, а также с влиянием европейских держав, на передовой опыт которых старались ориентироваться многие знатные греки.

Судя по воспоминаниям представителей отечественной интеллигенции, начиная с момента освобождения от турецкого гнета на греческое образование особое влияние оказывала Западная Европа. Греческое высшее образование основывалось прежде всего на немецкой и французской академических традициях. Из этих стран приглашались преподаватели, которые играли ключевую роль на начальных этапах становления высшего образования. При этом, как писали наши соотечественники, ситуация не изменилась и в дальнейшем. Как отмечал Николай Абров, посетивший Грецию в начале 1890-х гг., «что касается до состава профессоров, то теперь они уже все греки, хотя и получившие большей частью свое научное образование в германских и французских университетах»⁸.

---

⁵ Милюков А.П. Указ. соч. С. 32.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Абров Н.А. Указ. соч. С. 35.

Описывая свое впечатление от посещения библиотеки Афинского университета, А.П. Милюков писал:

С первого взгляда видно, что она всем обязана Западной Европе, книги в ней большей частью итальянские, французские и немецкие. На русском языке я ничего не нашел, кроме журнала министерства народного просвещения да разрозненных словарей⁹.

При этом Милюков отмечал, что многие профессора и студенты хотели бы приобрести российскую литературу, особенно классическую, и были заинтересованы в ее чтении¹⁰. Возможно, что такое преобладание европейского образования над российским также было связано с политической ситуацией, потерей авторитета России в греческом обществе. В результате влияния Западной Европы на греческое высшее образование политическая и интеллектуальная элита Греции была в значительной мере ориентирована на европейский опыт [Булычева 2012, с. 170]. При этом, говоря о воздействии западных держав на интеллектуальную греческую элиту, наши соотечественники считали, что не следует преувеличивать такое влияние, поскольку греки всегда старались оставаться ярыми патриотами своей страны. Венюков приводил мнение афинского профессора, который был выпускником политехнического института в Германии, французской Сорбонны и при этом все время подчеркивал, что он является чистокровным эллином, который постоянно отмечает свою национальную принадлежность и желание во всем следовать греческим культурным традициям¹¹.

Представление о России в среде низших слоев греческого общества

Говоря об отношении греческого общества к России во второй половине XIX в., необходимо отметить, что если представители политической и интеллектуальной элиты могли быть негативно настроены, выражали неодобрение в отношении политики правящих кругов России, то не искушенные в большой политике простые греки старались относиться к русским с симпатией [Янници 2005,

---

⁹ Милюков А.П. Указ. соч. С. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Венюков М.И. Указ. соч. С. 89.

с. 105]. При этом, по словам наших соотечественников, посетивших в то время греческие земли, отношение простого греческого населения к России было гораздо более благожелательное, чем к представителям других европейских держав.

В частности, А.П. Милюков рассказывал о том, как он прогуливался недалеко от Акрополя, разговаривая с одним из своих знакомых греческих профессоров по-французски и им довелось встретить пожилого греческого пастуха. Старик сначала подумал, что иностранец из Германии, и настороженно нахмурил брови, но когда он узнал, что путешественник из России, его настроение резко изменилось¹². По словам Милюкова, старик прижал руку к сердцу и радостно вскрикнул: «Русские – наши гости! Русские – наши братья!»¹³ Милюков также с радостью рассказывает о том, как ему удалось завести разговор с простой гречанкой, прачкой, которая в начале не желала вступать в беседу с чужестранцем, но узнала, что он из России и с гордостью стала рассказывать, как ее дочь поступила в престижный женский институт Арсакеон в Афинах¹⁴.

Подобную картину отношения простых греков к России изображал русский путешественник Л.А. Бенике¹⁵. Он писал о своей встрече в пути с греческими крестьянами, которые, узнали, что он русский, и весьма обрадовались, заявляя, что русских они считают своими братьями¹⁶. Можно предположить, что такое доброе отношение к России среди простого населения Греции было во многом обусловлено религиозной общностью. Со времен Византии русских и греков объединяла православная вера. А.П. Милюков приводит свою беседу с греческим таможенником в Пирее, который весьма обрадовался, что его собеседник русский, и искренне воскликнул: «Мы одной веры: эфенди верит, во что и я верю!»¹⁷ Подобные настроения, по словам А.П. Милюкова, были характерны для многих греческих простолюдинов.

---

¹² Милюков А.П. Указ. соч. С. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 74.

¹⁵ Бенике Л.А. Поездка в Грецию. Харьков: Типография М.Х. Сергеева, 1915. С. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Милюков А.П. Указ. соч. С. 32.

Заключение

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Отношение греческого общества к России во второй половине XIX в. вряд ли можно назвать однозначным. Оно было во многом обусловлено политической ситуацией. Получив независимость от Османской империи, греки боялись попасть под влияние более сильных держав, среди которых была и Россия. В то же время отношение греков к русским оставалось весьма благожелательным, поскольку очень сильны были традиции и в греческом обществе не забывали о том, какую поддержку Россия оказывала Греции в годы самых сложных для страны испытаний. Необходимо также обратить внимание на то, что различалось отношение к России представителей правящих кругов и низших слоев населения. Возвращаясь домой, представители русской интеллигенции делились своими впечатлениями о посещении греческих земель, публиковали воспоминания, что, безусловно, находило отклик в русском обществе, формировало определенные взгляды на отношение двух православных народов. В целом изучение данного вопроса весьма важно для исследования международных отношений России и Греции. Привлечение в качестве исторического источника воспоминаний представителей русской интеллигенции, побывавших на греческой земле во второй половине XIX в., позволит и в дальнейшем всесторонне изучить характер и особенности взаимоотношения государств.

Литература

- Базили 2014 – *Базили К.М.* Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. М.: Книга по требованию, 2014. 294 с.
- Ботсвейн, Николсон 2007 – *Ботсвейн Т., Николсон К.* Греция. История страны. СПб.: Мидград, 2007. 509 с.
- Булычева 2012 – *Булычева Е.В.* Университетское образование в Греции конца XIX – начала XX в. глазами русских путешественников // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2012. № 9 (89). С. 165–176.
- Захаров 2016 – *Захаров И.Д.* Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. М.: Книга по требованию, 2016. 133 с.
- Янници 2005 – *Янници Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX в. СПб.: Алетейя, 2005. 188 с.
- Dakin 1972 – *Dakin D.* The Unification of Greece 1779–1923. Michigan: Michigan University of Michigan Press, 1972.

References

- Bazili, K.M. (2014), *Arhipelag i Gretsya v 1830–1831 godah* [Archipelago and Greece in 1830–1831], Kniga po trebovaniyu, Moscow, Russia.
- Boatswain, T., Nicolson, C. (2007), *Gretsya. Istoriya strany* [A Traveller's History of Greece], Midgard, Saint Petersburg, Russia.
- Bulycheva, E.V. (2012), "University education in Greece of the late 19th – early 20th century through the eyes of Russian travelers", *RSUH/RGGU Bulletin. "Historical Studies. General History" Series*, vol. 9, no. 7, pp. 165–176.
- Dakin, D. (1972), *The Unification of Greece 1779–1923*, University of Michigan Press, Michigan, USA.
- Yannitsi, F. (2005), *Grecheskii mir v kontse XVIII – nachale XIX v.* [The Greek world at the end of the 18th – early 20th century], Aletheiya, Saint Petersburg, Russia.
- Zakharov, I.D. (2016), *Putevye zapiski russkogo khudozhnika Zakharova, sobrannye vo vremya puteshestviya po Rossii, Turtsii, Gretsiii. Italii i Germanii* [Travel notes of the Russian artist Zakharov, collected during a trip to Russia, Turkey, Greece, Italy and Germany], Kniga po trebovaniyu, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Бulycheva, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bulychevalena@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Bulycheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; bulychevalena@yandex.ru

Становление историко-литургического направления
в русской академической науке конца XIX – начала XX в.:
сопоставительный анализ методологических подходов
Н.В. Покровского и И.А. Карабинова

Зоя М. Дашевская

*Свято-Филаретовский православно-христианский институт,
Москва, Россия, dean@sfi.ru*

Аннотация. Во второй половине XIX в., в особенности со времени принятия академического Устава в 1869 г., а также в последующее время, в 1880-е гг., вплоть до закрытия духовных школ, историко-литургическое направление в русской академической науке переживало период становления и расцвета. Предметом данной статьи является сравнение подходов к изучению истории богослужения и анализ становления исследовательской методологии преподавания литургики профессорами СПбДА Н.В. Покровским и И.А. Карабиновым, преподававшими историю христианского богослужения в СПбДА в период с 1880-х гг. до закрытия Академии в 1918 г. Анализ и сопоставление академических курсов литургики позволяет определить границы и содержание данной научной дисциплины в период ее становления, рассмотреть эволюцию исследовательской методологии и, шире, формирование русской историко-литургической научной школы. Сравнение курсов раскрывает отношение авторов к историческим источникам и их изучению. Авторские концепции о происхождении богослужбных чинов характеризуют взгляды исследователей на развитие литургической традиции, выражают их подходы к ее изучению и тем формируют наше представление о становлении данной отрасли научного знания.

Ключевые слова: История Русской Православной церкви, литургия, история христианского богослужения, Санкт-Петербургская духовная академия, Н.В. Покровский, И.А. Карабинов, методология литургических исследований

Для цитирования: Дашевская З.М. Становление историко-литургического направления в русской академической науке конца XIX – начала XX в.: сопоставительный анализ методологических подходов Н.В. Покровского и И.А. Карабинова // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 30–49. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-30-49

The formation of the historical
and liturgical research area in Russian academic scholarship
in the late 19th – early 20th century.
A comparative analysis of methodological approaches
of N.V. Pokrovsky and I.A. Karabinov

Zoya M. Dashevskaya

St. Philaret's Orthodox Christian Institute Moscow, Russia, dean@sfi.ru

Abstract. In the second half of the 19th century – especially in the period following the introduction of the Academic Constitution of 1869, and in the 1880s and continuing until the forced closure of Theological Academies after the Revolutionary coup – the historical and liturgical research area in Russian academic science experienced a period of its formation and flourishing. The subject of the article is a comparison of approaches to the study of the worship service history and analysis of the formation of the research methodology for teaching Liturgics by professors N.V. Pokrovsky and I.A. Karabinov of the St. Petersburg Theological Academy, where they taught the history of Christian worship from the 1880's until its forced closure in 1918. Analysis and juxtaposing of academic courses in Liturgics allows defining the boundaries and content of the discipline in the period of its formation as well as considering the evolution in research methodology and, more broadly, the formation of the Russian historical and liturgical scientific school.

A comparison of the courses reveals the authors attitudes towards historical sources material and its studies. Their own ideas about the provenance of various rites used in church worship characterize their views on the development of the liturgical tradition, expressing their approaches to its study and thereby form our picture of the establishment of historical Liturgics as a field of researchable knowledge.

Keywords: history of Russian Orthodox Church, Liturgical studies, history of Christian worship, St. Petersburg Theological Academy, N.V. Pokrovsky, I.A. Karabinov, methodology of liturgical research

For citation: Dashevskaya, Z.M. (2021), “The formation of the historical and liturgical research area in Russian academic scholarship in the late 19th – early 20th century. A comparative analysis of methodological approaches of N.V. Pokrovsky and I.A. Karabinov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 30–49, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-30-49

Наследие русской академической традиции, становление церковно-исторической науки и историко-литургических исследований в течение последних лет стало предметом многочисленных

исследований и, вместе с процессами становления национальной исследовательской школы в области гуманитарного знания, вызывает неослабевающий интерес [Сухова 2006; Сухова 2007; Сухова 2009; Сухова 2017; Желтов 2011; Акишин, Терехов 2014; Акишин 2017]. Наряду с А.А. Дмитриевским, И.Д. Мансветовым, Н.Ф. Красносельцевым, М.Н. Скабаллановичем, А.П. Голубцовым Николай Васильевич Покровский (1848–1917) и Иван Алексеевич Карабинов (1878–1937) представляют школу историко-литургических исследований в России, поскольку принимали деятельное участие в ее становлении. Н.В. Покровский и И.А. Карабинов – представители русской академической научной традиции, профессора Санкт-Петербургской (впоследствии Петроградской) Духовной академии, областью интересов которых были церковная археология и литургика, история христианского богослужения. Наряду с курсами А.А. Дмитриевского их академическое наследие и роль в становлении русской историко-литургической научной школы, а также их лекционные курсы в настоящее время недостаточно освоены и требуют исследования. Представление Н.В. Покровскими и И.А. Карабиновым материала источников, исследовательские приоритеты ученых и использованная ими методология дают представление о постепенном развитии литургики как научной дисциплины.

Н.В. Покровский возглавил кафедру церковной археологии и литургики по окончании академии, после защиты им кандидатской диссертации. Защитив впоследствии магистерскую диссертацию на тему «Происхождение древнехристианской базилики» и получив степень магистра, Н.В. Покровский 7 июня 1880 г. был утвержден в звании доцента академии, а в октябре 1883 г. возведен в звание экстраординарного профессора. Он приступил к преподаванию 21 сентября 1874 г. в звании приват-доцента и возглавлял кафедру вплоть до 1905 г., а после оставался внештатным профессором церковной археологии до 1916 г.¹

Уже в начале своего преподавания Н.В. Покровский критически оценивал подходы к преподаванию своих предшественников В.И. Долоцкого и А.Л. Катанского и критиковал их за несоответствие требованиям науки:

Я знал, что профессор В.И. Долоцкий пользуется заслуженной и почетной известностью в академических сферах и вел дело преподавания с достоинством и в последние годы своей академической профессуры. Но, с другой стороны, нельзя было не знать и того, что

---

¹ Русские писатели-богословы: Библиогр. указ. [Сост. А.С. Чистякова и др.]. М.: Пашков дом, 2001. С. 131–134.

для научных работ, открывающих новые горизонты знания, он уже устарел. <...> Критическое использование греческих и славянских рукописей в целях науки считалось еще в то время делом роскоши, и только в виде исключения делались экскурсии в эту темную область по указаниям известного капитального труда Горского и Невоструева. – Продолжать дело в том же направлении было невозможно...²

Н.В. Покровский, пришедший на смену А.Л. Катанскому, полагал, что последний, сменивший В.И. Долоцкого, в своих подходах смог сделать значительный шаг вперед:

...его исследования о литургиях и курс Церковной археологии и Литургики, читанный им в нашей Академии в 1873–1874 гг., выгодно отличались от прежних схоластических построений...³

Концепция авторского лекционного курса и его основные положения были разработаны Н.В. Покровским уже на начальном этапе преподавания⁴. Форма и последовательность в изложении лекционного материала у Н.В. Покровского в последующие годы существенных изменений не претерпела, о чем свидетельствуют как его курсы начала 1890-х гг. (1891/92 гг. и 1893/94 гг.)⁵, так и

---

² Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского Археологического Института 1874–1909: Краткий очерк ученой деятельности. 35. СПб.: Синодальная типография, 1909. С. 3–4; О содержательных особенностях курса В.И. Долоцкого см.: [Катанский 2020, с. 156; Карамышев 2015; Карамышев 2017].

³ Профессор Николай Васильевич Покровский... С. 4–5; О научной деятельности и особенностях курса А.Л. Катанского см.: [Катанский 2020, с. 279; Санюк 2015].

⁴ «Что касается литургики, то я не нашел нужным изменять ранее намеченный план и продолжал в прежнем направлении, постепенно перенося центр тяжести моих исследований в круг памятников византийских и русских» (*Покровский Н.В.* Лекции по литургики, читанные студентам 59 и 60 курсов С.-Петербургской академии профессором Н.В. Покровским, 1901/1902 г.: Конспект лекций по литургики за 1901/1902 г. СПб.: Литография Богданова, [1902]. С. 10).

⁵ *Покровский Н.В.* Лекции по литургики, читанные студентам III и IV курса С. Петербургской Академии в 1891/92 уч. г. профессором Н.В. Покровским. СПб.: Литография Д.М. Руднева, 1892. 510 с.; *Он же.* Конспект лекций по литургики, читанных ординарным профессором Николаем Васильевичем Покровским студентам III и IV курса С. Петербургской Академии в 1893/94 уч. году. СПб.: Литография Д.М. Руднева, [1894]. 30 с.

программы и курсы начала 1900-х гг. (1901/02 гг.). Следует отметить, что областью научных интересов Н.В. Покровского все эти годы оставалась не литургика, а церковная археология. Несмотря на собственный исследовательский приоритет в области церковного искусства, курсы Н.В. Покровского по литургики обстоятельны и фундированы, основаны на обширном историческом материале:

Введение с подробной характеристикой источников древне-христианских, византийских и русских. Богослужебные книги. История науки. История общественного богослужения, особенно литургий. История чинопоследования таинств православной церкви. – Отдельные специальные курсы: а) о постах и праздниках православной церкви; б) история церковного пения со стороны текстуальной и музыкальной. – Все отделы литургики находили себе место в нашем историко-литургическом курсе, хотя и не все они сполна могли быть проходимы каждый год. Преимущественное внимание обращалось на богослужение православное в Византии и России⁶.

По свидетельству самого Н.В. Покровского, в период с 1877 по 1883 г. он продолжал работать над академическими курсами по церковной археологии и литургики, дополняя лекционный материал новыми данными, полученными им в ходе научных командировок. В течение всего периода преподавательской деятельности – с 1881 по 1904 гг. – было издано более десяти литографированных лекционных курсов Н.В. Покровского по литургики, которые позволяют составить целостное представление о подходах ученого к преподаванию и прояснить его взгляды на литургику как научную дисциплину.

Курс включал в себя следующие разделы: предмет и метод литургики; изложение источников и содержание богослужебных книг, в том числе нотных, с подробной историей становления записи нотных знаков; литература литургики с анализом историко-литургических сочинений от толкования богослужения к его научной систематизации; богослужение суточного круга и литургии, в том числе развитие ее частей – проскомидии, литургии оглашаемых, литургии верных⁷. В основу курса Н.В. Покровский положил историческое видение процессов формирования последований в противоположность догматическому их истолкованию: «В общем и целом церковные обряды создались историей и подчинены законам исторического развития. Обряды имеют свой генезис

---

⁶ Профессор Николай Васильевич Покровский... С. 21.

⁷ *Покровский Н.В.* Конспект лекций по литургики... за 1901/1902 г.

и подчиняются условиям церковной жизни»⁸. Н.В. Покровский раскрывает значение источников и характеризует сложившиеся конфессиональные подходы к изучению богослужебных обрядов: «Теоретическая точка зрения принята в протестантской литургии, практическая в католической, а новая историческая в православной»⁹, что, конечно, выглядит некоторым упрощением. В курсе лекций ученым выделен раздел, посвященный становлению литургической науки, в котором указаны ведущие специалисты того времени и их работы, среди которых Н.В. Покровский особенно отмечает немецких ученых: Бинтерима, Штауденмайера, Шмидта, Геранже, Люфта, Флюка, Пробста, Бингама, Бунзена, Свейнсона, Брайтмана и других¹⁰. В отношении православной научной мысли в России Н.В. Покровский высказывается следующим образом: «До XVII в. в России мы не встречаем ни одной попытки систематизации историко-литургического материала»¹¹, и констатирует: «Цельной истории богослужения у нас еще нет доселе», отмечает неудовлетворительные как содержание, так и избранную методологию в опубликованных учебниках Смолодовича, Хоршунова, Лебедева и других, но указывает на современные примеры литургической специальной литературы и избранный авторами «историко-археологический метод изъяснения богослужения»¹². Последнее замечание, по-видимому, следует отнести к А.А. Дмитриевскому, который также критиковал перечисленных выше авторов учебных руководств и положил в основание своей исследовательской стратегии сравнительно-генетический метод¹³.

---

⁸ *Покровский Н.В.* Лекции по литургии, читанные студентам 59 и 60 курсов С. Петербургской Академии профессором Н.В. Покровским, 1901/1902 г. С. 7–8.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ *Покровский Н.В.* Конспект лекций по литургии, читанных ординарным профессором Николаем Васильевичем Покровским студентам III и IV курса С. Петербургской Академии в 1893/94 уч. году. С. 6–10.

¹¹ Там же. С. 124.

¹² Там же. С. 131.

¹³ *Дмитриевский А.А.* Лекции по литургии. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. Екатеринбург, 2017. С. 114; «Следовательно, единственно надежный, вполне научный и самый богатый по своим результатам, при нынешнем состоянии изучения первоисточников нашего богослужения, остается метод исследования, названный нашим автором (Н.Ф. Одинцовым) генетическим...» (Богослужение Русской церкви за первые пять веков. Православный собеседник. С. 150); «Только здесь, т. е. в богослужебных памятниках

По сравнению со своими предшественниками – преподавателями Академии – Н.В. Покровскому удалось значительно расширить историко-критическую и методологическую базу своего курса, а также существенно увеличить раздел о литургиях и таинствах, уделив особое внимание константинопольским литургиям святителя Иоанна Златоуста и святителя Василия Великого. При разработке лекционного материала Н.В. Покровский активно использовал не только доступные ему исследования католических и протестантских ученых, но также задействовал материал крупнейшего переводческого проекта СПбДА «Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык»¹⁴ и использовал комментарии к публикации этих текстов¹⁵. Богослужение в трактовке Н.В. Покровского не является единым неподвижным целым; ученый решительно отказывается от попыток символического и назидательного истолкования обрядов, чинов и их элементов, апеллируя к достаточно авторитетным в его время публикациям, как, например *Liturgies Eastern and Western. Vol. 1* Брайтмана,

---

христианского востока, при помощи вполне научного и единственно возможного для нашего исследования метода – сравнительно-генетического, мы и можем найти более или менее правильное решение всех, за весьма немногими исключениями, тех вопросов, которые волновали нас при изучении памятников богослужебной письменности нашей церкви XVI века. Избранный нами метод исследования прямо приводит нас к решению самого главного, самого существенного вопроса в истории богослужения нашей церкви: где кроется действительная причина той разницы богослужебных особенностей, которую мы наблюдаем между нашими рукописными и старопечатными богослужебными книгами и теми, которые имеют место в современной нам богослужебной практике нашей церкви?» (Дмитриевский А.А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств: Историко-археологическое исследование / [Соч.] Алексея Дмитриевского. Казань: тип. Имп. ун-та, 1884. С. IX).

¹⁴ Покровский Н.В. Лекции по литургики, читанные студентам 59 и 60 курсов С. Петербургской Академии, 1901/1902 г. С. 137–138.

¹⁵ См., например, разделы «Введение» и «Предисловие» к каждой литургии в изд.: Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык, составленное редакцией «Христианского чтения». [Вып. 1]. СПб.: Тип-я деп-та уделов, 1874. 199 с. Все выпуски были переизданы в: Собрание древних литургий. Анафора: евхаристическая молитва. М.: Дар, 2007. Составителями собрания были коллеги Н.В. Покровского по СПбДА, редакторы и сотрудники журнала «Христианское чтение» Е.И. Ловягин, Н.И. Глориантов и И.Е. Троицкий.

и исследованиям западных и российских коллег¹⁶. Завершающим разделом его курса стал материал о церковных таинствах и обзор особенностей их совершения в Византии, на Руси и на латинском Западе (в католической и протестантской практике), что также существенно расширило принятый прежде формат изучения данного материала.

Курс лекций Покровского с точки зрения своей структуры и содержания можно соотнести с курсами Н.Ф. Красносельцева¹⁷ и А.А. Дмитриевского в Казанской духовной академии тех же лет¹⁸. Характерными отличиями курса Н.В. Покровского можно назвать обобщающий характер подачи материала и попытку реконструировать историческое развитие богослужения литургии и таинств. Существенными представляются размышления Н.В. Покровского об избранной им исследовательской методологии. Покровский опирался на историческую реконструкцию возникновения последований:

Историческое изъяснение укажет, откуда известная форма ведет свое начало, как она изменялась и когда установилась окончательно. При таком изъяснении можно понять и внутренний смысл богослужбных форм, сообщив им авторитет древности. Итак, лучший метод для литургики – исторический (или археологический, потому что в основе его лежит древность). Историческим он может быть назван потому, что совокупность черт предания дает некоторую историю, и потому еще, что появление тех или других форм ставит в связь с историческими условиями данного времени. <...> В пособиях и руководствах богослужение трактуется как нечто твердое, раз навсегда установленное церковью. Церковные обряды трактуются, как догмат, и литургика приравнивается к догматике. <...> В общем и целом церковные обряды создались историей и подчинены законам исторического развития. Обряды имеют свой генезис и подчиняются условиям церковной жизни. <...> Итак, обряд есть явление, постепенно развившееся на почве исторической. <...> Мы должны обращать внимание на историческую его [богослужения] основу, а не принимать в расчет [лишь] догматическое его толкование¹⁹.

---

¹⁶ *Покровский Н.В.* Лекции по литургики, читанные студентам 59 и 60 курсов... С. 130–140.

¹⁷ *Красносельцев Н.Ф.* Лекции по литургики, читанные студентам Казанской духовной академии в 1881–1882 уч. году // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 210–278.

¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Лекции по литургики. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской Духовной академии в 1882–1884 гг.

¹⁹ *Покровский Н.В.* Лекции по литургики, читанные студентам 59 и 60 курсов... С. 6–7.

Таким образом, Н.В. Покровский предлагал рассматривать богослужебные последования не как неизменные с точки зрения сложившейся формы, но как становящиеся во времени под влиянием определенных исторических обстоятельств и условий, что свидетельствует о формирующемся историческом подходе²⁰.

Курс литургики Н.В. Покровского представляет собой пусть и синтетическую, но достаточно целостную и добротную попытку изложения истории формирования последований, прежде всего литургии, с опорой на доступные ему древние источники, которые были открыты и опубликованы в период работы над курсом (в первую очередь это «Дидахи», Апостольские постановления, Евхологий Серапиона Тмуитского). Материал его курса насыщен историческими подробностями, а само развитие богослужебных последований представлено в историческом контексте. Конечно, его подход не лишен недостатков: Покровский, следуя традиции, полагается на источники, которые считались авторитетными, несмотря на их сомнительную подлинность. Поскольку Николаю Васильевичу не был свойствен гиперкритицизм, как, например, Е.Е. Голубинскому, то он всерьез рассматривает свидетельство [псевдо-]Прокла о литургической деятельности свт. Иоанна Златоуста, хотя и ссылается на критические отзывы о его достоверности²¹. Курсы лекций Н.В. Покровского свидетельствуют о происходивших изменениях в исследовательской методологии и определяют границы литургики, истории христианского богослужения, как научной дисциплины. В рамках преподаваемого курса Н.В. Покровский, благодаря хорошему знанию археологических источников и состояния современного ему научного знания, посчитал необходимым предложить аргументированные реконструкции элементов литургического чина (например, про-

---

²⁰ По-видимому, эта позиция была частью общей критической тенденции, поскольку указание на сходный исследовательский метод мы также встречаем в лекциях А.А. Дмитриевского: «...не следует считать изъяснение главной задачей нашей науки, а наоборот, настоятельно необходимо излагать богослужение нашей Церкви естественным *историческим*» (Дмитриевский А.А. Лекции по литургии. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. С. 134); «Путем историко-критического изучения чинопоследований нашего богослужения нам, может быть, удастся восстановить чины и последования нашего богослужения в первобытной чистоте...» (Там же. С. 141).

²¹ Покровский Н.В. Лекции по литургии, читанные студентам 59 и 60 курсов... С. 158–160.

скомидии²²), пусть и не вполне точные с позиций современного состояния литургической науки. В целом его курс представляет собой серьезный вклад в формирование академической дисциплины в части синтеза имеющегося знания. Следует отметить, что в своем стремлении вывести преподаваемые курсы из поля догматического знания Н.В. Покровский нашел адекватную форму и стилистику в изложении имеющегося материала и попытался рассмотреть развитие последований с исторических позиций, что указывает на становление новой отрасли научного знания в отношении богослужебных последований.

Стремление показать спорность отдельных версий, датировок, реконструкций пробуждало исследовательский импульс, которым, по-видимому, и было вызвано немалое количество курсовых и кандидатских сочинений, написанных академистами Н.В. Покровскому. Так, под его руководством, помимо диссертационных исследований церковно-археологической направленности, были подготовлены и защищены кандидатские диссертации по литургии, что свидетельствует о формировании научной школы²³. Одним из наиболее талантливых его учеников был И.А. Карабинов. Его успехи на научном поприще привели к тому, что именно И.А. Карабинов стал преемником Н.В. Покровского в преподавании литургии. В 1905 г. Совет Академии избрал И.А. Карабинова исполняющим должность доцента кафедры «Церковной археологии и литургии», и И.А. Карабинов стал

---

²² Термин «проскомидия» означает приношение, до X в. был синонимом слова «анафора»; с XII в. термин «проскомидия» стал синонимом протесиса – подготовки хлеба и чаши в отдельном литургическом обряде перед началом Евхаристии [Тафт 2013, с. 123–124].

²³ Будущий профессор СПбДА прот. Александр Петровский подготовил под руководством Н.В. Покровского кандидатское сочинение, впоследствии переработанное в магистерское, «Апостольские литургии Восточной церкви» (напечатано в 1897 г.); профессорский стипендиат Иван Карабинов защитил кандидатское сочинение об истории Постной Триоди. После защиты кандидатской работы И.А. Карабинов готовил магистерскую диссертацию (*Карабинов И.А.* Евхаристическая молитва (анафора). Опыт историко-литургического анализа. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1908. 162 с.), но ей не суждено было пройти защиту. Впоследствии Иван Алексеевич доработал прежнее кандидатское сочинение до уровня магистерской диссертации, которую он защитил в 1910 г. (*Карабинов И.А.* Постная триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1910. X. 294 с.).

преемником Н.В. Покровского в литургических исследованиях в СПбДА²⁴. На основании дополнений к академическому Уставу 1910/11 г. Кафедра церковной археологии и литургики была преобразована в две: «Церковной археологии, в связи с историей христианского искусства» и «Литургики». В 1912 г. кафедре литургики возглавил тогда еще доцент И.А. Карабинов. В течение последующих лет Иван Алексеевич трудился на кафедре в должности профессора вплоть до закрытия Академии в 1918 г., унаследовав от Н.В. Покровского не только должность, но также подходы и методологию. Впоследствии И.А. Карабинов значительно превзошел своего учителя, став самостоятельным ученым-литургистом, чью квалификацию, несмотря на отдельные критические замечания, признавали и коллеги, и зарубежные специалисты [Hann 1912; Salaville 1910]. Ученый имел также и научные интересы в области церковной археологии: он опубликовал несколько научных статей и был участником археологических съездов, а после закрытия академии работал в разряде русской археологии в ИИМК, пусть и непродолжительное время. Докторская диссертация о литургии святителя Василия Великого, над которой он работал, была утрачена во время обысков. Жизнь Ивана Алексеевича оборвалась в 1937 г.: находясь в ссылке в Тобольске, он был арестован по сфабрикованному делу и расстрелян²⁵.

Становление литургики как научной дисциплины предполагало не только исследования, но также накопление научного знания и методологии, обеспечивающих преемство преподавания. Сопоставление курсов И.А. Карабинова и Н.В. Покровского может показать новизну подходов и развитие литургики как науки, которая свидетельствует о «приращении» научного знания. Если в первый год своего преподавания (1905/06 уч. г.) Иван Алексеевич очевидным образом старался привлечь внимание аудитории к изучению литургики²⁶, то курс, подготовленный им после работы над текстом магистерской диссертации о евхаристической молитве, уже несет на себе следы исследовательской работы и напрямую зависит от ее результатов. Лекционные курсы И.А. Карабинова после

---

²⁴ См. сведения о трудах и научных заслугах И.А. Карабинова в этот период: ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3688. 7 февраля 1911 г. – 19 дек. 1911 г. Л. 15 об.

²⁵ Общий обзор трудов И.А. Карабинова см.: [Желтов 2012, с. 614, 3 ст.]; биографию ученого см.: [Тарасов 2014].

²⁶ *Карабинов И.А.* Литургика. Лекции. 1905/6 уч. год. СПб., 1906. 204 с. Литогр. с ркп. С. 6–7.

1909 г. практически повторяют друг друга²⁷, что свидетельствует об устоявшемся выработанном подходе и в исследованиях, и в преподавании. Структура курса И.А. Карабинова в машинописном издании свидетельствует о научных приоритетах ученого: изучение литургии во всем многообразии традиций представляется для него фундаментом богослужения как такового, поэтому формирование молитвы и ее особенностей в различных литургических традициях и практиках в курсе превалирует над всем остальным материалом; вопросы богослужения суточного и годового круга занимают Ивана Алексеича в значительно меньшей степени²⁸. Более того, в его курсе на первых же страницах обозначен сравнительный подход, который он использовал в своей диссертации «Евхаристическая молитва (анафора)»²⁹. Курс И.А. Карабинова значительно отличается от курса Н.В. Покровского прежде всего смелостью высказываемых предположений и гипотез, а также широким использованием сравнительного метода. Так, если Н.В. Покровский последовательно излагает состав богослужения (литургии), исходя из существующего чина и современных автору особенностей его совершения, то И.А. Карабинов, напротив, всегда указывает на неоднородность литургического последования и стремится выявить наиболее древние его формы. Чрезвычайно ценными являются интуиции И.А. Карабинова в отношении при-

---

²⁷ *Карабинов И.А.* Лекции по литургии профессора И.А. Карабинова. Изд. студентов 4 (LXVII) СПб. Духовной Академии в 1909–1910 ак. г.; *Он же.* Лекции по литургии профессора И.А. Карабинова. Изд. студентов 4 (LXVII) СПб. Духовной Академии в 1910–1911 г. Изданы студентом 4-го курса священником В.И. Зыковым. СПб.: Лит. Богданова, 1911. 336 с. (машинопись).

²⁸ Иллюстрацией к данному тезису является содержание авторского академического курса И.А. Карабинова: Начало литургии (1–42); Обзор и история отдельных литургий (43–89); Литургия Василия Великого (89–109); Литургия Златоуста и литургия Константинопольской церкви [в т. ч. Преждеосвященных Даров] (109–156); Литургия ап. Иакова (156–172); Несторианская литургия (173–180); Армянская литургия (180–196); Западные литургии (196–213); Очерк истории служб суточного круга (214–235); Чины дневных служб по Уставу Великой константинопольской церкви (235–255); Часословы прочих церквей (255–272); Богослужебный год (273–297); Календарь памятней неподвижных (298–336); *Карабинов И.А.* Лекции по литургии профессора И.А. Карабинова. Изд. студентов 4 (LXVII) СПб. Духовной Академии в 1910–1911 г.

²⁹ Подробнее о сравнительном подходе в литургических исследованиях И.А. Карабинова см.: [Дашевская 2020, с. 111].

оритетности литургии свт. Василия Великого для богослужебной практики Константинополя³⁰ и свидетельство о большей древности архиерейского чина литургии в отличие от пресвитерского³¹, сегодня ставшие частью научного консенсуса. Если Н.В. Покровского можно назвать систематизатором, то И.А. Карабинов выводит на первый план гипотезы, которые стремится доказать на основе сопоставления источников. Идеи, которые высказывает И.А. Карабинов в своем курсе литургии, были обнародованы им до выхода ключевой для развития литургической науки работы немецкого ориенталиста Антона Баумштарка «Сравнительная литургия»³² [Baumstark 1953] и его более ранних статей, где был обнародован сравнительный подход к исследованию литургических источников [Baumstark 1922]. Таким образом, работы И.А. Карабинова свидетельствуют о формировании исследовательской оптики, базирующейся на широком круге источников и методах сравнительного анализа; методология русского ученого будет идти впереди новейших разработок западных коллег.

Академические курсы литургии Н.В. Покровского и И.А. Карабинова, несмотря на преемство последнего в преподавании дисциплины, имеют более различий, чем сходных черт. Их объединяет представление о литургии как о науке, в их подходах ключевую роль играет стремление «раздогматизировать» изучаемый материал. И.А. Карабинов строит и исследование, и курс, базируясь на новооткрытых текстах, введенных в конце XIX в. в научный оборот; в свою очередь, ставшие достоянием ученых тексты и появившиеся в печати работы коллег также стремился задействовать и Н.В. Покровский. Курс Н.В. Покровского претендует на целостный охват разносторонней литургической проблематики: в нем рассмотрены становление нотной грамоты, формирование литургий в разных традициях, а также совершение таинств в Византии, на Руси и на Западе³³. И.А. Карабинов в своем курсе, напротив, избрал приоритетом развитие литургии и тем самым ориентировал своих слушателей на более аналитический подход к рассмотрению материала источников. Характерно различие ученых в подходах к вопросу

---

³⁰ Подробно данный вопрос рассмотрен в статье: [Паренти 2018, с. 9–42].

³¹ См. об этом: [Taft 2001, p. 207–208].

³² См. о лекциях А. Баумштарка, в которых он обнародовал свой сравнительно-литургический метод: [Lanne 2001, p. 145–162].

³³ *Покровский Н.В.* Конспект лекций по литургии, читанных ординарным профессором Николаем Васильевичем Покровским студентам III и IV курса С. Петербургской Академии в 1893/94 уч. году.

об изменяемости литургического чина. Н.В. Покровского занимал вопрос об общей основе и неизменной схеме литургии со времен апостолов³⁴. И.А. Карабинов, в свою очередь, рассматривал литургию с точки зрения совокупности отдельных элементов, каждый из которых претерпевает развитие и изменение:

Это явление отлично иллюстрирует мысль о том консерватизме в богослужении, которую я высказывал здесь, а именно, что крупных и резких реформ в истории нашего богослужения нет, а постепенные изменения совершаются постоянно, новое видоизменяется и уживается со старым, и наше богослужение составлено из таких частей, одни из коих появились чуть ли не вчера, а другие относятся, быть может, к апостольским временам³⁵.

Следует отметить, что такой позиции придерживаются сегодня литургисты: развитие богослужения является совокупностью отдельных событий и новшеств. Впервые этот «закон» литургического развития сформулировал А. Баумштарк, но несколько позже И.А. Карабинова [Тафт 2001, р. 198]. Следует отметить, что И.А. Карабинов высказывает в рамках курса целый ряд смелых гипотез: например, о влиянии иерусалимской литургической практики на александрийскую литургию ап. Марка³⁶. И.А. Карабинов выделил константинопольское кафедральное богослужение как самостоятельный феномен, отличный от иерусалимской кафедральной практики, которая оказывала влияние на формирование богослужения храмов столицы; этот подход соответствует современным концепциям: в настоящее время ученые стремятся дифференцировать практику кафедрального богослужения и выявить уникальные черты богослужения Иерусалима и Константинополя [Паренти 2019, с. 73–99; Тафт 2000, с. 70–77]. И.А. Карабинов также реконструировал утреннее и вечернее богослужение в храме св. Софии в Константинополе по опубликованным источникам; ему удалось кратко и в доступной форме представить систему кафедрального богослужения суточного круга путем соединения литургических действий, молитв и антифонного пения³⁷. В рамках курса он представил целостную картину формирования богослу-

---

³⁴ *Покровский Н.В.* Лекции по литургике, читанные студентам 59 и 60 курсов С. Петербургской Академии, 1901/1902 г. С. 155.

³⁵ *Карабинов И.А.* Лекции по литургике профессора И.А. Карабинова. Изд. студентов 4 (LXVII) СПб. Духовной Академии в 1910–1911 г. С. 132.

³⁶ Там же. С. 184.

³⁷ Там же. С. 238–255. Ср.: [Арранц 1979].

жения церковного года, используя, в том числе, и малоизвестные данные новооткрытых сирийских памятников³⁸. Н.В. Покровский, напротив, уделял внимание фактологии и не преследовал аналитических задач, рассматривал литургии прежде всего как чинопоследования и тексты, не уделяя особого внимания локальной практике крупных литургических центров и их взаимовлиянию.

В своих лекционных курсах после 1910 г. И.А. Карабинов показал себя как сложившийся ученый и самостоятельный специалист; стараясь фундировать свою позицию другими исследованиями, по большей части западными, И.А. Карабинов аргументированно полемизировал с ними. Его курс, как видится, сохраняет свою актуальность с точки зрения используемых данных и подходов, принятых в современной литургической науке. И.А. Карабинов постарался систематизировать данные литургических источников, учитывая историко-культурный, патристический, языковой и другие контексты, внутри которых богослужение в каждую эпоху существует как феномен. Использованный И.А. Карабиновым метод сравнительно-литургического исследования близок к современной научной методологии, сторонниками которой были и остаются ведущие литургисты последних десятилетий XX – начала XXI в.: архим. Роберт Тафт, Габриэла Винклер, их ученики и последователи. Характерной иллюстрацией различия в подходах двух ученых может служить их позиция в отношении развития и изменений в литургическом чине.

Сравнение курсов Н.В. Покровского и И.А. Карабинова указывает на принципиальные различия в их подходах: в то время как Покровский стремился охватить разнообразный литургический материал, Карабинов старался фундировать и проблематизировать наиболее существенную его часть, а именно историю формирования литургических чинов; в курс последнего богослужение таинств уже не помещалось. Н.В. Покровский ставил своей целью познакомить слушателей с существующими концепциями в основном современных ему западных ученых, критикуя не столько существо гипотез, сколько конфессиональный подход. И.А. Карабинов в большей степени опирался на источниковый материал и использовал сравнительный метод; наряду со своей позицией он информировал слушателей относительно позиций ученых, вступая с ними в заочную полемику по существу (например, с А.А. Дмитриевским по вопросу о происхождении богослужебного устава). Таким образом, И.А. Карабинов ориентировал своих слушателей на исследование, а не на простое усвоение.

---

³⁸ *Карабинов И.А.* Лекции по литургике профессора И.А. Карабинова. Изд. студентов 4 (LXVII) СПб. Духовной Академии в 1910–1911 г. С. 322.

Сопоставление курсов Н.В. Покровского и И.А. Карабинова позволяет наблюдать становление исторической литургики в качестве самостоятельного направления в академической науке. Литургика предстает в их авторских курсах отраслью исторического знания, требующей внимательного и трезвенного отношения к фактическому материалу и аналитическому подходу. Эти учебные курсы, взятые в сравнении, свидетельствуют о постепенном выделении в учебном материале исследовательской составляющей и перспективных направлений, в которых данная научная дисциплина будет развиваться дальше. Можно наблюдать формирование методологии: от компилятивных обобщений передовых концепций коллег к собственным гипотезам и обоснованиям, которые вывели литургические разработки в России на передовые позиции в этой отрасли знания. Курс И.А. Карабинова очевидно преемствует курсу Н.В. Покровского в стремлении к доказательности и обоснованности предположений, однако И.А. Карабинов идет значительно дальше своего учителя в попытке увидеть развитие богослужебных последований как единое целое в его разнообразии, используя аналитические методы. Обоснованность отдельных гипотез И.А. Карабинова сегодня может вызвать вопросы, однако его интуиции оказались верными. Благодаря его курсу в СПбДА литургика стала одной из ведущих дисциплин академической программы, а сам И.А. Карабинов получил известность как авторитетный специалист.

В настоящее время внешний рисунок развития богословия и науки в духовных школах уже намечен, однако проблематику зарождавшихся научных направлений еще предстоит раскрыть. Начиная с 1880-х гг. вплоть до прекращения богословского образования в советский период в 1920-е гг. литургика, поначалу примыкавшая либо к церковной археологии, либо к иным дисциплинам [Дашевская 2015, с. 168–185], приобрела черты самостоятельного научного направления. Преемство принципов преподавания и в то же время новизна в представлении источников в учебных курсах, реконструкции и анализ, пришедшие на смену описанию и обобщению имеющегося материала, свидетельствуют о становлении историко-литургических исследований как самостоятельного научного направления.

Литература

Акишин 2017 – Акишин С.Ю. Лекционный курс приват-доцента А.А. Дмитриевского по истории богослужения в Русской Церкви // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. /

- Отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: Апостороф, 2017. С. 323–329. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36)
- Акишин, Терехов 2014 – *Акишин С.Ю., Терехов М.А.* История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А.А. Дмитриевского // Церковь. Богословие. История: Материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург: Информ.-издат. отдел ЕДС, 2014. С. 15–20.
- Арранц 1979 – *Арранц М.* Как молились Богу древние византийцы: Суточный круг богослужения по древним спискам Византийского Евхология. Л.: ЛДА, 1979. 309 с.
- Дашевская 2015 – *Дашевская З.М.* Формирование российской школы литургических исследований: поиск методологии и развитие научных направлений // Университетский научный журнал. 2015. № 14. С. 168–185.
- Дашевская 2020 – *Дашевская З.М.* Литургические разработки И.А. Карабинова с точки зрения современной литургической науки // Вестник ПСТГУ. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2020. Вып. 93. С. 97–116.
- Желтов 2011 – *Желтов М.*, священник. Обзор истории православной литургической науки до конца XX века // Сайт «Богослов.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1883125.html> (дата обращения 17 сентября 2011).
- Желтов 2012 – *Желтов М.*, священник. Карабинов // Православная энциклопедия. Т. 30. М.: Православная энциклопедия, 2012. С. 614–615.
- Карамышев 2015 – *Карамышев Н.Т.* Научная деятельность профессора литургики СПбДА В.И. Долоцкого // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 188–209.
- Карамышев 2017 – *Карамышев Н.Т.* Роль профессора В.И. Долоцкого в формировании литургики как науки и учебной дисциплины в Российской высшей духовной школе // Вестник ПСТГУ. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2017. Вып. 78. С. 65–82.
- Катанский 2020 – *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2020. 432 с.
- Паренти 2018 – *Паренти С.* «Победа» литургии Иоанна Златоуста над литургией Василия Великого в церкви Константинополя // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 28. М., 2018. С. 9–42.
- Паренти 2019 – *Паренти С.* Кафедральный обряд Константинополя: эволюция местной традиции // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 33. М., 2019. С. 73–99.
- Санюк 2015 – *Санюк Глеб*, священник. Литургические исследования профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.Л. Катанского // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 178–187.
- Сухова 2006 – *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 656 с.

- Сухова 2007 – *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 382 с.
- Сухова 2009 – *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 673 с.
- Сухова 2017 – *Сухова Н.Ю.* Формирование литургики как академической дисциплины // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 2 (18). С. 8–116.
- Тарасов 2014 – *Тарасов Иоанн*, свящ. Жизненный путь профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Алексеевича Карабинова (1878–1937) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 125–155.
- Тафт 2000 – *Тафт Р.Ф.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
- Тафт 2013 – *Тафт Р.Ф.* Литургический лексикон / Пер. с англ. С. Голованова. Омск: Амфора, 2013. 190 с.
- Baumstark 1922 – *Baumstark A.* Vom geschichtlichen Werden der Liturgie. Freiburg i. Br., 1922.
- Baumstark 1953 – *Baumstark A.* Liturgie comparée. Conférences faites au Prieuré d'Amay / Édition refondue. Chevetogne o. J. [1939]; 3. édition revue par Bernard Botte. Ed. de Chevetogne. Chevetogne, 1953.
- Hann 1912 – *Hann T.* [Рец. на дис. И.А. Карабинова «Евхаристическая молитва (анафора). Опыт историко-литургического анализа» (СПб., Ч. Киришбаума, 1908)] // Theologische Literaturzeitung. 1912. № 26. S. 812–813.
- Lanne 2001 – *Lanne E.* Les dix leçons de Liturgie Comparée d'Anton Baumstark au Monastère d'Amay-sur-Meuse en 1932: leur contexte et leur publication // Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948). OCA 265. Rome: PIO, 2001. P. 145–162.
- Salaville 1910 – *Salaville S.J.* Karabinov. Evkhariticheskaia molitva (Anajora): Opyt istoriko-litourgitcheskago analiza // Échos d'Orient. 1910. № 84. P. 306–307.
- Taft 2001 – *Taft R.F.* Anton Baumstark's Comparative Liturgy Revisited // Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948). OCA 265. Rome: PIO, 2001. P. 191–232.

References

- Akishin, S.Yu. (2017), “The Lectures written by privat-docent Alexey Dmitrievsky on the History of Liturgy and Worship in the Russian Church”, *Problemy sokhraneniya otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XXI vv.* [Issues of preserving the Russian spiritual culture in the written monuments of the 16th – 21st centuries. A.Kh. Elert], Apostrof, Novosibirsk, Russia, pp. 323–329. (Arkhografya i istochnikovedenie Sibiri, iss. 36)
- Akishin, S.Yu. and Terekhov, A.M. (2014), “History of Formation of the Lectures Course ‘Study of Orthodox Liturgy and Worship’, written by professor Alexey Dmitrievsky”, *Problemy sokhraneniya otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XXI vv.* [Issues of preserving the Russian spiritual culture in the written monuments of the 16th – 21st centuries. A.Kh. Elert], Apostrof, Novosibirsk, Russia, pp. 323–329. (Arkhografya i istochnikovedenie Sibiri, iss. 36)

- rievisky", *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii* [Church. Theology. History. Proceedings of the All-Russian scientific and theological Conference], Yekaterinburg, 12, February 2013, Inform.-izdat. otдел EDS, Yekaterinburg, Russia, pp. 15–20.
- Arrants, M. (1979), *Kak molilis' Bogu drevnie vizantiitsy: Sutochnyi krug bogoslužheniya po drevnim spiskam Vizantiiskogo Evkhologiya* [How the ancient Byzantines prayed to God. The daily cycle of worship according to the ancient lists of the Byzantine Euchology.], LDA, Leningrad, Russia.
- Baumstark, A. (1922), *Vom geschichtlichen Werden der Liturgie*. Freiburg i. Br., Darmstadt, Germany.
- Baumstark, A. (1953), *Liturgie comparée. Conférences faites au Prieuré d'Amay. Édition refondue. Chevetogne o.J. [1939]*; 3. édition revue par Bernard Botte. Ed. de Chevetogne. Chevetogne, Belgium.
- Dashevskaya, Z.M. (2015), "Formation of the Russian School of Liturgical Studies. Search for Methodology and Development of Academic Trends", *Humanities and Science University Journal*, no. 14, pp. 168–185.
- Dashevskaya, Z.M. (2020), "I. A. Karabinov's Liturgical Studies As Seen in the Present Day Perspective", *Vestnik PSTGU, Series II. History. History of the Russian Orthodox Church*. 2020. no. 93, pp. 97–116.
- Hann, T. (1912), "Review on the Thesis of Ivan Karabinov: 'The Eucharistic Prayer (Anaphora). Historical and Liturgical Analysis' " (Saint Petersburg, Kirschbaum, 1908)], *Theologische Literaturzeitung*, no. 26, pp. 812–813.
- Karamyshev, N.T. (2015), "Research Activities of Professor of Liturgics of St. Petersburg Theological Academy Vasily Dolotsky", *Khristianskoe chtenie*, no. 2, pp. 188–209.
- Karamyshev, N.T. (2017), "The Contribution of Professor Vasily Dolotsky in the Formation of the Liturgical Studies as a Research and Academic Discipline in Russian Higher Theological Education", *Vestnik PSTGU, Series II. History. History of the Russian Orthodox Church*. no. 78, pp. 65–82.
- Katanskii, A.L. (2020), *Vospominaniya starogo professora* [The Memoirs of the Old Professor], Nizhegorodskaya dukhovnaya seminariya, N. Novgorod, Russia.
- Lanne, E. (2001), "Les dix leçons de Liturgie Comparée d'Anton Baumstark au Monastère d'Amay-sur-Meuse en 1932: leur contexte et leur publication", *Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948)*, PIO, Rome, Italy, pp. 145–162.
- Parenti, S. (2018), "The Liturgy of St. John Chrysostom 'Outcompeting' the Liturgy of St. Basil the Great in the Church of Constantinople", *Light of Christ enlightens everyone. The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, no. 28, pp. 9–42.
- Parenti, S. (2019), "The Cathedral Rite of Constantinople: Evolution of a Local Tradition", *Light of Christ enlightens everyone. The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, no. 33, pp. 73–99.
- Salaville, S. J. (1910), "Karabinov. Evkharitcheskaia molitva (Anajora): Opyt istoriko-litourgicheskago analiza", *Échos d'Orient*, no. 84, pp. 306–307.
- Sanyuk, Gleb (2015), "Liturgical Studies of A.L. Katansky, Professor of Liturgics in St Petersburg Theological Academy", *Khristianskoe chtenie*, no. 2, pp. 178–187.

- Sukhova, N.Yu. (2006), *Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX veka)* [Higher Theological School. Issues and reforms (the second half of the 19th century)], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.
- Sukhova, N.Yu. (2007), *Vertograd nauk dukhovnyi: Sbornik statei po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniya v Rossii XIX – nachala XX veka* [The Spiritual Garden of Studies. Collection of Articles on the History of Theological Education in Russia in the 19th – the beginning 20th c.], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.
- Sukhova, N.Yu. (2009), *Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v Rossii v XIX – nachale XX v.* [The System of Academical Theological Attestation in Russia in the 19th – the beginning 20th c.], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.
- Sukhova, N.Yu. (2017), “The Formation of Liturgical Studies as Academic Discipline”, *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 2 (18), pp. 88–116.
- Taft, R.F. (2000), *Vizantiiskii tserkovnyi obryad* [The Byzantine Rite. A Short History], Saint Petersburg, Russia.
- Taft, R.F. (2001), “Anton Baumstark’s Comparative Liturgy Revisited”, *Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948)*, pp. 191–232.
- Taft, R.F. (2013), *Liturgicheskii leksikon* [Lexicon of Liturgics], Transl. from Engl. by S. Golovanov. Amphore, Omsk, Russia.
- Tarasov, Ioann (2014), “Professor of St. Petersburg Theological Academy Ivan Alekseevich Karabinov. Biography (1878–1937)”, *Khristianskoe chtenie*, no. 4, pp. 125–155.
- Zheltoy, M. (2011), *Obzor istorii pravoslavnoi liturgicheskoi nauki do kontsa XX veka* [Outline of history of Orthodox liturgical studies up to the end of the 20th century], available at: <http://www.bogoslov.ru/text/1883125.html> (Accessed 17 September 2011).
- Zheltoy, M. (2012), “The priest Karabinov”, *Pravoslavnaya entsiklopediya*, vol. 30, pp. 614–615.

Информация об авторе

Зоя М. Дашевская, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва, Россия; 105062, Россия, Москва, ул. Покровка, д. 29; соискатель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Колмогорова, д. 1; dean.sfi.ru

Information about the author

Zoya M. Dashevskaya, St. Philaret’s Orthodox Christian Institute, Moscow, Russia; bld. 29, Pokrovka Street, Moscow, Russia, 105062; applicant, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Kolmogorov Street, Moscow, Russia, 119991; dean.sfi.ru

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

П.М. Головачев:
Дальний Восток в мыслях историка

Константин А. Медведев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tesscedvcced@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить взгляды ответственного историка Петра Михайловича Головачева, затрагивавшего вопросы политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Основное место в работе отводится исследованию труда П.М. Головачева «Россия на Дальнем Востоке». Автор статьи ставит своей целью не только рассмотреть отдельные аспекты российской дальневосточной политики, поднимавшиеся историком. Большое значение отдается исследованию данного труда в рамках сложившегося интеллектуального контекста. В статье предпринята попытка выявить характерные черты российской общественной мысли в указанный период.

Изучение взглядов П.М. Головачева позволяет обозначить некоторые интеллектуальные трансформации, которые связывались с представлениями русской общественности о Дальнем Востоке. Автор статьи делает акцент на том, что историческое знание позволяло П.М. Головачеву нестандартно подойти к рассмотрению интересовавших русскую общественность вопросов. Последнее выражалось, в частности, в критике устоявшихся идей и концепций.

На основе полученных данных делается вывод о том, что труд П.М. Головачева представляет собой яркий пример проекта освоения Дальнего Востока. Появление данных проектов стало предтечей сферы знания, которая позднее получила название «геополитика».

Ключевые слова: Дальний Восток, интеллектуальная история, Петр Михайлович Головачев, политическая история, общественная мысль

Для цитирования: Медведев К.А. П.М. Головачев: Дальний Восток в мыслях историка // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 50–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

© Медведев К.А., 2021

P.M. Golovachev.
The Far East in the thoughts of the historian

Konstantin A. Medvedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
meccedoecced@mail.ru*

Abstract. The author of the article makes an attempt to analyze the views of Russian historian Peter Mikhailovich Golovachev. Those views concerned issues of Russian policy in the Far East in the late 19th – early 20th century.

The basis of the article is analyzing P.M. Golovachev's treatise "Russia in the Far East". The author of the article intends not only to research different aspects of Russian Far Eastern policy raised in that treatise. The analysis of intellectual context has an equal significance. The author makes an attempt to represent specific features of Russian public thought at the turn of the ages.

Researching of P.M. Golovachev's views enables to identify several intellectual transformations concerned Russian society's visions of the Far East. The author of the article emphasizes that historical knowledge allowed P.M. Golovachev having an unconventional approach to the consideration of issues of interest to the Russian public. The latter was expressed, in particular, in criticism of well-established ideas and concepts.

The author concludes arguing that P.M. Golovachev's work was the great example of the Far East development project. The emergence of such projects became the forerunner of the sphere of knowledge, which later became known as "geopolitics".

Keywords: the Far East, intellectual history, Peter Mikhailovich Golovachev, political history, public thought

For citation: Medvedev, K.A. (2021), "P.M. Golovachev. The Far East in the thoughts of the historian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 50–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-50-61

«История – это политика, опрокинутая в прошлое». Эти слова, произнесенные М.Н. Покровским, относятся к периоду становления советской исторической науки – времени, когда считалось, что исследовательская деятельность должна была тесно переплетаться с государственными задачами [Дубровский 2005, с. 126].

Между тем сочетание истории и политики отлично наблюдалось еще в дореволюционное время. Рубеж XIX–XX вв. можно охарактеризовать не только, как время существенных трансформаций исторической науки, появления новых подходов и методов

изучения событий минувших дней, но и как период активного внедрения исторического знания в сферу политики. Последнее могло выражаться в участии историков в деятельности политических партий и движений, а также в непосредственном использовании исторических знаний для ответа на интересовавшие общество вопросы политического характера.

Указанный период выделялся особым вниманием русской общественности к политике России на Дальнем Востоке. В середине XIX в. – эпохе «опиумных войн» и «открытия» европейцами Китая и Японии – данный регион находился далеко на периферии общественного сознания. Однако к концу столетия ситуация изменилась радикальным образом. Распространение знания о культурах Востока, строительство Транссибирской магистрали, аренда Порт-Артура способствовали росту популярности дальневосточной темы. Как результат, в общественной мысли все чаще можно было встретить труды, представлявшие собой проекты освоения Дальнего Востока. При этом освоение, т. е. приобщение региона к общему имперскому пространству, а также мировой «ойкумене», могло включать в себя политические, экономические и даже культурные процессы.

Круг тех, кто мог представлять собственные тезисы относительно приоритетов России на Дальнем Востоке, был довольно широк. В него входили представители дипломатических и финансовых ведомств, чиновники МИД, военные деятели, а также видные публицисты, выражавшие свое мнение на страницах газет и журналов [Рыбаченок 2012, с. 18]. И все же особый интерес в данном контексте вызывает творчество российских историков.

П.М. Головачева – уроженца г. Кузнецка Томской губернии и выпускника историко-филологического факультета Московского университета – нельзя отнести к числу наиболее известных представителей отечественной исторической науки. Впрочем, творчество историка не становится от этого менее значимым в контексте рассматриваемой проблемы. Тем более что исследователь не избегал возможности представить собственное видение насущных для общества проблем.

Основную часть творческой деятельности П.М. Головачев посвятил изучению своей «малой» родины¹. По замечанию одного из исследователей, «автор жил в Сибири, интересовался ею и принимал очень близко к сердцу все ее проблемы и нужды» [Бобылева 2010, с. 19]. Интерес к истории, географии, этнографии

---

¹ Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: Издание Ю.И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и К°», 1902. 300 с.

Сибири привел П.М. Головачева в ряды сторонников «сибирского областничества», рассматривавших указанный регион как особый не только в географическом, но и в культурном отношении. Одним из наиболее ярких представителей данного направления можно назвать Н.М. Ядринцева, чье творчество также оказало влияние на развитие российской общественной мысли в контексте вопросов освоения восточных владений России [Ядринцев 1892].

И все же среди многочисленных трудов П.М. Головачева один представляет особое значение в рамках настоящего исследования. «Россия на Дальнем Востоке» – работа, опубликованная историком в разгар Русско-японской войны, выражала авторский взгляд на положение, в котором оказалась Россия на берегах Тихого океана. Последний момент позволяет включить данный труд в общий перечень проектов освоения Дальнего Востока. Однако куда больший интерес представляет изучение указанного труда в рамках сложившегося в России интеллектуального контекста. Именно в этом и заключается основная цель данного исследования.

В самом начале своего труда П.М. Головачев разделил историю продвижения России на Дальний Восток на три фазиса. Первый из них был обусловлен, по мнению историка, занятием империей Приамурья в середине XIX в. Второй – фактическим занятием Маньчжурии уже в конце столетия. Третий же, «быть может, последний и окончательный» фазис движения России приходился на начало военных действий с Японией, обозначенных П.М. Головачевым не иначе, как «кровавые события»².

Хотя автор довольно четко выделял стадии дальневосточной политики России, в качестве структуры своей работы историк выбрал все же не хронологический, а проблемный принцип. Пути освоения Маньчжурии, строительство КВЖД, развитие сельского хозяйства на восточных окраинах империи – эти и другие вопросы поднимались П.М. Головачевым в контексте рассматриваемой темы. Здесь, однако, любопытно другое. Размышляя над проблемами, с которыми Россия столкнулась на берегах Тихого океана, историк нередко прибегал к весьма характерному наименованию дальневосточного региона.

Использовавшееся историком понятие «азиатский восток» (с. 5) могло служить противопоставлением ближневосточному, в том числе балканскому, региону, где Россия также проводила свою активную политику в рассматриваемый период. «Восточ-

---

² Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Изд-во Е.Д. Кукова, 1904. С. 3–5 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

ный вопрос» долгое время волновал умы многих представителей российской общественной мысли. Использование термина «азиатский» позволяло П.М. Головачеву отделить уже сложившийся в сознании общества перечень проблем от тех, что предстояло решить России на своих дальневосточных границах.

В то же время данное понятие могло нести в себе еще один смысл. В начале XX столетия территория Сибири зачастую еще не отделялась русской общественностью от той части Азии, что было принято именовать Дальним Востоком [Гузей 2014, с. 21]. Обозначение «азиатский» применительно к дальневосточному региону имело под собой важный для автора культурный смысл. «Малоизвестный» (с. 5), с точки зрения историка, Дальний Восток был населен другими, а возможно, и «чужими» русскому народу культурами, что требовало соответствующих мер для укрепления позиций государства. Последнее ставило данный регион в противоположность Сибири, проблема освоения которой вызывала у П.М. Головачева куда больший интерес. В связи с этим термин «отдаленный», употреблявшийся автором по отношению к Маньчжурии, мог выходить за привычные для русской общественности географические рамки (с. 3). Так, Дальний Восток оправдывал свое наименование, поскольку населявшие его народы были далеки от народа русского в плане культурном.

Предлагая на суд общественности свой проект, П.М. Головачев не упускал возможности подвергнуть критике уже сложившиеся теории относительно освоения Россией дальневосточного пространства. Данный момент является крайне любопытным, поскольку позволяет более широко рассмотреть некоторые тенденции российской общественной мысли.

«Теоретические обоснования» русских мыслителей и публицистов по продвижению России на Дальний Восток сводились историком к двум группам. Представителей первой автор весьма иронично называл «людьми с мистической складкой» ввиду их особого внимания к провиденциальной роли империи на Востоке, а также особому «духовному родству» России с народами и культурами Азии. В этом отношении П.М. Головачев особо выделял творчество Э.Э. Ухтомского – главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и одного из приближенных императора Николая II.

Э.Э. Ухтомский был представителем того интеллектуального направления, которое позднее получило наименование «восточничество». Свои взгляды мыслитель выражал не только на страницах газет, но и в рамках отдельных сочинений [Ухтомский 1900], которые и привлекли внимание П.М. Головачева (с. 8).

Чрезмерная метафизичность или, используя понятие самого историка, «мистицизм» восточничества были совершенно неприемлемы в контексте определения задач России на Дальнем Востоке. Неприемлемы для П.М. Головачева были и методы, которыми восточники обосновывали культурную близость России и азиатских стран. Аналогии и сравнения, вроде почти одновременного сооружения Калькутты и Петербурга или некоторого сходства русских раскольников и индийских браминов (с. 14), являлись, по мнению историка, следствием недостаточной осведомленности о Востоке и просто «пленной мысли раздражения» (с. 16).

Как видно, скептицизм П.М. Головачева был вызван иррациональным подходом Э.Э. Ухтомского и других восточников к определению политических и иных задач России на Дальнем Востоке. По мысли историка, логические построения, тщательный анализ и комплексные теории должны были преобладать над мифическими построениями и чувственными образами. Последние имели искусственный характер и не могли должным образом определять потребности государства.

Впрочем, обращение к рациональной составляющей вовсе не гарантировало нахождения «истинных» приоритетов России на Дальнем Востоке. Это можно видеть на примере критики другой группы интеллектуалов, которая получила от П.М. Головачева наименование «политико-государственная». Весьма солидная, по мысли историка, аргументация этой категории также имела определенные изъяны, главным из которых была попытка утвердить «давние исторические задачи» России (с. 17).

«Укрепление на тихоокеанском побережье», «расширение южноазиатской границы», «овладение незамерзающими портами» были, по мнению представителей политико-государственного направления, отдельными частями обусловленного историей процесса. Процесс этот признавался естественным и подкреплялся необходимыми историческими фактами. Ведь со времени покорения Казанского ханства и присоединения Сибири при Иване Грозном Россия неуклонно шла на Восток (с. 30).

Слепое обращение к истории, по мнению П.М. Головачева, также не могло служить определяющим мотивом российской дальневосточной политики. История давала необходимые знания, но не позволяла проследить закономерности. Историческому опыту автор противопоставлял контекст. Если Россия издревле стремилась к приобретению незамерзающего порта, это вовсе не означало, по мысли историка, что то же самое она должна была осуществлять на Дальнем Востоке. В этом случае процесс был вовсе не естественным, как то считали представители политико-государственного

направления, а искусственным, т. е. созданным самими людьми вне зависимости от имевшего место положения дел. Опыт истории мог использоваться для более четкого понимания текущего момента, но никак не для выработки далекоидущих планов. Отсюда и фактическая констатация П.М. Головачевым «исторического разрыва», произошедшего в контексте русско-японского конфликта, когда военные действия на берегах Тихого океана резко оборвали планы дальневосточной политики России (с. 57).

Однако внимание к контексту вовсе не означало отказ П.М. Головачева от выдвижения собственных теорий, которые могли бы выделить иные закономерности внешней политики любого государства. «Интересы будущего», «интересы будущих поколений», по мысли историка, были всего лишь бессодержательными фразами. “*Salute populi*”, блага народа, которые могли заключаться лишь в «интересах текущего момента», в действительности должны были находиться в поле зрения государства (с. 18–19).

Последний момент представляется довольно любопытным. Проекты освоения Дальнего Востока можно назвать предтечей той сферы знания, которая позднее получила наименование «геополитика». К одной из устойчивых компонент геополитического подхода современные исследователи привыкли относить представление о международных отношениях как об объективном эволюционном процессе [Рыбаченок 2012, с. 16]. В случае П.М. Головачева также можно видеть попытку изолировать внешние, а также внутренние интересы государства от субъективной составляющей. Всякая политика должна была строиться на объективных, независимых от человеческого фактора, основаниях. Отсюда становятся понятны и слова историка: «...ни одно поколение не имеет ни права, ни возможности навязывать следующим каких-либо определенных целей и задач в темной области таинственного будущего» (с. 19). Ведь нынешнее поколение было неспособно объективно смотреть на те вызовы, с которыми Россия, или какое-либо другое государство, столкнется через некоторое время.

Борьба с аксиомами, закономерностями, постулатами, которые сложились в сознании русской общественности относительно дальневосточной политики России, все же вынуждала П.М. Головачева самому выделять определенные закономерности в процессе развития государства. Наиболее отчетливо это можно видеть при обозначении историком сущности последнего.

Характерной особенностью общественной мысли в рассматриваемый период было представление о государстве, а также о населявших его народах как о живом организме. Всякий живой

организм имел стадии рождения, развития, увядания и смерти. Не стала исключением и Россия.

Чтобы начать самостоятельную, «самодовлеющую» жизнь, политическому организму необходимо и достаточное количество его живых составных частей... т. е. людей, подданных, и достаточный внешний простор для деятельности этих живых единиц (с. 21).

Органическая концепция подводила П.М. Головачева к мысли, что все действия государства, а также все его элементы должны были зависеть от «естественных», т. е. свойственных объективной реальности, факторов. В связи с этим становится понятным стремление историка к поиску столь насущных для России «естественных границ» – рубежей, по достижении которых государство смогло бы обеспечить оптимальное и безопасное существование. При этом понятие «естественные границы» вовсе не замыкалось на географических категориях, вроде высоких гор и широких рек, которые могли бы служить отличным оборонительным рубежом. Всякому государству следовало расширяться «в силу закона наименьшего сопротивления» (с. 22), которое обеспечивалось различными факторами, включая культурный и климатический. Если государство было неспособно должным образом удержать, а самое главное, освоить присоединяемый регион, то выбранный им путь, по мнению П.М. Головачева, нельзя было назвать объективным: «...когда же нет указанных условий для естественного территориального роста государства, то за известными пределами наступает также естественный процесс распада» (с. 22).

В этом отношении П.М. Головачев был вынужден констатировать, что проводимую Россией политику на Дальнем Востоке нельзя было назвать «естественной». «Естественной» же она не являлась потому, что многие процессы, в том числе экономического характера, имели в России «беспримерно-искусственный» характер (с. 194). Империя была совершенно не готова отстаивать свои позиции на берегах Тихого океана. Разрыв между интересами высшей власти и народными нуждами свидетельствовал о невозможности следовать объективным элементам внешней и внутренней политики (с. 215). “*Salute populi*” оставались на периферии внимания русской бюрократии. Отсюда фактическое признание автором искусственности Русско-японской войны, которая, ко всему прочему, как ни один конфликт до этого оказывала влияние на экономическое состояние государства (с. 193).

Отличительным моментом проектов освоения Дальнего Востока было то, что их конструирование редко выходило за рамки

консервативного дискурса. Применительно к творчеству П.М. Головачева можно видеть некоторое исключение из этого правила. Конечно, представлявшиеся историком тезисы нельзя назвать радикальными. П.М. Головачев не упоминал об особой роли самодержавия в контексте реализации внешней политики империи в Азии, что было свойственно Э.Э. Ухтомскому, но и никоим образом не подвергал данное положение сомнению. При этом автор труда «Россия на Дальнем Востоке» не ставил под сомнение и общее направление внешней политики империи, говоря лишь о некоторой «искусственности» и ненужности применявшихся мер, вроде строительства КВЖД (с. 188).

Тем не менее некоторые положения П.М. Головачева выделялись на фоне иных проектов. Так, фактически избегая темы «противника» России на Дальнем Востоке, столь популярной в российской общественной мысли, историк сосредотачивал основное внимание на внутренних условиях успешной внешней политики. Обращение к европейскому опыту освоения колоний, а также к тезису о «началах законности», необходимых для успешного развития государства, также позволяет назвать данный «проект» в определенной мере уникальным. Дальневосточная проблема России, в соответствии с положениями историка, могла разрешиться сама, если бы империя смогла разрешить свои внутренние проблемы.

Таким образом, работа П.М. Головачева была примечательна не только тем, что представляла комплексный проект освоения Дальнего Востока, но также тем, что обозначала многочисленные трансформации, происходившие в российской общественной мысли на рубеже XIX–XX вв. Одна из этих трансформаций касалась восприятия русской общественностью дальневосточного пространства.

Последнее характеризовалось распространением в общественном дискурсе понятия «наш Дальний Восток». Хотя Россия еще в середине XIX в. смогла добиться вполне устойчивых границ на берегах Тихого океана, в общественном сознании отсутствовало четкое представление о «российском» Дальнем Востоке. Владения империи на берегах Тихого океана могли быть столь же «чужими» и столь же «своими», как и огромные территории, лежавшие за пределами установленного фронта. Иными словами, русское Приамурье было во многом столь же далеким и непонятым для русской общественности регионом, как и китайская Маньчжурия. Соответственно, непонятым было и то, где должны были проходить границы империи на Дальнем Востоке, а также что именно представлял собой указанный регион. С течением времени представления о «нашем Дальнем Востоке», сформировавшиеся под влиянием ряда политических, экономических и социокультурных

процессов, позволили русской общественности четко обозначить владения России в регионе, а впоследствии и интегрировать их в общее имперское пространство.

Хотя П.М. Головачев избегал в своей работе употребления понятия «наш Дальний Восток», нельзя не отметить сосредоточенность историка на внутренних проблемах России, в том числе касавшихся освоения уже занятого империей пространства. Впрочем, подобная риторика могла быть вызвана и недостаточным вниманием со стороны государства к освоению другой, более близкой для историка, территории – Сибири.

Работа П.М. Головачева выделялась и явным отходом ее автора от использования «исторического опыта» в качестве аргумента для реализации политики России на Дальнем Востоке. Исторический процесс не представлялся П.М. Головачеву непрерывным явлением. В то же время сам историк не избегал возможности отметить определенные закономерности в развитии любых государств и народов, что привело его к мысли о «естественных границах» на Дальнем Востоке.

Нельзя сказать, что творчество П.М. Головачева было абсолютно уникальным для своего времени. Более того, оно прекрасно показывало происходившие в рамках общественной и научной мысли перемены. Перемены, выражавшиеся в появлении новых подходов к изучению окружающей действительности. Постановка и решение конкретных проблем постепенно замещали собой стремление к поиску нерушимых законов, что было особенно характерно для исторического знания. Изучение контекста стало превалировать над историческим опытом, а сложные, основанные на исследовании огромного количества данных, схемы заменяли собой простые. Последнее, в свою очередь, способствовало появлению новых сфер знания, одной из которых и стала «геополитика».

Источники

Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: Издание Ю.И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и К°», 1902. 300 с.

Головачев П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Изд-во Е.Д. Кускова, 1904. 216 с.

Литература

Бобылева 2010 – *Бобылева О.М.* П.М. Головачев и его работа «Сибирь. Природа, Люди, жизнь» как исторический источник по изучению повседневной жизни

- крестьян и других групп населения Сибири начала XX века // Культура. Наука. Образование. 2010. № 4. С. 17–23.
- Гузей 2014 – *Гузей Я.С.* «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 248 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01007910267> (дата обращения 14 октября 2020).
- Дубровский 2005 – *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
- Рыбаченок 2012 – *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
- Ухтомский 1900 – *Ухтомский Э.Э.* К событиями в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Восток, 1900. 88 с.
- Ядринцев 1892 – *Ядринцев Н.М.* Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. XII, 720 с.

References

- Bobyleva, O.M. (2010), P.M. “P.M. Golovachev and his work “Siberia. Nature. People. Life” as historical source of researching everyday life of peasants and other groups of Siberian population at the beginning of 20th century”, *Science. Education and Culture*, no. 4, pp. 17–23.
- Dubrovskii, A.M. (2005), *Istoriik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and power. Historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930s–1950s).], Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo, Bryansk, Russia.
- Guzei, Ya.S. (2014), “*Zheltaya opasnost' ”: predstavleniya ob ugroze s Vostoka v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v.* [“Yellow peril”. Visions of Eastern danger in the Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries], Ph.D. Thesis, St. Petersburg, available at: <https://dlib.rsl.ru/01007910267> (Accessed 14 October 2020).
- Rybachenok, I.S. (2012), *Zakat velikoi derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi i metody* [Sunset of the great Empire. The foreign policy of Russia at the turn of 19th – 20th centuries. Issues, goals and methods], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ukhtomskii, E.E. (1900), *K sobytiyami v Kitae. Ob otnosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku* [On the events in China. The relations of the West and Russia towards the East], Vostok, St. Petersburg, Russia.
- Yadrintsev, N.M. (1892), *Sibir', kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical terms], I.M. Sibiriyakov, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Константин А. Медведев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mecedvecced@mail.ru

Information about the author

Konstantin A. Medvedev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia; mecedvecced@mail.ru

Исторические науки: Всеобщая история

УДК 94(44)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-62-73

«Честолюбивые виды на власть в государстве»:
образ Генриха де Гиза в российских и французских
школьных учебниках XIX – начала XX в.

Марина В. Кущева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kusheva@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка сравнительного анализа образов одного из ключевых персонажей эпохи Гражданских (религиозных) войн во Франции, Генриха де Гиза, в школьных учебниках XIX – начала XX в. Источниками исследования стали несколько учебников для разных образовательных ступеней, изданных во Франции и в России в эту эпоху. Делается вывод о том, что учебная литература способствовала закреплению в коллективном сознании «черной легенды» о герцоге де Гизе. Он изображался антагонистом не только последних Валуа, но и будущего монарха Генриха IV, который в европейской исторической культуре традиционно воплощал политику толерантности и прогресса. При этом, в рамках либерально-республиканского дискурса образ Генриха де Гиза был неустойчивым. Сложившееся в исторической науке представление о противоречиях его деятельности и характера отразилось на его образе в учебной литературе. Меняющийся политический контекст и развитие исторических исследований предопределили некоторую эволюцию представлений о нем как во Франции, так и в России и стремление к большей объективности в учебниках конца XIX – начала XX в. Однако основные черты его образа стались неизменными.

Ключевые слова: историческая культура, школьные учебники, история Франция, Религиозные войны, Генрих де Гиз

Для цитирования: Кущева М.В. «Честолюбивые виды на власть в государстве»: образ Генриха де Гиза в российских и французских школьных учебниках XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 62–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-62-73

© Кущева М.В., 2021

“Ambitious aspirations for power in the state”.
Image of Henry, Duke of Guise
in Russian and French schoolbooks
of the 19th – early 20th century

Marina V. Kushcheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kushcheva@mail.ru*

Abstract. The following article is an attempt at a comparative analysis of the images of a key character in the epoch of the Civil (religious) wars in France, Henry, Duke of Guise in schoolbooks of the 19th – early 20th century. The research is based on several schoolbooks for different levels of education published in France and Russia at that time. It is concluded that the “black legend” about the Duke of Guise consolidated in the collective consciousness as a contribution of educational literature. He was portrayed not only as an antagonist to not only the last Valois, but also to the future monarch Henry IV, the one traditionally standing for tolerance and progress in European historical culture. However, in the liberal-republican discourse Henry of Guise’s image was always rather ambiguous. The schoolbooks reflect the controversial character of his figure, as it was constructed by historians. The ever-changing political context and the development of historical research defined the evolution of his image in France as well as in Russia and the aiming for further objectiveness in 19–20th century schoolbooks. Nevertheless, the main features of his image haven’t changed.

Keywords: historical culture, school textbooks, history of France, religious wars, Henry, Duke of Guise

For citation: Kushcheva, M.V. (2021), “Ambitious aspirations for power in the state”. Image of Henry, Duke of Guise in Russian and French schoolbooks of the 19th – early 20th century, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 62–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-62-73

Введение

Формирование исторической культуры любого общества идет различными путями. Начиная с XIX в. школьное историческое образование являлось одним из ключевых механизмов интерпретации, конструирования и передачи представлений о прошлом и исторического опыта другим поколениям.

О важной роли учебников в формировании исторической памяти и культуры общества сейчас говорят многие исследователи [Lesciŕ 1984]. В свою очередь, отечественные историки, опираясь на опыт зарубежных коллег, внесли собственный вклад в изучение особенностей конструирования образа того или иного события в школьной литературе [Бовыкин 2014; Гладышев 2010; Посконин 1989]. Устойчивый интерес привел к тому, что исследователями разработана определенная методика работы с учебниками истории для анализа репрезентации в них отдельных тем.

Предметом исследования в данной статье стала интерпретация образа Генриха де Гиза на страницах учебной литературы России и Франции в 1830–1918 гг. Для анализа были использованы несколько популярных учебников разного периода.

Генрих де Гиз (1549–1588) – один из главных участников французской смуты, персонаж яркий, но неоднозначный, который часто притягивает внимание читателей. Особенности репрезентации его образа на страницах учебников демонстрируют отношение общества сразу к нескольким проблемным темам в рамках школьного образования: социальные конфликты, политическая оппозиция, толерантность и др.

Эволюция образовательной модели в России и Франции XIX – начала XX в.

Хронологические рамки данной статьи неслучайны, поскольку XIX – начало XX в. – эпоха расцвета исторической культуры в Европе. Система школьного образования, господствовавшая во Франции в тот период, сложилась в эпоху революции XVIII в. и Империи. В 1867 г. произошло важное изменение: история становится обязательным предметом, а законы нового министра просвещения Жюля Ферри 1880–1882 гг. сделали необходимым начальное обучение для всех детей с 6 до 13 лет [Князев 2019, с. 195–198]. Эти перемены, которые говорили о понимании государством важности исторического образования, отразились как на количестве и качестве учебников для школ, так и на репрезентации в них отдельных проблем национального прошлого.

Интересующие нас сюжеты изучались в последний год начальной ступени образования, примерно в 12 лет. В период Третьей республики история XVI в. изучалась углубленно и в средней школе, в более старшем возрасте. Таким образом, дети, получавшие начальное школьное образование, обязательное с начала 1880-х гг., должны были быть знакомы с этой эпохой.

Причем среднее образование продолжало оставаться элитарным, а значит, влияние школьных учебников на формирование исторической культуры в этом возрасте (13–16 лет) было ограниченным [Козлов 2013].

В России XIX в. также были заложены основы новой образовательной модели. Несмотря на сохранение элитарности школы, доступность базового уровня обучения была достаточно широкой. Во второй половине XIX в. были основаны еще и многочисленные женские курсы [Князев 2019, с. 67], для которых издавались учебники по всеобщей истории. Поэтому можно констатировать влияние школьной программы на формирование коллективных представлений об истории Франции в России.

*Особенности интерпретации
истории Религиозных войн
и образа герцога де Гиза
во французских учебниках 1830–1918 гг.*

Религиозные войны всегда были сложным и неоднозначным сюжетом для формирования национальной идентичности. Как правило, авторы учебников на их примере стремились показать, как раскол и гражданские войны вели страну к гибели, и только приход к власти Генриха Бурбона спас страну. Большинству персонажей этого смутного времени отводилась незавидная роль либо мятежников, разжигающих смуту, либо слабых правителей, неспособных укрепить единство нации. Сложившийся к тому времени в исторической культуре образ Генриха де Гиза вполне вписывался в данную простую схему. Помимо этого, в литературе для самого младшего возраста авторы часто сознательно опускали сюжеты, казавшиеся им недостаточно важными для формирования основ представлений о национальной истории. События обычно выстраивались по периодам правления отдельных монархов. Религиозные войны приходились на эпоху смуты, поэтому авторы либо вообще вычеркивали их из сценария французской истории, либо представляли в качестве «увертюры» к правлению Генриха IV, «доброего короля».

В некоторых учебниках для начальной школы 1830–1860-х гг. XIX в. еще можно найти краткий очерк о религиозных войнах, но в эпоху Третьей республики они вообще исчезают из программы начальной школы. Можно сравнить «Историю Франции», изданную в 1833 г., в которой представлен краткий портрет Генриха де Гиза как главы католической партии, «которая под предлогом религии

подрывала устои королевского авторитета»¹, с более поздним учебником Ш. Дефранса для той же возрастной категории, который полностью игнорирует этого персонажа². В новом курсе для начальной школы, разработанном в конце XIX в., изложение истории нового времени начинается сразу с царствования Генриха IV³. В некоторых учебниках для младшего школьного возраста упоминается убийство королем Генрихом де Гиза, но исключительно в контексте характеристики последнего монарха из династии Валуа⁴.

В учебниках, предназначенных для следующей ступени школьного образования, образ герцога де Гиза прорисован более тщательно. Рассказ о событиях религиозных войн занимает здесь обычно несколько страниц, с обязательным упоминанием Варфоломеевской ночи, Католической лиги и гибели братьев Гизов. Более того, авторы стремятся интерпретировать эту тему, выстроить вокруг нее некую концепцию, хотя и достаточно одностороннюю. Например, на страницах «Истории Франции» середины XIX в. Генрих де Гиз предстает в образе «исполнителя ужасного проекта» по истреблению протестантов в Варфоломеевскую ночь и «амбициозного лидера», главной целью которого было захватить престол, пользуясь возмущением католического населения⁵. Учебник вышел в период Второй республики во Франции, поэтому в нем сделан упор на слабость и неспособность монархической власти решить религиозные и политические проблемы в стране. Авторы придерживались классической концепции, согласно которой для сторонников Лиги «религия была предлогом», а истинной целью была передача короны Гизам.

В последней трети XIX в. поражение во франко-прусской войне, падение Второй империи и возвращение к республиканской традиции заставили общественность пересмотреть некоторые страницы истории. Репрезентация прошлого в школьных учебниках для средней ступени была серьезно реформирована. Монархия и особенно последние Валуа подвергались в них еще более активной критике, в то время как образ Генриха де Гиза становится более взвешенным и нейтральным. Из амбициозного претендента на престол в интер-

---

¹ Histoire de France. Limoges: Ardant frères, 1833. P. 87–88.

² *Defrance Ch.* Petite histoire de la Grande France. Esquisse d'un nouveau livre d'école. Paris: D. Dumoulin, 1894.

³ *Seignette A.* L'école moderne. Livre du maître: morale, enseignement civique, langue française, histoire, géographie, arithmétique, géométrie, sciences usuelles et agriculture. Tome 2,2. Paris: P. Dupont, 1898. P. 774–775.

⁴ *Augé C., Petit M.* Histoire de France en images. A l'usage des tout petit. Paris: Librairie Larousse, 1896.

⁵ *Girault, L.* Histoire de France. Paris: Philippart, 1850. P. 46.

претации предшествующих учебников он превращается в лидера, имевшего широкую поддержку в обществе, будучи альтернативой слабой и дискредитировавшей себя власти правящей династии.

Такой подход предлагает Д. Бланше, автор «Общей истории Франции»⁶. Изложение материала в новом учебнике дается более глубоко и систематизированно, он дополнен глоссарием и вопросами для активизации знания и рефлексии у учеников. Изменение в подходах и методах изучения истории в школе демонстрирует попытка автора избавиться от «монархоцентричности». Генриху де Гизу в этом учебнике посвящен даже отдельный раздел внутри параграфа⁷. Его образ раскрывается здесь поэтапно, от «сына выдающегося полководца Франсуа де Гиза» и участника Варфоломеевской ночи, в которой он играл роль исполнителя, до лидера Лиги и организатора восстания против королевского абсолютизма.

Возможно, на трансформацию образа Гиза и попытку преодоления некоторых стереотипов в учебниках оказала влияние не только новая политика в области образования, но и специализированные исследования: первая профессионально написанная биография герцога, несколько статей и монографий о разных аспектах его деятельности, вышедшие в тот период. Появляется все больше историко-приключенческой литературы об этой эпохе и первые художественные фильмы.

Характерной чертой новых учебников стала визуализация известных сюжетов посредством исторической живописи. Благодаря известному полотну Поля Делароша «Убийство герцога де Гиза» этот эпизод начинает восприниматься в европейской исторической культуре как символический, получает статус одного из ключевых событий французской истории.

В основательной и прекрасно иллюстрированной «Новой истории» Альбера Мале⁸, профессора истории лицея Людовика Великого, портрет Гиза даже выделен в отдельную тематическую вставку, поскольку автор позиционирует его как «центрального персонажа» восьмой религиозной войны. Подчеркивая популярность герцога среди парижского населения, он предлагает школьникам поразмышлять над механизмами формирования образа де Гиза, которого современники считали «новым Маккавеем» и «опорой церкви»⁹.

---

⁶ *Blanchet D.* Histoire sommaire de la France depuis la mort de Louis XI jusqu'à nos jours. 21 éd. Paris: Belin frères, 1899.

⁷ *Ibid.* P. 35.

⁸ *Malet A.* Histoire modern (1498–1715). Classe de seconde. Paris: Hachette, 1911.

⁹ *Ibid.* P. 426.

Завершают это период многочисленные переиздания одного из самых известных учебников Э. Лависса¹⁰, который никак нельзя обойти стороной, когда речь идет об исторической мифологии Третьей республики. Эрнст Лависс внес неоценимый вклад в формирование представлений о прошлом нескольких поколений французов [Уваров 2015, с. 40]. Несмотря на то что упомянутый учебник предназначался для подростков, имевших достаточно основательную образовательную базу, изложение истории религиозных войн в нем отличается обилием фактов, но не глубиной изложения. Генриху де Гизу здесь отведено одно из главных мест в повествовании. Автор не только отказывается от однозначно негативной оценки его деятельности, но и от мифа о стремлении к захвату трона. Э. Лависс часто подчеркивает те стороны деятельности герцога, которые сделали его «надеждой всех лигёров»¹¹: военные победы и сопутствующий им успех, вызывавший зависть и страх у короля. Описание «триумфально» въезжающего в Париж герцога, явившегося вопреки запрету монарха поддержать своих сторонников, но сумевшего своим авторитетом «усмирить мятеж», не могла не волновать воображение подростков. В противоположность ему Генрих III, «достойный сын Екатерины Медичи», изображен хитрым, но слабым монархом, чье убийство было закономерным завершением правления Валуа.

*Оценка личности и деятельности герцога де Гиза
в российских учебниках XIX – начала XX в.*

Для сравнения приемов конструирования образов герцога де Гиза интересно обратиться к российским учебникам того же периода. Тем более что Российская империя являлась одной из стран, где наряду с отечественной преподавался развернутый курс всеобщей истории. В России изучение истории нового времени входило в программу седьмого класса, а начиная с 1913 г. курс разделялся на две части¹².

Практически во всех отечественных учебниках по истории Нового времени, которую начинали с XVI в., религиозным войнам

---

¹⁰ Lavissee E. La Deuxième année d'Histoire de France et d'Histoire Générale par Ernest Lavissee de l'Académie française. Paris: A. Colin, 1911 (1915).

¹¹ Ibid. P. 177.

¹² См.: Ардашев П.Н. Курс Новой истории для VII класса мужских гимназий. По программе, утвержденной Министерством Народного Просвещения 13 июля 1913 г. Киев: Тип. Киевской 2-й артели, 1915.

уделялось достаточно большое место. При этом мы не наблюдаем какой-то оригинальной интерпретации этих событий. Как и большинство их французских коллег, авторы российских учебников демонстрировали приверженность сложившимся подходам.

Характерный пример репрезентации образа герцога можно найти в популярном в свое время учебнике русского историка Семёна Николаевича Смарагдова¹³. Гизы предстают на его страницах главными возбудителями спокойствия, провоцировавшими короля на военные действия в отношении гугенотов. Сами события религиозных войн во Франции излагаются как история борьбы двух династий: Гизов и Бурбонов, противостояние которых умело использовала Екатерина Медичи. Генрих де Гиз здесь появляется на исторической сцене намного раньше, чем в изложении французских авторов. Герцог изображен предводителем резни во время Варфоломеевской ночи («Парижской Кровавой Свадьбы»), когда он «с толпою злодеев ворвался в дом Колиньи и велел зарезать молящегося старца»¹⁴. Далее, оставляя за рамками школьного курса изложение военной карьеры герцога, автор обращается к истории Лиги. Она традиционно рассматривается им как орудие восхождения к власти Гизов, «мнимых потомков Карла Великого». Прямая угроза престолу со стороны герцога вынудила короля «для своей безопасности» убить противника¹⁵. Несмотря на общую негативную оценку деятельности Католической лиги и роли Гизов, в отличие от французских коллег автор очень аккуратно избегает прямой характеристики личности герцога.

В начале XX в. количество российских учебников по истории Нового времени заметно выросло, а оценка деятельности Генриха де Гиза стала более разнообразной, хотя можно встретить повторы и прямые заимствования. Как и во французской литературе для школьного курса, некоторые пассажи переходили из учебника в учебник. Деятельность герцога авторы по-прежнему связывают с тремя событиями: Варфоломеевская ночь, Священная (Католическая) лига и восстание в Париже¹⁶. Иногда встречается сообщение о его убийстве, очень редко – упоминание об участии в военных действиях. В его характеристике превалирует прилагательное «че-

---

¹³ *Смарагдов С.Н.* Руководство к познанию Новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. 4-е изд. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1854.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ См., например: *Дворников П.* Новая история: Учеб. для женских учебных заведений. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910.

столюбивый», иногда повторяемое несколько раз по отношению к Гизам. Даже Р.Ю. Виппер в своем очень содержательном учебнике по истории Нового времени, издававшемся шесть раз [Франк 2014], утверждает, что «Гизы собирались отнять у Валуа корону»¹⁷, хотя они, по его же признанию, имели на нее право и вели свое происхождение от Карла Великого. Менее категоричен учебник И. Реверсова, в котором «талантливый и энергичный Генрих де Гиз» противопоставляется «ленивому и слабому» Генриху III¹⁸.

В общей оценке религиозных войн выделяется учебник Ю. Функе, предназначенный для женских курсов и гимназий¹⁹. Автор признает, что жестокостью отличались как католики, так и протестанты, а цели сторон были скорее политическими. Однако и здесь Генрих де Гиз – «вождь» Лиги», который «питал честолюбивые виды на власть в государстве, на самую французскую корону»²⁰.

Заключение

Таким образом, мы видим, что историографическая и культурная ситуация, которую некоторые современные специалисты называют «историографическим проклятием» или «черной легендой», в отношении Генриха де Гиза нашла отражение как во французских, так и в российских учебниках XIX – начала XX в. Посредством учебной литературы транслировался негативный образ главы Католической лиги, деятельность которого, по мнению большинства авторов, была связана с черными страницами французской истории и направлена на эскалацию насилия, подрыв авторитета власти и захват престола. Отдельные элементы этой легенды были динамичными. В частности, мы можем наблюдать попытку более объективного взгляда на деятельность данного персонажа в начале XX в., что было связано с эволюцией политического и культурного контекста, а также исследованием его биографии. Однако честолюбивые замыслы и стремление захватить престол остались устойчивой частью образа Генриха де Гиза.

---

¹⁷ *Vipper P.* Краткий курс новой истории. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. С. 54.

¹⁸ *Реверсов И.* Учебник новой истории. Для средних учебных заведений (курс V и VI классов мужских гимназий). 2-е изд. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. С. 118.

¹⁹ *Функе Ю.* Учебник всеобщей истории. Новая история: Курс средних учебных заведений. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1887.

²⁰ Там же. С. 157.

Сложность восприятия этого персонажа в рамках либерально-республиканского дискурса XIX – начала XX в. повлияла на представление о Генрихе де Гизе во французских учебниках. Его образ варьировался между лидером оппозиции, который мог стать альтернативой власти последних Валуа, и главой «партии» ультракатоликов, ратовавших за усиление религиозных гонений и традиционализм.

Эта эпоха должна была ассоциироваться у школьников с Генрихом IV, «королем, спасшим Францию», и истинно национальным монархом. Фигура герцога неизбежно воспринималась ими в контексте того сценария национальной истории, который был заложен в начальной школе. Некоторые авторы прямо подчеркивали черты герцога де Гиза, ставшие частью его классического образа: амбициозность, хитрость, воинственность и эгоизм. Несмотря на эволюцию представлений об этом персонаже в начале XX в., он продолжал играть роль антагониста Генриха IV в борьбе за престол, препятствовавшего стабильному и прогрессивному развитию государства.

Литература

- Бовыкин 2014 – *Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // Французский ежегодник 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / Под ред. А.В. Чудинова и Ю.П. Крыловой. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 340–360.
- Гладышев 2010 – *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. Вып. 2. С. 30–60.
- Князев 2019 – *Князев Е.А.* История зарубежного образования и педагогики: Учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 320 с.
- Князев 2020 – *Князев Е.А.* История отечественного образования и педагогики: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 237 с.
- Козлов 2013 – *Козлов С.* Эволюция французской образовательной модели в XIX веке [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2013. № 4 (55). URL: <https://strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke> (дата обращения 12 октября 2020).
- Посконин 1989 – *Посконин В.С.* Французская революция в учебниках школ Франции // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 200–207.
- Уваров 2015 – *Уваров П.Ю.* Между «Ежами» и «Лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 280 с.

- Франк 2014 – Франк А.В. Р.Ю. Виппер и развитие школьного исторического образования в первой трети XX века // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 150–154.
- Lecuir 1984 – Lecuir J. Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Berne: P. Lang, 1984. P. 217–225.

References

- Bovykin, D.Yu. (2014), “The French revolution in nowadays Russian school textbook”, Chudinov, A.V., Krylova, Yu.P. (eds.), *Frantsuzskii yezhegodnik 2014: Zhizn' dvora vo Frantsii ot Karla Velikogo do Lyudovika XIV* [Life of the Court in France from Charlemagne to Louis XIV], Ed. by A.V. Chudinov and Yu.P. Krylova, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 340–360.
- Gladishev, A.V. (2010), “The creation of historical memory. Schoolbooks and the French revolution”, Gladishev, A.V. (ed.), *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, Iss. 2, Saratov State University, Saratov, Russia, pp. 30–60.
- Knyazev, E.A. (2019), *Istoriya zarubezhnogo obrazovaniya i pedagogiki* [History of Foreign Education and Pedagogy], Textbook manual for academic bachelor's degree, Urait, Moscow, Russia.
- Knyazev, E.A. (2020), *Istoriya otechestvennogo obrazovaniya i pedagogiki* [History of national education and pedagogy], Textbook manual for universities Urait, Moscow, Russia.
- Kozlov, S. (2013), “Evolution of the French educational model in the 19th century”, *Otechestvennye zapiski*, no. 4 (55), available at: <https://strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke> (Accessed 12 October 2020).
- Lecuir, J. (1984), “Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage”, *Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloq. Manuels d'histoire et mémoire collective*, P. Lang, Berne, Switzerland, pp. 217–225.
- Poskonin, V.S. (1989), “French Revolution in French school textbooks”, *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 200–207.
- Uvarov, P.Yu. (2015), *Mezhdu “Ezhami” i “Lisami”. Zаметki ob istorikakh* [Between the “hedgehogs” and the “foxes”. Notes about the historians], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Frank, A.V. (2014), “R.Yu. Vipper and development of the school history teaching in the first third of the 20th century”, *Siberian Pedagogical Journal*, no. 2, pp. 150–154.

Информация об авторе

Марина В. Кущева, учитель Предуниверсария, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kusheva@mail.ru

Information about the author

Marina V. Kushcheva, Preuniversity teacher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; kusheva@mail.ru

УДК 94(497)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-74-80

Восстановление контроля над Дунайскими провинциями в творчестве поэта Клавдиана

Эдуард Е. Мейер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, meyer_ed@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа творчества позднеантичного придворного поэта Западной империи Клавдия Клавдиана в статье определены основные словесные конструкции, с помощью которых автор описывает ситуацию, сложившуюся на территории нижнедунайских провинций после расселения там готов. Изучение конкретных ситуаций и дискурсивных практик, применяемых Клавдианом в своих произведениях по отношению к реке Дунай и прилегающим к ней провинциям, показывает тревогу, с которой двор Гонория смотрел на Балканский регион.

Высшие чиновники Западной империи стремились к установлению римской власти над Дунайским побережьем вне зависимости от того, будет ли там руководить Восточный или Западный двор. Клавдиан передает читателям это желание видеть указанные земли под римской властью. На основе изучения контекстов упоминания Дуная предполагается, что в официальном дискурсе двора западного императора Гонория нижнедунайские земли провозглашались усмирёнными. Они начинают восстанавливаться от разрушений прошедших войн, хотя и продолжают восприниматься как очаг нестабильности. Предполагалось, что после того, как сначала Феодосий I заключил с готами договор 382 г., а затем Аларих покинул Фракию в 395 г. во главе со своими соплеменниками, дунайские земли сами собой вернулись под римское управление вне зависимости от функционирования там римских институтов власти.

Ключевые слова: Клавдиан, готы, нижнедунайский лимес, Восточная Римская империя, Фракия

Для цитирования: Мейер Э.Е. Дунайские провинции Восточной Римской империи в творчестве поэта Клавдиана // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 74–80. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-74-80

© Мейер Э.Е., 2021

The control regaining over the Danube provinces as described by Claudianus

Eduard E. Meyer

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, meyer_ed@mail*

Abstract. The paper analyzes the poetic work of a late antique court poet from Western Roman Empire Claudius Claudianus. The key verbal constructions describing the situation on the Lower-Danube region after the Goths have settled are identified. The analysis of the Claudianus' discourse shows the state of alarm of the Honorius court looked at the Balkan region.

The high officials of Western Empire sought to establish Roman authority over the Danube region, regardless of whether the Eastern or Western court would rule there. Claudianus conveys to the readers that desire to see those lands under Roman rule. The study of contexts in which the Danube is mentioned by Claudianus allows to assume that in the official discourse at court of the Western Emperor Honorius the Lower-Danube lands were pronounced pacified. They were beginning to recover from the destruction of the past wars, although still being perceived as a hotbed of instability. It was supposed that after Theodosius I first concluded the Treaty with the Goths in 382, and then Alaric and his people left Thrace in 395, the Danubian lands returned to Roman rule regardless whether the Roman institutes of power there functioned or not.

Keywords: Claudianus, Goths, Lower Danubian limes, Eastern Roman Empire, Thrace

For citation: Meyer, E.E. (2021), "The control regaining over the Danube provinces as described by Claudianus", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 74–80, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-74-80

Введение

Изучение истории конкретного региона Поздней Римской империи сложно представить без рассмотрения вопроса о позиции центральных властей по отношению к нему. Нижнедунайский лимес и прилегающие к нему провинции после 376 г. стали вызывать у центральных римских властей особое внимание, что было связано с массовым переселением готов. После заключения договора с готами 382 г. эти территории были на определенное время возвращены под контроль римской администрации Феодосия. Если не считать инцидента с нападением готов на императора около Фессалоник,

о котором писал позднеримский историк Зосим в своей «Новой истории»¹, в регионе устанавливается видимость порядка и имперского контроля через готских посредников или власти местных муниципиев. Это восстановление восхваляет оратор восточного двора Фемистий в речи к восточному императору Феодосию I, написанной после заключения договора между готами и римлянами².

Динамика ситуации в регионе после смерти Феодосия вызывает особый интерес для исследования, которое открывает возможность понять не только то, как в условиях политической нестабильности готского вторжения обеспечивалась целостность политической коммуникации, но и то, как Империя стремилась подчинить его своему влиянию. Отдельно в этом ключе можно выделить вопросы, связанные с пониманием центральной властью в Константинополе и Равенне серьезности ситуации в провинциях нижнедунайского лимеса, того, насколько внимательно Империя относилась к поселенным там инородцам в целях сохранения целостности имперской власти и обороны на местах.

Историографический очерк

Творчество Клавдиана³ хорошо описано в историографии, оно привлекало внимание исследователей еще со времени Э. Гиббона. Однако уже после выхода работы А. Кэмерона произошло изменение в понимании его творчества и дискурса, в русле которого творил поэт [Cameron 1970]. Клавдиан бесспорно рассматривается со времен работы А. Кэмерона не как представитель сенаторской точки зрения, а как пропагандист Стилихона [Cameron 1970; Cameron, Long 1993, p. 9; Long 1996, p. 15; Coombe 2018, p. 13].

Описываемые Клавдианом события точны и свидетельствуют о том, что он ориентировался на правящие круги и имел доступ

¹ Zos. IV. 48–49. Используется издание: *Zosimus. Historia nova* // *Corpus scriptorium historiae Byzantinae* / Ed. V.G. Niebuhr. Bonn: E. Weber, 1837.

² *Themist. Or. XVI. a-b*. Используется издание: *Themistius. Oratio XVI* // *Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius* / Trans. by P. Heather, D. Moncur. Liverpool: Liverpool University Press, 2001.

³ Используется издание: *Claudii Claudiani Carmina* / Ed. Th. Birt // *Monumenta Germaniae Historica. Vol. X. Berolini: apud Weidmannos, 1892*. Русский перевод в статье приводится по изданию: *Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений* / Пер., вступ. ст., коммент. и указ. Р.Л. Шмараква. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.

к официальным документам [Хизер 2016, с. 269–270; Barnes 1978, р. 81–82; Coombe 2018, р. 30, 180–181, 208, 214]. Он ориентировался на представителей двора императора Гонория, поэтому был распространителем официальной точки зрения на события, хотя и старался дистанцироваться от политики формальным статусом обычного придворного поэта [Long 1996, р. 191, 195–196; Coombe 2018, р. 6, 10–11]. К. Кумб существенно углубила понимание того пропагандистского подтекста, который пронизывает все произведения Клавдиана [Coombe 2018, р. 25, 28]. Так, в самом творчестве поэта выделяются несколько смысловых дискурсивных подуровней. Важной посылкой, из которой исходит автор в своем творчестве, является стремление к сохранению границ государства как отражению границ мироздания, обороняющих гармонию между Созиданием и разрушительными силами, стремящимися уничтожить эту гармонию [Coombe 2018, р. 36–37, 60–61, 66, 93–94; Long 1996, р. 90–96, 109].

Дунайские провинции в творчестве Клавдия Клавдиана

Сюжеты, связанные с описанием Дуная, появляются в творчестве Клавдиана уже в самом первом произведении, которым автор заявил о себе – панегирике братьям-консулам Пробину и Олибрию. В отрывке 120–145 поэт описывает мир, наступивший после разгрома Евгения и Арбогаста. Римская государственность, олицетворенная Марсом, в правление Феодосия кровавым опустошением прошла по земле «Гелонов» и «Гетской равнине» – *Getico Gradivus*⁴. Здесь же происходит диалог между Феодосием и богиней Ромой, еще одной антропоморфизацией Рима, подводящий итог военным кампаниям императора. Он выражает готовность оборонять границы государства от врагов, под которыми подразумеваются варвары и внутренние соперники-узурпаторы: «По твоей воле я пересеку все земли и, не боясь ни одного времени года, не стану подвергать опасности Мероэ летом и Дунай зимой»⁵.

Описания «примирения» Балканских провинций можно разделить на несколько типов по контексту упоминаний Дунайских территорий. Такие темы, как уже упомянутое наведение порядка в придунайских провинциях, восхваление провинций, оказавшихся

⁴ Claud. Prob. et Ol. 120–130.

⁵ Ibid. 130–145.

вновь под правлением императора, а не варварских вождей⁶, и описание опустошения, которое устроили инородцы в этих территориях⁷, также можно разделить в соответствии с контекстами, когда упоминается нижнедунайский регион и прилегающие к нему провинции. Например, когда Клавдиан апеллирует к культурной памяти элиты о прошлых войнах римлян. Такими войнами стали те, которые вел Феодосий на Балканском полуострове⁸. Среди таких упоминаний-апелляций показательны воспоминания о победе Промота над грейтунгами⁹. После войн в Паннонии и на побережье Истра в панегирике на консульство Стилихона описывается мирная жизнь, наступившая в провинции: восстановление полей и засеивание на них урожая¹⁰. В панегирике на третье консульство Гонория Августа Дунай также провозглашается «смирным Истром»¹¹.

Дунайский регион появляется как усмиренный в ряде отрывков произведений. При этом Фракия является, в соответствии с упоминаниями Клавдиана, очевидным эпицентром варварских вторжений. Очевидно, мотив восстановления контроля над Дунаем важен и желателен для произнесения при дворе Гонория. Такой сюжет появляется при описании подвластной августейшим братьям территории в панегирике на IV консульство Гонория: Фракия упоминается в контексте земель, что находятся под «скипетрами и вселенским светом»¹². В том же панегирике говорится о том, что племена готов «мал Афон и Фракия тесна», что указывает на признание инородной политической единицы на территории империи, но судьба провинции не раскрывается, возможно, предполагается ее возвращение под контроль Империи¹³. Любопытно, что замирение происходит после падения всевластного префекта и консула Восточной империи Руфина, которому среди грехов, превращающих его во врага государства, приписывается «возмущение Истра»¹⁴. Более того, судя по описанию войны Стилихона с Аларихом, очаг нестабильности на Балканах был больше. Вероятно, хоть и такие большие города, как Фессалоники, остались под

---

⁶ Claud. IV Cons. Hon. Aug. 165–185.

⁷ Claud. In Eutrop. II.140–150, 160–170; Stil. I.90–105.

⁸ Claud. Bell. Gild. 210–235; IV Cons. Hon. Aug. 515–525; Stil. I.90–105.

⁹ Claud. IV Cons. Hon. Aug. 615–645; Stil. I.90–105.

¹⁰ Claud. Stil. II. 190–200.

¹¹ Claud. III Cons. 20–30.

¹² Claud. IV Cons. Hon. Aug. 165–185.

¹³ Ibid. 465–485.

¹⁴ Claud. In Ruf. I. 300–315.

контролем, территории сельской местности Фракии, Македонии, Европы оказались оголенными для разграбления врагом. Факт отступления восточно-римских войск может свидетельствовать о том, что на момент восстаний Алариха Восточная империя не имела достаточного количества полевых сил для подавления его движения на Балканах и занималась только обороной крупных городских центров. В любом случае достижение замирения Истра на момент консульства Стилихона в 400 г. полностью провозглашается Клавдианом в панегирике его заслугой¹⁵.

Заключение

Изучение творчества Клавдиана позволяет предположить, что после войн 382 г. и на момент прихода к власти Стилихона в официальном дискурсе, принятом при западном императорском дворе Гонория Августа, господствовала точка зрения, что нижнедунайские территории остались под властью Восточного императора. Описание событий 395–400 гг., вероятно, подразумевает, что после отхода Алариха земли вернулись под имперский контроль вне зависимости от того, была ли там восстановлена имперская администрация или нет.

Литература

- Хизер 2016 – *Хизер П.* Великие завоевания варваров / Пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М.: Центрполиграф, 2016. 830 с.
- Barnes 1978 – *Barnes T.D.* Claudian and the Notitia Dignitatum // *Phoenix*. 1978. Vol. 32. P. 81–82.
- Cameron 1970 – *Cameron A.* Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford: Clarendon Press, 1970. 508 p.
- Cameron, Long 1993 – *Cameron A., Long J.* Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley: University of California Press, 1993. 411 p.
- Coombe 2018 – *Coombe C.* Claudian the Poet. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 242 p.
- Long 1996 – *Long J.* Claudian's In Eutropium: Or, How, When, and Why to Slander a Eunuch. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1996. 291 p.

---

¹⁵ Claud. Stil. III.10–20.

References

- Barnes, T.D. (1978), "Claudian and the Notitia Dignitatum", *Phoenix*, vol. 32, pp. 81–82.
- Cameron, A. (1970), *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Cameron, A. and Long, J., (1993), *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Coombe, C. (2018), *Claudian the Poet*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Heather, P. (2016), *Velikie zavoevaniya varvarov* [Great conquests of the barbarians], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Long, J. (1996), *Claudian's In Eutropium: Or, How, When, and Why to Slander a Eunuch*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, London, UK.

Информация об авторе

Эдуард Е. Мейер, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; meyer_ed@mail.ru

Information about the author

Eduard E. Meyer, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; meyer_ed@mail.ru

Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти

Сандра А. Хохрякова (Висканта)

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.viskanta@gmail.com*

Аннотация. Коммеморативные практики майя классического периода (III–IX вв.), целями которых были заявления на легитимность власти, территориальные владения и установление политического влияния, хорошо известны. Как коммеморативной программе, направленной на конструирование исторической памяти, обозначенным практикам были свойственны демонстративность, периодичность обращения к определенному событию и ритуальное сопровождение. В статье выделяется еще одна коммеморативная практика, выбивающаяся из перечисленных, – иероглифические тексты в пещерах. Пещеры являются одним из объектов сакрального ландшафта, свойственного всем культурам Мезоамерики. Они были и до сих пор являются местом паломничества и отправления культа. В позднеклассический и постклассический периоды археологами было засвидетельствовано как элитарное, так и неэлитарное использование пещерных природных образований. Иероглифические тексты наносились в труднодоступных зонах абсолютной темноты, куда из-за естественных или возведенных преград не доходил солнечный свет. Подобные тексты не предназначались для широкой демонстрации. В данной статье будет рассмотрено сокрытое нанесение текстов как особый вид коммеморативной практики майя классического периода.

Ключевые слова: историческая память, коммеморативные практики, древние майя, пещеры, ритуал, археология, эпиграфика

Для цитирования: Хохрякова (Висканта) С.А. Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 81–92. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-81-92

Ancient Mayan ritual cave complexes as memory space

Sandra A. Khokhryakova (Viskanta)

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
s.viskanta@gmail.com*

Abstract. The Mayan commemorative practices of the Classic Period (3d – 9th centuries) committed for the purpose of on claiming the power legitimacy, territorial possessions and the establishment of political influence, are well known. A commemorative program, aimed at constructing historical memory, is characterized by the ostentation and periodic addressing to specific event, and by ritual accompaniment. In the article the author identifies one more commemorative practice that stands out of the listed – the hieroglyphic texts in Mayan caves. The caves are among the objects of the sacred landscape, which is common for all Mesoamerican cultures; it was and still is a place for the pilgrimage and worship. Many archaeological projects witnessed the elite and non-elite use of caves in the Late Classic and the Postclassic Periods. The hieroglyphic texts were applied in hard-to-reach areas of absolute darkness, where sunlight did not reach them due to natural barriers or artificial walls. Such texts were not intended to be broadly demonstrated. This article considers the practice of hidden text application as a special type of the Maya commemorative practice of the Classic Period.

Keywords: historic memory, commemorative practices, ancient Maya, caves, ritual, archaeology, epigraphy

For citation: Khokhryakova (Viskanta), S.A. (2021), “Ancient Mayan ritual cave complexes as memory space”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 81–92, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-81-92

Существует много разных целей, которые лежат в основе припоминания и репрезентации своего прошлого у отдельных индивидов или социальных групп. Среди них – использование прошлого для обоснования легитимности власти, предъявление своих прав на владение (часто территориальное), утверждение своего приоритета, являющиеся особой стратегией управления прошлым в интересах настоящего [Нора 1999, с. 84]. Именно эти цели лежали в основе коммеморативных практик у древних майя. При исследовании исторической памяти майя классического периода (III–X вв.) нужно иметь в виду, что сохранившиеся письменные источники отражают прежде всего мировоззрение отдельной группы – знати. В основе

нарратива иероглифических текстов I тыс. н. э. в основном лежали родословные правителей как способ легитимации власти, записи о военных успехах для утверждения своих территориальных владений и сообщения о ритуальной активности для обоснования значимости высокого социального статуса исполнителя. Согласно традиции, тексты создавались с целью публичной демонстрации. Монументальная скульптура или росписи с надписями размещались на видных местах, возведение стел сопровождалось особыми церемониями. Существовало множество сложных ритуалов, отправлявшихся правителем или членами его рода, которые увековечивались в текстах, зачастую сопровождавшихся изображением. Все это подчеркивает тот факт, что на уровне социальной группы знати определенная презентация прошлого и память о нем были направлены на создание коммеморативной программы, которая постоянно воспроизводилась в ходе ритуально-церемониальной групповой деятельности, которая в свою очередь воплощалась в местах памяти – на городских площадях и в храмах.

Подобная стратегия формирования исторической памяти не уникальна для майя и известна по всей Мезоамерике. Однако существовал один вид коммеморативной практики, который выбивался из общепринятого, – нанесение иероглифических текстов на стены в пещерах в ходе паломничеств представителей знати майяских государств.

Практика паломничества существовала в культуре майя начиная со средне- и позднеформативного периода (600 г. до н. э. – 200 г. н. э.) [Brady 1989, p. 90; Brady 2000, p. 200] и дожила до раннеколониального времени. Диего де Ланда, епископ Юкатана (Мексика) с 1572 по 1579 г., писал, что представители правящей знати Юкатана регулярно отправлялись к Священному сеноту Чичен-Ицы и на остров Косумель. Ланда отмечает, что к этим местам индейцы испытывали «такое уважение, как мы к местам паломничества в Иерусалиме и Риме»¹. Необходимость в паломничествах особо насущно вставала во время неурожайных сезонов, чтобы подношениями умиловить богов. «Священное путешествие» включало в себя сам путь, богатые подношения, в том числе человеческие жертвоприношения, и дорогу назад. В сообщении из Набалама, Тахкабо и Косумеля, которое было составлено энкомендеро Диего де Контрерасом в 1579 г., тоже говорится о паломничестве на Косумель. По утверждению жителей острова, их земля никогда не была подчинена какому-то правителю материка. На остров приходили люди даже из городов, расположенных на противоположной сторо-

¹ Ланда де Д. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 153.

не полуострова². Особая роль Косумеля сохранялась до середины XVII в.

Провинциал францисканского ордена на Юкатане Диего Лопес де Когольудо (1613–1665) упоминает о трех храмах в Исамале, которые посещались паломниками из отдаленных частей полуострова. Специально выстроенные дороги, расходящиеся по четырем сторонам света от одного из храмов, якобы пересекали всю территорию Юкатана и доходили до Табаско, Чьяпаса и Гватемалы³.

В доколумбову эпоху важнейшими местами паломничества были пещеры, которые занимали особое место в сакральном ландшафте Мезоамерики. Пещеры как важнейший элемент обще-мезоамериканских религиозно-мифологических представлений стали объектом исследования сравнительно недавно. Пионерами в этой сфере оказались два научных оппонента – Ю.В. Кнорозов и Э. Томпсон. Томпсон впервые указал на то, какое важное место занимали пещеры в культовых практиках древних майя [Thompson 1959]. Концепция Ю.В. Кнорозова была более комплексной. Он обратил внимание на то, что в этногенетических легендах народов Мезоамерики присутствует мотив пещеры, из которой появились прародители племени. При этом зачастую под пещерой подразумевается не конкретная пещера, а более широкое пространство (ущелья или долины) как символ легендарной прародины [Кнорозов 1979; Кнорозов, Ершова 1988]. Развивая идеи Кнорозова, Г.Г. Ершова показала эволюцию концепции пещеры как прародины в Юго-Восточной Мезоамерике от ольмекской эпохи до городских комплексов майя классического времени [Ершова 2000, с. 248–308].

Начиная с 1980-х гг. пещеры стали объектом активных археологических исследований. Дж. Брэди, работавший во многих пещерах Мезоамерики, на археологическом материале показал, что ритуальное использование пещер как паломнических центров играло важную роль в экономической и социокультурной жизни региона [Brady 1989; Brady 2000]. Практика паломничества сохранилась в индейских общинах до сих пор, что связано с пониманием пещеры как источника девственных вод, плодородия, а также входа в по-

---

² *Contreras D.* Relación de Nabalám, Tahcabo y Cozumel // *Relaciones Histórico-geográfico de la Gobernación de Yucatán* (Merida, Valladolid y Tabasco). Garza de la M., Nalda E., Schmidt P. (ed.). Tomo II. México, 1983. P. 185–190.

³ *Cogolludo de D.L.* Historia de Yucatán // *Los tres siglos de la dominación española en Yucatán: O sea, historia de esta provincia, desde la conquista hasta la independencia.* Campeche-Merida, 1842–1845. Vol. 2. P. 255–257.

тусторонний мир, где обитают предки [Vogt, Stuart 2005; Sheseña 2009 и др.].

Из массы пещер со следами ритуальной активности в области майя особо выделяются пять, в которых, помимо артефактов ритуального характера, имеются иероглифические тексты и росписи [Stone 1995; Шесеня 2003b]. Это Нах-Тунич, Санто-Доминго и Куэва-де-лас-Пинтурас в департаменте Петен (Гватемала), а также Холониель (Хольха) и Йалельцемен в штате Чьяпас (Мексика). Все эти тексты объединяет то, что они создавались в скрытых местах, в зоне, куда не доходило естественное освещение. Часто пространство с текстами отделялось естественными преграждениями или возведенными стенами.

Текст пещеры Холониель датируется раннеклассическим периодом (IV–V вв.) [Шесеня 2003a], все остальные – позднеклассическим периодом (VII–IX вв.). Датировка Куэва-де-лас-Пинтурас остается затруднительной: текст в плохой сохранности, несмотря на отдельно различимые и узнаваемые знаки, повествование путаное, контекст остается абсолютно неясен. Радиоуглеродная датировка дала немыслимые результаты (20430 +/- 130 л. н.), когда письменности майя не существовало, а регион Петена еще не был заселен [Miller et al. 2002, p. 79–81]. Иероглифический текст пещеры Актун-Чон (Юкатан) не может быть точно датирован, так как от надписи остались только очертания иероглифических блоков.

Пещерные тексты могут быть объединены в единую группу не только из-за места их создания, а в первую очередь потому, что все они имеют общие черты и записаны по одной формуле. В основе их нарратива лежат шесть терминов ритуальной активности: *huli*, *pakaax*, *kojooy*, *ahni*, *nituuu*, *ila*. Все они, кроме *ahni* и *nituuu*, присутствуют в Нах-Туниче. *Huli* (прийти) также есть в Холониеле, *ahni* (идти) встречается в Йалельцемене и Холониеле, а *pakaax* (вернуться) и *kojooy* (спуститься) известны только в Нах-Туниче. Термин *nituuu* (пройти) дважды встречается в Санто-Доминго. Все перечисленные термины являются глаголами движения, по-видимому, напрямую связаны с самим фактом паломничества как пути и отмечают момент прибытия в пещеру. Последний термин *ila* (видеть) в текстах Нах-Тунича употребляется чаще других, он встречается восемь раз в разных грамматических формах. Еще раз глагол, образованный от корня *il-*, встречается в Куэва-де-лас-Пинтурас, которая расположена поблизости с Нах-Туничем (несколько дней пешего пути).

Пещерные тексты обязательно сохраняли информацию об акторе. Имя шло после термина ритуальной активности, оно содержало титул, который сообщал о статусе протагониста и его территориальной принадлежности. В основном пещеры посещали

члены правящих династий или придворные. Лишь один посетитель носил титул «священного царя», т. е. правящего владыки (роспись 34 из Нах-Тунича)⁴.

В текстах Нах-Тунича среди посетителей чаще всего упоминаются представители местных царств Юго-Восточного Петена (Сакуль-Ишкун, Иштуц, Караколь) [Бернацкая, Хохрякова 2019]. Также указываются достаточно отдаленные царства (Уакуталь в Западном Петене, Эль-Пальмар, Лос-Алакранес и Калакмуль в Кампече, Альтун-Ха на Карибском побережье в Северном Белизе, Рио-Асуль на северо-востоке Петена). Несколько топонимов остаются неидентифицированными: прежде всего Баштун, судя по частоте посещения, скорее всего ближайший к Нах-Туничу город (росписи 25, 28, 30 и 66), Хут', расположенный неподалеку от Тикаля, Сактабаль, который, кроме как в Нах-Туниче, больше нигде в корпусе иероглифических надписей не упоминается, и некое царство Йаш (это название либо является сокращенной записью названия города Йашха, либо относится к неопознанному городу).

Несмотря на то что создание пещерных текстов выше было охарактеризовано как сокрытое нанесение и ставилось в противовес общепринятой коммеморативной практике демонстрации и трансляции широкой публике отдельных событий, зафиксированных в тексте, однако все равно подразумевало наличие наблюдателей. Одной из неотъемлемых частей нарратива пещерных текстов были имена и титулатура лиц, сопровождающих главного паломника. Каждый исполнитель ритуального путешествия не фиксировал в подробностях пройденный путь, не описывал обряды и не перечислял подношения, важнее было оставить сведения о тех, кто присутствовал с ним во время совершения паломничества, что говорит о формировании групповой или коллективной идентичности. Географическая принадлежность и титулатура сопровождающих лиц были разными. Это могли быть представители одной и той же правящей династии или придворные (встречаются титулы *ch'ok*, *kelem*, *anaab*). Обладали ли сопровождающие определенными общими характеристиками?

Царь Альтун-Ха Муйаль-Чаак пришел в пещеру в 740 г. в сопровождении двух людей, которые в тексте названы старшим и младшим братьями (роспись 65 из Нах-Тунича). Посланник царя Эль-Пальмара прибыл со своим младшим братом, который находится на служении у царя Баштуна (роспись 29 из Нах-Тунича).

---

⁴ Обзор политической структуры государств майя классического периода и организации знати у майя по данным монументальных текстов и археологии см.: [Беляев 2002].

В 755 г. царь Баштуна Маман-Чан-Ак посетил пещеру с двумя сопровождающими, которые также являлись «баштунскими владыками» и имели единый патроним Ак, что свидетельствует об их родственной связи (роспись 28 из Нах-Тунича). Через восемь лет Маман-Чан-Ак пришел в сопровождении представителя из династии царей Сакуля, титулатура которого сообщает, что они находятся в родстве, скорее всего приходится двоюродными братьями. В тексте пещеры Холониель (группа 6) основного визитера сопровождала супруга. Все это свидетельствует о том, что в выборе спутника немалую роль играли родственные и супружеские узы.

В остальных случаях в паломничестве участвовали представители разных городов. Учитывая то, что титул, указывающий на территориальную принадлежность, не опускался, видимо, он был важен для актора. Царь Баштуна в качестве свиты брал с собой представителя сакульской и сактабальской знати, посланник из Эль-Пальмара выбрал своим спутником человека из Баштуна, царь Альтун-Ха совершил паломничество в сопровождении представителя уканальской знати. В росписи 52 еще одного анаба царя Эль-Пальмара сопровождает служащий царского двора царя Альтун-Ха. Представитель знати царства Хут' упоминается в числе сопровождающих лиц наряду с человеком из Караколя.

Общим в выборе спутника можно выделить лишь одно: тексты отражают политическую зависимость городов, откуда происходят сопровождающие, по отношению к династиям, из которых происходят акторы паломничества. Вероятно, была важна не территориальная принадлежность, а политическая иерархия или союзы.

Чтобы лучше понять этот момент, стоит обратиться к историческому эпизоду из эпохи испанского завоевания Юкатана: паломничеству Шивов к Священному колодцу Чичен-Ицы, описанному Диегой де Ланда⁵. Между 1533 и 1541 гг. из-за сильного голода и мора правители Мани из династии Шиу решили отправиться в паломничество к священному сеноту в Чичен-Ице, чтобы принести в жертву рабов и рабынь. Путь туда лежал через земли враждебных Кокомов. Несмотря на разрешение на беспрепятственный проход, которое Шиу получили от Кокомов, паломники были неожиданно атакованы и перебиты во время отдыха на вражеской территории [Пакин 2013, с. 428–439]. Учитывая фрагментированную политическую карту области майя, можно предположить, что паломнический путь из отдаленных районов мог пролегать через вражеские земли. Поэтому сопровождающие из зависимых городов и местных политий были важны в процессе паломничества как залог защиты на вражеской территории.

---

⁵ Ланда де Д. Указ. соч. С. 130–131.

Среди множества упомянутых в росписях Нах-Тунича городов нет ни одного, который бы находился южнее этого пещерного комплекса. Все реконструируемые паломнические пути шли с севера или северо-запада. Это единственное территориальное ограничение, которое можно заметить, однако стоит учитывать, что корпус текстов Нах-Тунича сохранился не полностью, часть текстов дошла в плохом состоянии, часть была уничтожена уже после открытия памятника в результате вандализма со стороны неизвестных. Возможно, паломники с юга тоже посещали пещеру. Поэтому не стоит определять пещерный комплекс Нах-Тунича как место памяти исключительно северных областей майя.

Сами по себе события, сохраняемые различными способами и на разных носителях, не являются групповой памятью. Память становится исторической лишь тогда, когда воспоминания извлекаются и становятся предметом соответствующих коммуникаций (ритуалов) в рамках данной группы, а также между поколениями. Исходя из этого, можно говорить о пещерных текстах майя как об особой коммеморативной практике: несмотря на то что тексты наносятся в сокрытом от широкого круга людей пространстве, все равно необходимо присутствие сопровождающего лица, часто – нескольких. Спутники были неслучайными зрителями. Учитывая особый акцент, который делался на титулатуре и происхождении, наоборот, видимо, сопровождающие отдельно подбирались, исходя из критериев кровного родства с актором, а также принадлежности к политике, находившейся в подчиненном положении по отношению к царству, откуда происходил актер. Также был важен повтор церемониально-ритуального действия: есть ряд текстов, которые сообщают о повторном совершении паломничества. Нарратив текста Санто-Доминго построен на повторном посещении пещеры через год в круглую, знаменательную дату. Первое посещение состоялось в мае 799 г., а повторное – в августе 800 г. Роспись 65 из Нах-Тунича тоже говорит о неоднократном ритуальном действии, о повторении в конкретные сроки. Одна и та же запись содержит информацию о посещении пещеры в 739, 740 и 745 гг. В этих двух текстах интересным является то, что запись о ранее произведенных паломничествах появилась постфактум, в контексте рассказа о вновь совершенном, повторном.

Есть несколько персонажей, которые в разных контекстах появлялись в текстах Нах-Тунича. Царь Бааштуна Маман-Чан-Ак трижды сообщил о своем посещении пещерного комплекса. Некий Ах-Чак-Маш упоминается дважды в текстах Нах-Тунича (роспись 52 и 65), вначале он посещает пещеру в 738 г. вместе с анабом царя Эль-Пальмара, который совершает «священное путешествие».

Второй раз это же имя появляется в пещере в перечне свиты священного царя Альтун-Ха в 739 г. Из этого следует, что важен не факт появления в сакральном месте, а память о том, что это совершалось и прежде.

На уровне личности коммеморативные практики связаны с потребностью человека сохранять память о прошлом и объективировать мнемические следы в ритуалы, церемонии и видимые символы или артефакты, способные символически удерживать переживания прошлого в актуальном настоящем. Что касается знати майя классического периода, то отдельные индивиды, с одной стороны, продолжая созданную до них традицию, в рамках которой совершали ритуально-церемониальную групповую деятельность – ритуал паломничества к местам памяти – пещерам. С другой стороны, каждый из представителей знати через личное участие в паломничестве и в результате него объективировал мнемические следы в ритуал, символ, текст, тем самым закрепляя и продолжая коммеморативную практику элиты.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454).

Acknowledgements

The research was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 18-18-00454).

Литература

- Беляев 2002 – *Беляев Д.Д.* Древние майя (III–IX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002. С. 130–155.
- Бернацкая, Хохрякова 2019 – *Бернацкая Ю.Э., Хохрякова С.А.* Юго-Восточный Петен и область Караколя в ранний классический период // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового света: Материалы конференции. М., 2019. С. 290–301.
- Ершова 2000 – *Ершова Г.Г.* Древние майя: уйти, чтобы вернуться (истоки представлений о модели мира) // Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М.: Ладомир, 2000. С. 225–561.
- Кнорозов 1979 – *Кнорозов Ю.В.* Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 133–141.

- Кнорозов, Ершова 1988 – *Кнорозов Ю.В., Ершова Г.Г.* Легенды о происхождении майя // *Экология американских индейцев и эскимосов.* М., 1988. С. 247–256.
- Нора 1999 – *Нора П.* Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуинмеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
- Пакин 2013 – *Пакин А.В.* Паломничество Шивов 1536 года и конкиста Юкатана: версии эпизода истории поздних майя // *Исторический журнал: научные исследования.* 2013. № 4. С. 428–439.
- Шесеня 2003а – *Шесеня А.* Датировка росписей пещеры Холониель, Чьяпас, Мексика // *Древние цивилизации Старого и Нового Света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций* / Под науч. ред. Д.Д. Беляева и Г.Г. Ершовой. М., 2003. С. 230–247.
- Шесеня 2003б – *Шесеня А.* Пещерные росписи древних майя. Воронеж, 2003.
- Brady 1989 – *Brady J.* An Investigation of Maya Ritual Cave Use with Special Reference to Naj Tunich, Peten, Guatemala. Diss. for the degree of PhD. Los Angeles: University of California, 1989.
- Brady 2000 – *Brady J.* Cuevas, Peregrinaciones y Arqueología // *Los Investigadores de la Cultura Maya.* Т. II. México: Universidad Autónoma de Campeche, 2000. P. 219–227.
- Miller et. al. 2002 – *Miller A.E., Brady J., Cobb A., Rowe M.W.* Results of Radiocarbon Analysis of Rock Painting from the La Cueva de las Pinturas, Guatemala // *Mexicon.* 2002. Vol. XXIV: August. P. 79–81.
- Sheseña 2009 – *Sheseña A.* Algunas implicaciones de los ritos zinacantecos en cuevas en el estudio del arte rupestre maya // *Limina R. Estudios sociales y humanísticos.* 2009. Vol. VII. № 1. P. 39–62.
- Stone 1995 – *Stone A.* Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting. Austin: University of Texas Press, 1995.
- Thompson 1959 – *Thompson J.E.S.* The Role of Caves in Maya Culture // *Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde im Hamburg.* 1959. № 25. P. 122–129.
- Vogt, Stuart 2005 – *Vogt E., Stuart D.* Some Notes on Ritual Cave among the Ancient and Modern Maya // *In the Maw of the Earth Monster* / Ed. by J. Brady and K. Prufer. Austin: University of Texas Press, 2005. P. 155–185.

References

- Beliaev, D.D. (2002), “Ancient Maya (III–IX)”, *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilizational models of politogenesis.], Moscow, Russia. pp. 130–155.
- Bernatskaya, Yu.E. and Khokhryakova, S.A. (2019), “Southeastern Peten and the Carakol region in the Early Classical period”, *IX Knorozovskie chteniya: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo sveta: materialy konferentsii* [Ancient Civilizations of the Old and New World, Proceedings of the IX Knorozov Scientific Conference], Moscow, Russia, pp. 290–301.

- Brady, J. (1989), *An Investigation of Maya Ritual Cave Use with Special Reference to Naj Tunich, Peten, Guatemala*, PhD Thesis, University of California, Los Angeles, USA.
- Brady, J. (2000), "Cuevas, Peregrinaciones y Arqueología", *Los Investigadores de la Cultura Maya*, T. II, Universidad Autónoma de Campeche, México, Canada, pp. 219–227.
- Ershova, G.G. (2000), "Ancient Maya. Leaving to return (Origins of the concept on the World model)", in Ershova, G.G., *Frai Diego de Landa. Drevnie maiya: uiti, chtoby vernut'sya* [Fraj Diego de Landa. Ancient Maya. Leaving to return], Ladomir, Moscow, Russia, pp. 225–561.
- Knorozov, Yu.V. (1979), "Ethnogenetic processes in ancient America", *Problemy istorii i etnografii Ameriki*, Moscow, Russia, pp. 133–141.
- Knorozov, Yu.V. and Ershova, G.G. (1988), "Mayan legends of origins", *Ekologiya amerikanskikh indeitsev i eskimosov*, Moscow, Russia, pp. 247–256.
- Miller, A.E., Brady, J., Cobb, A. and Rowe, M.W. (2002), "Results of Radiocarbon Analysis of Rock Painting from the La Cueva de las Pinturas, Guatemala", *Mexicon*, vol. 24, August, pp. 79–81.
- Nora, P. (1999), *Frantsiya-pamyat'* [France – Memory], Izdatel'stvo Sanktpeterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Pakin, A.V. (2013), "The Xiu's Pillgrimage in 1536 and the Yucatan conquest. Episode versions of the late Maya history", *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no 4, pp. 428–439.
- Sheseña, A. (2003a), "Dating the paintings of the Joloniel cave, Chiapas, Mexico", in Beliaev, D.D. and Ershova, G.G. (eds.), *Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta: kul'turnoe svoeobrazie i dialog interpretatsii* [Ancient civilizations of the Old and New World. Cultural originality and a dialogue of interpretations], ed. by D.D. Beliaeva and G.G. Ershova, Moscow, Russia, pp. 230–247.
- Sheseña, A. (2003b), *Peshchernye rospisi drevnih maiya* [Ancient Maya cave paintings], Voronezh, Russia.
- Sheseña, A. (2009), "Algunas implicaciones de los ritos zinacantecos en cuevas en el estudio del arte rupestre maya", *Limina R. Estudios sociales y humanísticos*, vol. VII, no. 1, pp. 39–62.
- Stone, A. (1995), *Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Thompson, J.E.S. (1959) "The Role of Caves in Maya Culture", *Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde im Hamburg*, no. 25, pp. 122–129.
- Vogt, E. and Stuart, D. (2005), "Some Notes on Ritual Cave among the Ancient and Modern Maya", in Brady, J. and Prufer, K. (eds.), *In the Maw of the Earth Monster*, University of Texas Press, Austin, USA, pp. 155–185.

Информация об авторе

Сандра А. Хохрякова (Висканта), Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; s.viskanta@gmail.com

Information about the author

Sandra A. Khokhryakova (Viskanta), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; s.viskanta@gmail.com

УДК 005.92

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-93-103

Регламенты органов государственной власти Российской Федерации и правила делопроизводства: точки пересечения

Анна В. Ермолаева

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Саратов, Россия, kaf-dou@yandex.ru*

Аннотация. В статье дана характеристика «регламенту» законодательной и исполнительной ветви власти как виду документа. Особое внимание уделено формированию системы регламентов в органах исполнительной власти. Обозначена связь с «Генеральным регламентом 1720 г.» в сохранении традиций по установлению правил делопроизводства наряду с основными задачами и функциями государственных органов. Показано влияние регламентов на формирование требований к организации делопроизводства в органах государственной власти. На основании анализа содержания «Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» формулируются выводы о степени регламентации делопроизводства на современном этапе и предложения по совершенствованию правил делопроизводства в законодательной ветви власти с учетом специфики ее деятельности.

Ключевые слова: органы государственной власти, регламент, правила делопроизводства

Для цитирования: Ермолаева А.В. Регламенты органов государственной власти Российской Федерации и правила делопроизводства: точки пересечения // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 93–103. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-93-103

© Ермолаева А.В., 2021

Regulations of state authorities of the Russian Federation and rules of office work. The intersection points

Anna V. Ermolaeva

*Stolypin Volga Institute of Management –
Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration of the Russian Federation,
Saratov, Russia, kaf-dou@yandex.ru*

Abstract. The article describes the “regulations” as a type of document of legislative and executive authorities. Particular attention is paid to the formation of a system of regulations in the executive authorities. The author defines a connection with the “General Regulations of 1720” in preserving the traditions of establishing the rules of the records management along with the main tasks and functions of state bodies. The influence of regulations on the formation of requirements for the organization of the records management in public authorities is shown. Based on the analysis of the content of the “Rules of the records management in state bodies, local authorities” conclusions are formulated about the degree of regulation of the records management at the present stage and proposals for improving the rules of the records management in legislative bodies, with taking into account the specifics of their activities.

Keywords: public authorities, regulations, records management rules

For citation: Ermolaeva, A.V. (2021), “Regulations of state authorities of the Russian Federation and rules of office work. The intersection points”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 93–103, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-93-103

На разных исторических этапах развития России регламент, как вид документа, занимал определенное место в системе нормативных актов органов государственной власти. С позиции права регламент, прежде всего, связан с деятельностью парламентариев¹ и в настоящее время является основным документом, в котором установлен алгоритм парламентской процедуры законодательной (представительной) ветви власти. Среди ученых-правоведов значительный период времени бытовала точка зрения, что

...издание регламента – сфера исключительных прерогатив представительного органа, свидетельство самостоятельности, важной госу-

---

¹ В историческом аспекте – с деятельностью дореволюционной Государственной Думы.

дарственной и политической роли. Он сам определяет наиболее целесообразный порядок работы, включая такую ответственную область, как законодательствование. Никакой другой государственный орган или должностное лицо не вправе делать это [Колесников 1998, с. 67].

Однако в конце 90-х гг. прошлого века высказывается точка зрения, что регламент не должен ассоциироваться исключительно с деятельностью коллегиального органа и может быть отнесен

...в целом к органам государственной власти федерального и регионального уровней в качестве нормативного правового акта, определяющего порядок их деятельности [Пиголкин 1998, с. 212].

Причиной тому послужила практика применения регламента в качестве организационного документа для высшего исполнительного органа в субъектах Российской Федерации, несмотря на тот факт, что в системах нормативных правовых актов регионов он, как правило, не упоминался. Один из аргументов в пользу расширения сферы применения данного вида документа заключался в том, что специфика деятельности каждой из ветвей власти должна быть регламентирована и зафиксирована в документе с аналогичным наименованием.

Решение о придании регламенту органов исполнительной власти правового статуса принимается в ходе административной реформы 2003–2005 гг. В данном контексте следует отметить определенную аналогию с введением Генерального регламента 1720 г., трехсотлетие которого отмечалось в 2020 г. и который также был принят в условиях модернизации и трансформации системы государственного управления и «стал одним из первых документов, вместившим в себя элементы современных организационных документов» [Емышева 2008, с. 248]. Основные принципы, заложенные Генеральным регламентом 1720 г., не потеряли своей актуальности и получили развитие с учетом новых реалий. В результате в настоящее время сформирована система регламентов федерального органа исполнительной власти², на основании которых осуществляется весь комплекс установленного в них функционала: от органа исполнительной власти до конкретного государственного

---

² В административный регламент федерального органа исполнительной власти входят: регламент федерального министерства (службы, агентства); административные регламенты исполнения государственных функций и административные регламенты предоставления государственных услуг; должностные регламенты государственных гражданских служащих.

гражданского служащего. В их числе два документа относятся к категории нормативных правовых актов – это административный регламент исполнения государственных функций и административный регламент предоставления государственных услуг. Это означает, что правом на издание данных регламентов обладают только уполномоченные государственные органы (должностные лица), их разработка осуществляется по установленной процедуре, заключительным этапом которой является государственная регистрация в Министерстве юстиции РФ, в содержании этих документов устанавливаются правовые нормы, обязательные для исполнения. В результате введения административных регламентов в практическую деятельность государственных гражданских служащих сформировались новые методы организации делопроизводства в условиях так называемого процессного подхода. В этом случае создание документов по установленной форме и работа с ними осуществляется в соответствии с алгоритмом административных процедур по исполнению той или иной функции (или предоставлению услуги). Таким образом,

...устанавливаются неразрывные связи между управленческой функцией и их документационным обеспечением, которые впервые были зафиксированы в Генеральном регламенте 1720 г. [Ларин 2019, с. 12].

В условиях цифровизации это позволяет осуществлять реализацию государственной функции (предоставление государственной услуги) в электронной форме. Применение данной методики наряду с внедрением механизмов, обеспечивающих реализацию контроля за административным процессом³, позволяет сократить сроки прохождения документов, обеспечить прозрачность деятельности органов государственной власти и их государственных гражданских служащих.

В свое время Генеральный регламент 1720 г. не только определил задачи, функции, структуру и правила работы коллегий как высших органов государственного управления того исторического периода, но и явился первым законодательным актом в России, который «закрепил порядок работы со всеми видами документов государственных учреждений с момента их создания до передачи на архивное хранение» [Ларин 2019, с. 3]. И в данном контексте он является уникальным источником для документоведения и архивоведения как научных дисциплин.

---

³ Имеются в виду «электронные административные регламенты».

Следует отметить, что и в современный период регламентация деятельности органов государственной власти неразрывно связана с установлением правовых норм в области делопроизводства. Так, в последней редакции Типовых регламентов федеральных органов исполнительной власти, определяющих порядок их внутренней организации и правила межведомственного взаимодействия, установлено, что

...делопроизводство в федеральных органах исполнительной власти осуществляется в соответствии с правилами делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления, утверждаемыми Федеральным архивным агентством. Федеральные органы исполнительной власти издадут свои инструкции по делопроизводству по согласованию с Федеральным архивным агентством⁴.

Это означает, что введенные в действие в феврале 2020 г. «Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления»⁵ (далее по тексту – Правила) становятся неотъемлемой частью Типовых регламентов федеральных органов исполнительной власти и на единой правовой основе обеспечивают унификацию процессов создания документов, технологий работы с ними, организации текущего хранения и подготовки к передаче в архив органов государственной власти.

Обращает на себя внимание тот факт, что в названии новых Правил присутствует словосочетание «в государственных органах». Однако по тексту Правил, помимо термина «государственные органы», применяется понятие «органы государственной власти»⁶.

---

⁴ Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (в ред. от 01.02.2020, утв. постановлением Правительства РФ от 19.01.2005 № 30) // СЗ РФ. 2005. № 4. Ст. 305, п. 11.1; Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти (в ред. от 01.02.2020, утв. постановлением Правительства РФ от 28.07.2005 № 452) // СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233, п. 2.38.

⁵ Приказ Росархива от 22.05.2019 № 71 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» // Официальный сайт Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.consultant.ru/documents/45067>, введены в действие постановлением Правительства РФ от 01.02.2020 № 71 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 677 (дата обращения 19 ноября 2020).

⁶ Например, раздел «Общие положения», п. 1.3.

Следует признать, что четко разграничить сущность данных терминов весьма проблематично, поскольку и в нормативных правовых актах (примером являются и рассматриваемые Правила), и на практике данные понятия зачастую используются как синонимы. Представленные в юридической литературе попытки их дифференциации не однозначны и имеют различное толкование [Черкасов 2008, с. 84–85].

В связи с этим следует напомнить, что в соответствии с Конституцией РФ в Российской Федерации установлены три ветви государственной власти: законодательная, исполнительная и судебная. До сих пор в Российской Федерации нормативные и нормативно-методические документы по организации делопроизводства распространяли свое действие на органы исполнительной власти федерального уровня⁷. В настоящее время в соответствии с установленными полномочиями их автор – Федеральное архивное агентство (Росархив) – имеет право на разработку и утверждение правил делопроизводства в государственных органах; типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов (п. 6)⁸. Возникает вопрос: распространяются ли правовые нормы, содержащиеся в Правилах, на все ветви власти? В пункте 1.3 Правил содержится положительный ответ на данный вопрос⁹.

---

⁷ Например, «Типовая инструкция по делопроизводству в министерствах и ведомствах Российской Федерации» (утв. Роскомархивом 06.07.1992); «Типовая Инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти» 2001 г. (утв. Приказом Федеральной архивной службы России от 01.01.2001 № 68); «Типовая Инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти» 2005 г. (утв. Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 08.11.2005 № 536); «Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» 2009 г. (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.06.2009 № 477).

⁸ Положение о Федеральном архивном агентстве / утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2016 г. № 293 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71327304/> (дата обращения 23 ноября 2020).

⁹ См. п. 1.3 Правил: «Действие Правил делопроизводства распространяется на федеральные органы государственной власти, иные федеральные государственные органы, органы государственной власти и иные государственные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления (далее – государственные органы, органы местного самоуправления)».

Однако до настоящего времени, согласно установленной процедуре, введение правил делопроизводства в действие осуществлялось посредством принятия ведомственного приказа или постановления Правительства РФ. С позиции права подобный порядок являлся единственно возможным, поскольку сфера их действия, как уже отмечалось, ограничивалась исключительно органами исполнительной власти, что и отражалось в наименованиях Типовых инструкций и Правил делопроизводства. Поскольку действие новых Правил распространяется на все органы государственной власти, возникает правовая коллизия, так как Росархив представляет только одну из ветвей государственной власти. Таким образом, за одним из федеральных органов исполнительной власти устанавливается прерогатива не только в части разработки, но и во введении в действие нормативных актов в сфере делопроизводства, требования которых распространяются на все ветви власти и

...должны применяться к любой специальной документации в части общих принципов работы с документами, а также подготовки документов к передаче на архивное хранение¹⁰.

По своей сути Правила являются кодифицированным нормативным правовым актом. В нем собраны и объединены процедурные нормы, определяющие порядок организации деятельности, обеспечивающей документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов. В этих целях по тексту Правил даются ссылки на законодательные, нормативные и нормативно-методические документы, положения которых должны быть учтены и реализованы при организации и ведении делопроизводства. Подобный подход к структуре Правил, с одной стороны, значительно расширяет их содержание, с другой – исключает дублирование правовых норм, содержащихся в указанных документах. Это позволяет определить степень регламентации в области организации делопроизводства в целом и эффективность правового регулирования¹¹.

В связи с этим следует обратить внимание на качество и полноту правовых норм. Несмотря на название, Правила по-прежнему ориентированы на федеральные органы исполнительной власти, на которые в тексте имеется прямое указание (п. 2.3, 2.4), особенности

---

¹⁰ См.: п. 1.4 Правил.

¹¹ Содержание Правил подробно рассматривается в статье: *Кукаркина Ю.М.* Новые Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления // Делопроизводство. 2020. № 2. С. 15–21.

документационного обеспечения которых отражены в ряде положений¹², а также в ссылках на регламентирующие документы¹³. Наряду с этим отсутствует какое-либо упоминание, в частности, о законодательной ветви власти. В отличие от исполнительной власти законодательные органы не образуют единой системы и не имеют единого координирующего органа. В результате законодательные органы общегосударственного и регионального уровней разрабатывают и принимают собственные регламенты. В течение длительного времени они восполняют пробел, связанный с отсутствием федерального закона, устанавливающего порядок деятельности законодательной ветви власти¹⁴. Тем самым каждый законодательный орган самостоятельно решает вопросы не только внутреннего распорядка своей деятельности, но и регламентации законотворческого процесса. В этом заключается двойственная природа регламента законодательного органа, поскольку в нем одновременно сочетаются признаки локального организационно-нормативного документа (регламентация порядка работы законодательного органа) и нормативного правового акта (регламентация норм законодательной техники, которые должны быть соблюдены не только парламентариями, но и всеми субъектами законотворческого процесса).

Данное обстоятельство обуславливает необходимость решения проблемы правового статуса регламента законодательного органа как вида документа. Один из вариантов ее решения – принятие федерального «закона о законах». Однако предпринятые в начале

---

¹² Например, при установлении процедуры согласования «Перечня видов документов, создание, хранение и использование которых должно осуществляться в форме электронных документов».

¹³ «Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» (утв. Постановлением Правительства РФ от 19.01.2005 № 30, ред. от 01.02.2020); «Положение о системе межведомственного электронного документооборота» (утв. Постановлением Правительства РФ от 22.09.2009 № 754, ред. от 16.03.2019); «Правила обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия» (утв. постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2014 г. № 1494, ред. от 24.01.2017).

¹⁴ Имеется в виду отсутствие федерального конституционного закона «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации», проект концепции которого содержался в Докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 г.: О состоянии законодательства в Российской Федерации / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. М.: Совет Федерации, 2006. С. 234.

2000-х гг. действия по его разработке не получили должного завершения¹⁵. Различаются подходы к определению статуса регламента законодательного органа и на уровне субъектов РФ. В регионах он может приравниваться к закону субъекта РФ¹⁶, трактоваться как нормативный правовой акт в региональной системе нормативных документов¹⁷; однако в большинстве субъектов РФ регламент законодательного (представительного) органа отнесен к категории внутренних организационных документов.

Среди правоведов высказывается точка зрения о целесообразности

...разработки единого регламента по форме и содержанию для законодательных органов субъектов России, который бы унифицировал накопленный в прошлом положительный опыт составления регламентов, а также способствовал бы дальнейшему совершенствованию процедурных правил в правотворчестве в целом [Цаликова 2018, с. 83].

Решение данной задачи непосредственно затронет сферу документационного обеспечения законотворческого процесса. В настоящее время, в отсутствие нормативных и методических документов по данному вопросу, регламенты законодательных органов являются той основой, которая восполняет существующий пробел. Однако установленные в них нормы раскрыты фрагментарно и не имеют унифицированного характера. При регламентации процессов документообразования в ряде случаев констатируется игнорирование разработанных и апробированных на практике научных методик, что в конечном итоге отражается на качестве законотворческого процесса и легитимности принятого закона. Что касается вопросов организации работы с документами, отражающими законотворческий процесс, то в регламентах эти новеллы отсутствуют¹⁸.

---

¹⁵ Проект федерального закона № 97700183-2 «О порядке принятия федеральных конституционных и федеральных законов РФ» принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ во втором чтении 10 ноября 2003 г.

¹⁶ Например, в Государственном законодательном Собрании Республики Саха (Якутия) Палата Республики принимает регламент в форме закона, что обеспечивает регламенту соответствующий статус.

¹⁷ Например, Белгородская, Воронежская, Калужская, Самарская, Иркутская области.

¹⁸ В достаточной степени данная регламентация отсутствует и в Инструкциях по делопроизводству законодательных органов, которые в основном устанавливают правила так называемого общего делопроизводства.

Поэтому представляется целесообразным:

- определить степень регламентации процессов документооборота в регламентах законодательных органов;
- Федеральному архивному агентству, реализуя свои полномочия, разработать Методические рекомендации по документированию и организации работы с документами, сопровождающими законотворческий процесс, на которые в последующем в «Правилах делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» будет оформлена ссылка.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о том, что и в настоящее время регламент, как вид документа, не утратил своей актуальности и востребован в органах государственной власти в качестве основного организационно-нормативного документа. Его содержание свидетельствует о сохранении традиций по установлению правил делопроизводства наряду с основными задачами и функциями государственных органов. Однако степень и качество правового регулирования сферы делопроизводства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как регламентных норм, так и правил делопроизводства с учетом специфики документационного обеспечения их деятельности.

Литература

- Емышева 2008 – *Емышева Е.М.* Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8. С. 248–261.
- Колесников 1998 – *Колесников Е.В.* Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. 196 с.
- Ларин 2019 – *Ларин М.В.* Генеральный регламент Петра I – три века в действии // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21). С. 1–14.
- Пиголкин 1998 – Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации / Отв. ред. А.С. Пиголкин. М., 1998. 263 с.
- Цаликова 2018 – *Цаликова З.И.* Регламенты законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ: краткая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7 (163). С. 80–84.
- Черкасов 2008 – *Черкасов К.В.* К вопросу о соотношении понятий «орган государственной власти» и «государственный орган» // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 84–85.

References

- Cherkasov, K.V. (2008), “On question of relation of terms “state authority” and “public authority”. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2, pp. 84–85.
- Emysheva, E.M. (2008), “General Regulations of 1720 as an example of an attempt to create an organizational document”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records management and archive studies. Computer science. Data protection and information security” Series*, no. 8, pp. 248–261.
- Kolesnikov, E.V. (1998), *Istochniki rossiiskogo konstitutsionnogo prava* [Sources of Russian constitutional law], Saratov, Russia.
- Larin, M.V. (2019), “General Regulations of Peter I – three centuries in action”. *Nauchnyi vestnik Kryma*, no. 3 (21). P. 1–14.
- Pigolkin, A.S. (ed.) (1998), *Problemy pravotvorchestva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [The lawmaking issues of the Russian Federation subjects], Moscow, Russia.
- Tsalikova Z.I. (2018), “Regulations of legislative public authority of the Russian Federation subjects. Short characteristics”, *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 7 (163), pp. 80–84.

Информация об авторе

Анна В. Ермолаева, доктор исторических наук, доцент, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия; 410031, Россия, Саратов, ул. Соборная, д. 23/25; kaf-dou@yandex.ru

Information about the author

Anna V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Stolypin Volga Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation, Saratov, Russia; bld. 23/25, Sobornaya Street, Saratov, Russia, 410031; kaf-dou@yandex.ru

Политико-психологический анализ личностного потенциала молодых политических лидеров российских парламентских партий

Андрей Л. Зверев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zveandr@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется личностный потенциал молодых политических лидеров современных российских партий, исследование которого в последние годы проводилось преподавателем кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства факультета истории, политологии и права РГГУ. Исследование осуществлено на основе политико-психологических методик вербального и проективного типа, дополненных тренингом публичной самопрезентации молодых представителей парламентских партий в среде их потенциальных избирателей. В рамках исследования составлялся политико-психологический профиль каждого потенциального молодого партийного лидера с выделением его ценностных ориентаций и готовности к деятельности в публичной политике. Выявлялось содержание основных мотивов, способствующих осуществлению выбора молодыми людьми сферы политики как профессиональной области для становления собственной личности. Также проводилось сопоставление ценностей молодых партийных лидеров с их политической самоидентификацией. По итогам проведенного исследования автор данной статьи пришел к выводу, что имеющийся лидерский потенциал у молодых представителей российских парламентских партий не всегда проявляется в публичной практике и требует серьезной корректировки в плане обучения конкретным коммуникативным техникам, а приход в политику обусловлен стремлением к собственной самореализации.

Ключевые слова: личность молодого политика, молодые лидеры в политике, личностный потенциал, российские парламентские партии

Для цитирования: Зверев А.Л. Политико-психологический анализ личностного потенциала молодых политических лидеров российских парламентских партий // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 104–115. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-104-115

Political and psychological analysis of personal potential of the young political leaders of Russian parliamentary parties

Andrei L. Zverev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zveandr@mail.ru*

Abstract. The article presents a systematic analysis the personal potential of young political leaders of contemporary Russian parties, which has been studied in recent years by an Associate Professor of the Department of Public Relations, Tourism and Hospitality of the Faculty of History, Political Science and Law of Russian State University for the Humanities. The research were was carried out according to political and psychological methods of a verbal and projective type, supplemented by training of public self-presentation of young representatives of parliamentary parties among their potential voters.

As part of the study, a political and psychological profile of each potential young party leader was compiled, highlighting their value orientations and readiness to work in public politics. The article reveals the basic motives contributing to choosing the politics by young people as a professional sphere for the formation of their own personality. Also, the values orientations of young party leaders are compared with their political self-identification. Following the results of the research works, the author of the article concludes that the existing leadership potential of young representatives of Russian parliamentary parties is not always manifested in the public practice and requires serious adjustments in terms of training in specific communication techniques, and coming into politics is determined by the desire for personal self-realization.

Keywords: personality of a young politician, young leaders in politics, personal potential, Russian parliamentary parties

For citation: Zverev, A.L. (2021), "Political and psychological analysis of personal potential of the young political leaders of Russian parliamentary parties", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" Series*, no. 1, pp. 104–115, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-104-115

В рамках данной статьи анализируется личностный потенциал молодых перспективных политических лидеров, на которых в последнее время существует в российском обществе значительный запрос. Он связан с тем, что большинство граждан

нашей страны (59%) хотят решительных перемен в современном российском обществе¹. Ожидания таких перемен связывается, по данным ВЦИОМ, с вырабатывающейся у респондентов установкой, что перемены станут реальными, если власть и представительские институты (в том числе политические партии) смогут произвести омоложение своих рядов и сблизиться с гражданами². Данные, представленные в настоящей статье, также говорят о существующем в обществе запросе на приход в политику молодой когорты политических лидеров, которые могли бы попытаться стать эффективными менеджерами в действующей российской властной системе. Так, недавнее исследование кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова об образе идеального губернатора в региональном массовом сознании выявило существующую в нем установку, что такой лидер региона должен «иметь хорошее физическое здоровье», также желательно, чтобы он был «молодым, радостным, чтобы мог больше внимания уделять проблемам региона» [Шестопап 2019].

Одним из ресурсов обновления нынешней российской властной политической элиты могут стать молодые перспективные кадры отечественных парламентских партий, из рядов которых уже вышли главы отдельных российских регионов и часть бюрократических чинов высших исполнительных органов нашей страны. В настоящей статье предпринимается попытка собственного политико-психологического анализа личностного потенциала молодых партийцев из российских парламентских партий. Исследование проводилось в рамках курсов повышения квалификации УНЦ ГСиПК МГУ им. М.В. Ломоносова на основе качественного политико-психологического исследования молодых слушателей, представителей всех четырех парламентских партий, дополненного тренингом публичной самопрезентации в среде их потенциальных избирателей. Всего в исследовании участвовало 120 человек (30 от каждой партии).

---

¹ *Мухаметшина Е.* Почти 60% россиян выступают за решительные перемены в стране. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan> (дата обращения 30 мая 2020).

² *Россияне захотели увидеть новые лица в партии власти.* URL: https://lenta.ru/news/2019/11/22/update/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения 30 мая 2020).

*Политико-психологический анализ
реализации лидерского потенциала
молодых активистов партии «Единая Россия»*

Большинство молодых партийцев «Единой России» в ситуации экспертно-аналитической задачи имели трудности в изложении наличествующих партийных позиций по текущей повестке современной российской политики. Часто они фиксировали имеющиеся социально-экономические проблемы в стране с опорой на примеры из собственной практики. Но концептуализации на уровне идеологических партийных установок по решению поднятых ими в собственных комментариях проблем не получалось. В целом респонденты, представлявшие «Единую Россию», сложно излагали позиции своей партии, им не давалась интеллектуальная концептуализация и абстракция. Зачастую, особенно при ответах на вопросы, звучали общие рассуждения по теме, но не было содержательных характеристик, по которым можно было бы судить о позиции данного представителя партии по конкретному вопросу.

Большинство респондентов из партии «Единая Россия» оказались *не способными отслеживать реакцию аудитории* на свои слова и гибко подстраиваться под ее реакцию. Они были недостаточно открыты к публичному диалогу (в полемике, да и часто в рамках комментария наблюдались преимущественно закрытые жесты, отсутствие зрительного контакта с аудиторией, в большей степени сосредоточенность на себе и своих тезисах).

Многие молодые партийцы «Единой России» в своих комментариях шаблонное мышление, недостаточную гибкость, демонстрировали неумение работать с возражениями и сомнениями аудитории. Часто эти респонденты не производили впечатления убежденных людей, что было отражением их мировоззренческой инфантильности и ригидности мышления.

Таким образом, серьезная проблема респондентов из «Единой России» заключается в отсутствии у них уверенности в собственной правоте при отстаивании партийной позиции по проблемам текущей повестки дня. Зачастую наблюдается слабая идентификация молодых активистов со своей партией, в выступлениях были продемонстрированы либо презентация позиции партии по обсуждаемой проблеме, при этом с некоторой долей скептицизма по отношению к ней, либо самопиар самих респондентов, того как они эту проблему видят, исходя из собственного опыта.

Самая главная проблема здесь, что респонденты в дискуссиях с воображаемыми избирателями, как правило, боялись брать от-

ветственность на себя, «стесняясь» как имеющих безусловных заслуг партии за многолетнее управление страной, так и впадая в ступор от необходимости решения насущных запросов граждан. Такое положение вещей имеет и еще более глубинное психологическое последствие для «Единой России», проявляющееся в нежелании публично защищать партийные позиции.

Проведенное исследование показало, что многие респонденты из «Единой России» в системе собственных политических представлений не находят места партийной системе, что свидетельствует об отсутствии четких представлений о функциональной предназначенности данного политического института в системе общественно-политических коммуникаций.

Мотивация прихода к власти заключается для молодых активистов из «Единой России» исключительно *в возможности самореализации*, а участие в ее деятельности рассматривается с точки зрения карьерного роста, ответственность за принимаемые решения в партии молодые партийцы брать на себя не готовы, при этом они испытывают затруднения с определением собственных идеологических предпочтений, хотя именно молодые лидеры из этой партии меньше всего из тех, кто участвовал в нашем исследовании, показал «идеологическую всеядность». При этом важно отметить, что большинство молодых активистов «Единой России» в ценностном смысле считают себя *государственниками*. Также важными политическими ценностями для них являются: сильное государство, законность, безопасность, порядок.

В целом респондентов из партии «Единая Россия» можно отнести в большей мере к бюрократам, стремящимся в будущем стать профессионалами, ориентированными на результат и продвижение по карьерной лестнице.

Реализация лидерского потенциала молодых активистов партии КПРФ

Молодые активисты из КПРФ в рамках решения ими экспертно-аналитических задач сумели продемонстрировать высокий уровень командной сплоченности и дух коллективизма, что в будущем может стать полезным в общественно-политической дискуссии, в которую молодые лидеры от КПРФ могут включиться единой командой.

При этом стоит отметить, что в дискуссии им часто не хватает конкретики в их обращениях к целевой аудитории возможных сторонников. Они ограничиваются собственными домашними за-

готовками, а не официально выработанными позициями партии по обсуждаемым в дискуссии вопросам.

Кроме того, молодые лидеры из КПРФ, во-первых, нуждаются в отработке умений давать конкретные ответы на злободневные вопросы с опорой на позицию своей партии. Они умеют говорить много, но, в общем, им трудно излагать конкретику программы действий и возможных путей для их решения, предлагаемыми их партийной организацией.

Во-вторых, в ходе дискуссии активисты из КПРФ продемонстрировали ощущение бессилия перед «броней» бюрократии, отсутствие опыта привлечения к своим программам СМИ, некоммерческих организаций, научной общественности, грамотного использования социальных сетей. Очевидно, что молодые лидеры из КПРФ не знают, с чем конкретно выходить на публику, как ее привлечь на свою сторону, какими делами заинтересовать. Им не хватает политологической осведомленности, юридической и экономической грамотности в вопросах текущей повестки, понимания бюджетной политики и финансовых реалий.

В-третьих, молодые лидеры из КПРФ в своей риторике чаще других партий используют идеологические клише, демонстрируют мировоззренческую ригидность, связанную с «сакральностью» определенных постулатов коммунистической идеи, при этом выявленный образ власти в их политических представлениях рассогласован и абстрактен. Такая слепая привязка риторики к классическим партийным идеологическим установкам также снижает привлекательность озвученных молодыми активистами тезисов для аудитории, не входящей в круг их сторонников.

В-четвертых, большинство молодых активистов из КПРФ склонны переносить ответственность за положение дел в стране и в конкретных избирательных округах на «нео-буржуинов» – пресловутых бюрократов и олигархов, на партию власти в лице «Единой России». Несмотря на то что члены КПРФ и других парламентских партий участвуют в принятии государственных решений, многие молодые лидеры от КПРФ дистанцируются от власти, критикуют ее и высказывают собственные предложения без учета реальных бюджетных возможностей.

В-пятых, выявленный у молодых активистов из КПРФ политический дилетантизм выражается в узости угла зрения на современные российские проблемы, банальности высказываемых оценок, отсутствии системного видения их разрешения на уровне центра, субъектов федерации и муниципалитетов. Они не разделяют ответственности с действующей властью за то, что происходит в стране. Будучи новым поколением «экс-партии власти», они не учитывают

при этом ни опыта предшественников, ни исторического опыта побед и поражений.

Интересно, что на вербальном уровне слушатели декларировали ценность «ответственности». При этом в ходе дискуссии показали, что брать ее на себя они не готовы. Потому, по-видимому, для многих предпочтительнее ограничиться ролью критика действующей власти, обличителя, чем отстаивать свой конкретный план действий, за который в случае их прихода к власти придется нести ответственность перед избирателями. Для опрошенных молодых лидеров из партии КПРФ наиболее характерным является доминирование *мотива* достижения в сочетании с мотивом власти. Отчасти подобная позиция также объясняется тем, что многие молодые лидеры от КПРФ испытывают серьезные затруднения с определением своих идеологических предпочтений. Для части из них наиболее важными являются такие политические ценности как *справедливость, коллективизм, солидарность, сильное государство и равенство возможностей*.

Реализация лидерского потенциала молодых активистов ЛДПР

Во-первых, многие из опрошенных нами молодых лидеров от ЛДПР имеют высокую коммуникативную компетентность, при этом в публичной риторике часто наблюдается стремление проявить свою индивидуальность и выделиться из общей массы. К сожалению, публичные выступления были плохо структурированы, а сами активисты из ЛДПР не владеют умением выделять главное и оформлять основные свои мысли в ключевые тезисы.

Во-вторых, лишь отдельные молодые лидеры из ЛДПР умеют дать конкретные ответы на прямые вопросы из аудитории. Для некоторых задача ведения полемики оказывается слишком сложной. При этом сами активисты по ходу своего выступления испытывают сильное волнение и не могут справиться со стрессом, связанным с необходимостью взаимодействовать с аудиторией, перед которой они испытывают в разной мере проявляющийся страх и незнание простейших правил его преодоления.

В-третьих, во время дискуссии у участников от ЛДПР возникали *трудности с четкостью формулирования своих идей и аргументацией*. Наблюдались две крайности – либо уход в общие рассуждения без конкретики и опоры на свой профессиональный и жизненный опыт, либо, наоборот, переход на частности и собственные «подвиги» без привязки к программным установкам и основным направлениям деятельности партии.

В-четвертых, в исследовании политической картины мира молодых лидеров из ЛДПР выявлена ориентация на «идеологическую всеядность», включающую синкретизм «центристской», «национал-патриотической», «консервативной» идей, что определяется, по-видимому, местом партии ЛДПР в политической системе страны, где данная организация является самой полифонической с точки зрения ее идеологии.

Подтверждением этого является и выявленный набор наиболее важных политологических ценностей, таких как *права человека, сильное государство, справедливость, порядок и законность*. При этом ранжирование ценностей (выделение ранга по значимости ценности) показало, что ценностью высшего ранга (наиболее важной) является *сильное государство*.

В целом на политической картине мира представителей партии ЛДПР политическая система России в первую очередь ассоциируется с системой разделения властей (например, на рисунках молодые активисты этой партии изображали исполнительную, законодательную и судебную власть в виде схемы или дерева). Помимо этого, изображаются и иные властные институты, но в рисунках не содержались элементы партийной системы, что свидетельствует о том, что представители ЛДПР никак с властью себя не ассоциируют, хотя при этом являются парламентской партией, участвующей в принятии важных законодательных решений в стране.

Сам же образ власти рассматривают исключительно с позиции силы, при этом респонденты проявляют высокий интерес к внешнеполитической тематике и хуже разбираются во внутрироссийском политическом процессе.

Так же, как и молодые лидеры из КПРФ, представители ЛДПР имеют мотивационный профиль, связанный с *мотивами достижения/аффилиации*, позволяющими устанавливать, сохранять и возобновлять дружеские отношения, направленные на создание благоприятного климата и получения одобрения со стороны народа и руководства партии. При этом так же, как и у представителей от КПРФ, фиксируется неготовность брать на себя всю полноту ответственности за принимаемые решения. Скорее такая потребность к аффилиации говорит о желании разделить ответственность с другими или чтобы эту ответственность на себя взял лидер партии В.В. Жириновский.

В целом исследование показало, что для молодых активистов из ЛДПР их партийные установки по ключевым вопросам текущей политической повестки дня носят абстрактный характер. Приход к власти рассматривается молодыми лидерами ЛДПР как возможность личностной самореализации.

*Реализация лидерского потенциала
молодых активистов партии
«Справедливая Россия»*

Молодые активисты из партии «Справедливая Россия» так же, как и их коллеги из КПРФ, в рамках решения ими экспертно-аналитических задач, сумели продемонстрировать высокий уровень командной сплоченности. Такое качество особенно важно в условиях предвыборной кампании, когда от дисциплинированности команды нередко зависит успех партии на выборах.

В дискуссии молодые лидеры из «Справедливой России», во-первых, сумели проявить коммуникативную компетентность с той или иной степенью успешности владения полемическими приемами независимо от имевшегося прежде опыта публичных выступлений, изобретательность и артистизм, умение мобилизоваться, преодолеть стресс и способность оперативно смоделировать ситуацию, предложенную ролевой игрой. Хотя определенные трудности у некоторых активистов имелись.

Во-вторых, несмотря на имеющиеся у многих из них навыки самопрезентации, они тем не менее, как и их коллеги из других партий, испытывали серьезные затруднения в изложении позиций своих партий по основным вопросам текущей политической повестки дня. Потому часто ораторы от этой партии затруднялись концептуально выстроить свои идеи и представить аргументы с опорой на собственный профессиональный и жизненный опыт.

В-третьих, при развитой у многих речевой компетентности и некотором опыте публичных выступлений большинство оказались слабо подготовлены к выступлению в стрессовой ситуации, перед критично настроенной публикой. Лишь единицы способны использовать юмор и общаться непринужденно. Порой вызвали затруднения дискуссии с оппонентами. В ответ на их провокационные вопросы иные проявляли вербальную агрессию, чем провоцировали зеркальные реакции у других молодых лидеров.

В-четвертых, у определенной части молодых лидеров наблюдались слабо развитые риторические навыки: от дефектов в произнесении слов и неумения формулировать мысль в законченном виде – до проблемы с рефлексией, умения корректировать речь с учетом обратной связи. Были и проблемы в смысловом построении высказывания, когда оно сводилось к сухой речи чиновника, не способной затронуть чувства аудитории.

В-пятых, дискуссии у молодых лидеров «Справедливой России» выявили гендерную специфику выражения коммуникативной компетентности. Так, женщины могли легче устанавливать кон-

такт с аудиторией при проблемах с концептуализацией излагаемых ключевых тезисов, а вот мужчинам не сразу удавалось расположить к себе публику из-за недостатка экспрессии или суетливости в изложении мыслей.

В-шестых, серьезной проблемой молодых лидеров от «Справедливой России» является отсутствие системного видения подходов к решению современных проблем, стоящих как на уровне всей страны, так и на уровне отдельных российских регионов. Часто активисты «Справедливой России», в отличие от их коллег из КПРФ, четко, а порой и жестко ориентированных на воспроизведение в своих речах классических постулатов коммунистической идеологии, демонстрировали идеологическую некомпетентность, что значительно сужало возможность определить место «Справедливой России» в сложившейся отечественной политической системе и осознать роль своей партии в современной парламентской жизни страны.

В-седьмых, проведенные дискуссии показали, что молодые активисты «Справедливой России», с одной стороны, не всегда замечают изменения настроений в обществе и соответственно не умеют чутко реагировать на запросы избирателей, учитывать их социальную и экономическую дифференциацию, с другой стороны, прослеживается тенденция переноса ответственности за положение дел в стране на неуправляемых чиновников и пресловутых бюрократов, на «партию власти».

Исследования политических представлений молодых лидеров от партии «Справедливая Россия» показывают менее согласованные групповые представления активистов данной партии о власти, большинство из которых связывают власть с «навязыванием воли». Власть также в сознании молодых лидеров от этой партии предстает в виде немногочисленных групп, элит, действующих в своих интересах, а не в интересах всего общества. Кроме того, поднимается проблема отсутствия социальных лифтов в политической сфере и преемственности в подготовке управленческих кадров.

Молодые активисты «Справедливой России» имеют одну из самых четких из всех четырех парламентских партий систему ценностных ориентиров, совпадающих с присущей всей партии ориентации на соответствующие ценности социал-демократии, при этом только в рисунках молодых справедливороссов отражена особая роль партии как одного из главных российских политических институтов.

Как и у представителей других оппозиционных парламентских партий, потребность прихода к власти у молодых лидеров «Справедливой России» связывается в основном с потребностью в само-

реализации, заключающейся в достижении властного статуса. При этом в отличие от других партий для них характерны четкие ценностные представления. Но вот с идеологической самоидентификацией на ценностном уровне у молодых лидеров «Справедливой России» наблюдается ярко выраженный кризис. Наиболее важными для них являются такие политические ценности, как *справедливость, свобода, безопасность, социальное партнерство и сильное государство*. А вот процедура ранжирования ценностей (выделение ранга по значимости ценности) показала, что приоритетными для справедливороссов являются *права человека*, которые в большей мере относятся к ценностям либералов, чем социал-демократов.

Но и по результатам проведенного исследования молодые лидеры «Справедливой России» показали худший лидерский потенциал в сравнении с молодыми активистами из других партий.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ выраженности личностного потенциала с проявленными молодыми активистами лидерскими компетенциями в смоделированной ролевой экспертно-аналитической практике публичного обсуждения позволяет говорить о том, что имеющийся лидерский потенциал не всегда проявляется на практике и требует серьезной корректировки и обучения конкретным коммуникативным техникам у исследованных респондентов.

Ярко выраженный лидерский потенциал был зафиксирован у активистов из партии ЛДПР, по-видимому, это можно объяснить тем, что именно данная партия в сложившемся отечественном политическом ландшафте является единственной политической силой лидерского (вождистского) типа.

Как ни парадоксально, но относительно низкие показатели лидерского потенциала зафиксированы у молодых представителей парламентских политических партий и действующих депутатов. Им не хватает лидерских амбиций, и пожалуй, многие из них уже смирились с тем, что в современной российской политике присутствует лишь один яркий публичный лидер – нынешний президент В.В. Путин. И, наконец, худший лидерский потенциал в сравнении с молодыми активистами из других партий имеют опрошенные члены «Справедливой России».

Литература

Шестопап 2019 – *Шестопап Е.Б., Вагина В.В., Пасс П.С.* Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами // *Полития*. 2019. № 4. С. 67–86.

References

Shestopal, H.B., Vagina, V.V. and Pass, P.S. (2019), "New trends in the perception of authority by Russian citizens", *Politiya*, no. 4, pp. 67–86.

Информация об авторе

Андрей Л. Зверев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zveandr@mail.ru

Information about the author

Andrey L. Zverev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zveandr@mail.ru

Исследование итальянско-ливийских отношений в отечественной научной литературе с конца XX до начала XXI в.

Екатерина С. Высочина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vysochinaekaterina@gmail.com*

Аннотация. Основной целью данной статьи является рассмотрение наиболее полных и целостных научных трудов отечественных авторов, посвященных изучению истории и развития итальянско-ливийских отношений. Для проведения исследования была привлечена широкая историографическая база по проблематике темы, автор обратилась как к «классическим» работам советских ученых, так и к наиболее современным научным деятелям. Одна из главных задач исследования данной темы состоит в выявлении историографических проблем, связанных с недостатком современной российской научной литературы, посвященной указанной тематике. В статье проанализированы характерные особенности литературы, изданной с конца XX до начала XXI в. в России, в освещении вопроса взаимодействия двух стран в разных сферах международных отношений. Методологической основой работы выступает проблемно-хронологический и комплексный анализ используемой литературы, установление причинно-следственных связей и закономерностей в подходах к своим исследованиям российских авторов, а также их интерпретация для современного этапа развития отношений двух стран. В процессе исследования были отмечены схожие подходы авторов по ряду исторических событий внутри рассматриваемой проблематики. В ходе работы выявлено, что большинство научных трудов соотечественников посвящены определенному, довольно узкому, кругу вопросов: итало-турецкая война 1911–1912 гг., сотрудничество Ливии и Италии в сфере контроля нелегальной миграции из Африки в Европу, итальянское военное вмешательство в рамках гражданской войны в Ливии 2011 г. В то же время не многие российские авторы освещают и анализируют обширное научное поле итальянско-ливийского сотрудничества в политической, культурной, социальной, экономической областях в долгосрочный период правления полковника Каддафи в Ливии. В связи с этим автор статьи отмечает, что имеется массивный пласт исторических данных, а именно: дипломатические документы, резолюции, официальные письма первых

лиц, договоры и соглашения между рассматриваемыми странами, в том числе, в рамках деятельности международных организаций, которые не являются изученными на сегодняшний день в достаточном объеме. В статье выявлены наиболее перспективные направления дальнейшего исследования итальянско-ливийских отношений, что подчеркивает важность и актуальность выбранной темы. Автор приходит к выводу, что на данный момент представляется достаточно сложной задачей найти обоснованную, комплексную научную литературу, призванную определить характер и варианты развития отношений между Ливией и Италией на современном этапе.

Ключевые слова: Ливия, Италия, историография, международные отношения, итало-турецкая война, арабская весна, нелегальная миграция

Для цитирования: Высочина Е.С. Исследование итальянско-ливийских отношений в отечественной научной литературе с конца XX до начала XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 116–125. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-116-125

Study of Italian-Libyan relations in Russian science literature from the late 20th to the early 21st century

Ekaterina S. Vysochina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vysochinaekaterina@gmail.com*

Abstract. The main purpose of the article is to review the most complete and holistic scientific works of Russian authors which are devoted to the study of Italian-Libyan relations. To carry out the research a broad historiographic base on the topic was involved, the author turned to both the “classic” works of Soviet scientists, and to the most modern scientific figures. One of the main tasks in the study of the topic is to identify the historiographic issues associated with the lack of modern Russian scientific literature on the referred theme. The article analyzes the specific features of the literature published from the end of the 20th to the beginning of the 21st century in Russia, highlighting the issue of interaction between two countries in different spheres of international relations. The methodological basis of the work is the issue-chronological and complex analysis of the used literature, the establishment of the cause-effect relationships and patterns in the Russian authors approaches to their research, as well as their interpretation for the current stage of development of relations between the two countries. During research it was revealed that most of the scientific works of our compatriots are devoted to a certain, rather narrow,

range of issues: the Italian–Turkish war of 1911–1912, cooperation between Libya and Italy in the control of illegal migration from Africa to Europe, Italian military intervention in the civil war in Libya 2011. At the same time, not many Russian authors cover and analyze the Italian-Libyan cooperation in the political, cultural, social, and economic fields during the long-term period of Colonel Gaddafi’s rule in Libya. In this regard, the author of the article notes that there is a great amount of historical data: the diplomatic documents, resolutions, official letters of top public executives, treaties and agreements between the countries, including documents of international organizations that are not studied at present sufficiently. The article identifies the most perspective areas for further research of Italian-Libyan relations, what emphasizes the importance and relevance of the chosen topic. The author comes to a conclusion that at the moment it seems quite difficult to find a well-founded, comprehensive scientific literature designed to determine the nature and options for the development of relations between Libya and Italy at the modern stage.

Keywords: Libya, Italy, historiography, international relations, Italian-Turkish war, Arab spring, illegal migration

For citation: Vysochina, E.S. (2021), “Study of Italian-Libyan relations in Russian science literature from the late 20th to the early 21st century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 116–125, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-116-125

На протяжении нескольких веков Италия выстраивала связи с арабскими странами. Итогом ее внешней политики в данном направлении послужило установление стабильного экономического, дипломатического, культурного и социального партнерства в регионе. Особого внимания заслуживает рассмотрение итальянско-ливийских отношений, так как на протяжении последнего столетия они претерпевали множество различных изменений: от открытой агрессии и конфронтации до добрососедского приятельства. По этой причине развитию взаимоотношений между двумя странами посвящено немало научной литературы. Однако большая часть литературы освещает колониальный период, в то время как комплексному развитию взаимоотношений двух стран посвящено единичное количество работ, что подчеркивает актуальность исследования заявленной темы. Основной целью статьи является освещение наиболее популярных отечественных исследований итальянско-ливийских отношений с конца XX до начала XXI в. Задачей автора стало не только описание имеющихся материалов, но и анализ тех исторических тем и событий в отношениях между Италией и Ливией, которые еще имеют большой потенциал для

научной разработки. Методологической базой работы выступает проблемно-хронологический и комплексный анализ литературы, установление причинно-следственных связей и закономерностей в подходах российских авторов. На основании проделанной работы автор приходит к выводу о том, что существует нехватка научных трудов, освещающих в первую очередь период взаимоотношений Италии с Ливией во время правления полковника Каддафи.

В одном из первых отечественных фундаментальных исследований Ливии «История Ливии. XX в.» профессор А.З. Егорин комплексно анализирует события, предшествовавшие итальянскому колониальному правлению и происходившие во время него. Егорин акцентирует внимание на том, что история Ливии в XX в. неразрывно связана с борьбой против колониальной экспансии, с сопротивлением Англии, Франции, США; особое место в этом ряду у Италии. Как отмечает автор, национально-освободительное движение страны имело определенную специфику, что было связано с начавшейся в 1911 г. итало-турецкой войной. Делая ссылки на архивные материалы Ливии, ряда европейских и арабских стран, Егорин излагает внутреннюю ситуацию в государстве в годы борьбы против итальянской экспансии, пик которой пришелся на 1920-е гг., когда сопротивление возглавил Омар аль-Мухтар, казненный впоследствии итальянцами.

Особое внимание автор уделяет вопросу военного противостояния Ливии в годы Первой мировой войны и военной колонизации страны фашистской Италией 1930–1940-х гг. Описывая итальянскую экспансию в Ливию во время Второй мировой войны, автор выдвигает гипотезу о том, что без широкой поддержки европейских держав фашистский режим мог бы пасть вследствие внутреннего и внешнего, в том числе со стороны Ливии, сопротивления, а полувекое итальянское присутствие в стране принесло Ливии значительные потери. Отдельную главу автор посвящает вопросу послевоенного устройства страны, когда шел активный процесс становления политической независимости и собственной государственности. В главе, посвященной торгово-экономическим связям Ливии, автор не раз упоминает Италию. С 1980-х гг. он называет Италию одним из главных «контрагентов» [Егорин 1999, с. 412] Ливии в экспорте нефти, который составлял 21,5% от общего экспорта и примерно 20% импорта нефти в Италию [Егорин 1999]. Италия также видится и как один из самых крупных импортеров, в союзе с ФРГ и Францией они покрывали 44–48% стоимости импортированных товаров, в основном товарами ввоза являлись технические и транспортные средства. Италией строились нефтехимические предприятия, она также поставляла оружие для режима Каддафи

до начала гражданской войны [Егорин 1999]. А.З. Егорин дает наиболее полное представление о том, как складывались отношения двух стран и что служило причиной тех или иных событий в их истории.

В труде профессора Н.И. Прошина «История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.)» также значительное внимание уделено вопросу италийско-ливийских отношений. Автор делает вывод о том, что итало-турецкая «война была спровоцирована правящими кругами Италии, которые стремились утвердиться на Средиземноморье и в Северной Африке» [Прошин 1975]. Начавшаяся Первая мировая война несколько отвлекла внимание итальянцев от Ливии, однако автор подчеркивает, что борьба с империалистами в Ливии ослаблялась еще и враждебностью между триполитанцами и племенами Киренаики. На этом фоне все более активно начинает вести себя Англия, которая впоследствии и отвоевывает влияние в регионе.

Помимо трудов, изданных востоковедами, внимания заслуживает «История внешней политики Италии» профессора Т.В. Зоновой. В учебном пособии дан систематический анализ внешней политики Италии. Наиболее подробно описан процесс установления влияния итальянцев в Ливии. Автор посвящает часть второй главы своей книги ливийской войне 1911–1912 гг., обозначая комплекс причин, по которым эта колония была ценна для Италии. Автор отмечает конкуренцию, сложившуюся между европейскими странами в регионе, и описывает ряд действий Италии по поводу превращения Ливии в свою колонию. Сложности на пути Италии были связаны с политикой Турции, что в итоге и стало одной из основных причин начала войны между странами [Зонова 2016]. Автор подробно описывает военные действия и стратегии участников. Италия вела себя аккуратно, опасаясь сильных европейских конкурентов. Предварительно итальянские дипломаты даже предлагали выкуп Турции за уступку Ливии, однако та не согласилась. В Турции нарастал внутренний кризис, все более явной казалась война на Балканах, это и заставило подписать 15 октября 1912 г. в Лозанне секретное перемирие. По нему устанавливался кондоминиум в отношении Триполитании и Киренаики. Впоследствии, в 1923 г., Турция отказалась от своих прав в Ливии. Далее в учебнике Ливия упоминается фрагментарно, в основном в качестве поля боевых действий Второй мировой войны, экономического партнера в нефтегазовой области и страны, через которую проходит поток миграции в Европу из Африки.

Также подробно повествует о причинах, ходе и итогах итало-ливийской войны Н.Г. Романова в статье «Италия, Турция и Ливия в войне 1911–1912 гг.». Италия основательно готовила почву для

захвата страны, пользуясь военными, дипломатическими и гуманитарными методами влияния, а также лозунгами об освобождении от «варварского» господства. Автор отмечает сильное превосходство итальянцев над турками, особенно в сфере военно-морского флота [Романова 2005–2006, с. 138], однако в итоге делает вывод о том, что основной причиной, не давшей войне пройти молниеносно по плану Италии, было мощное национально-племенное движение ливийцев. Автор заключает, что партизанская война недооцененных арабов с итальянцами продолжалась и после подписания между Италией и Турцией мирного соглашения.

Е.А. Маслова в статье «Италия–Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества» также подчеркивает факт тесной связи Италии и Ливии [Маслова 2012, с. 86]. С акцентом на современном периоде выделяется большой пласт событий 1960–1990-х гг., информация о котором не представлена систематизированно в российской историографии. Маслова рассматривает историческую перспективу взаимодействия двух стран, подчеркивая колониальную зависимость Ливии от Италии в период с 1912 по 1942 гг. Весь этот промежуток времени отмечается заметным количеством протестных движений и их видимым усилением после государственного переворота 1969 г., вслед за которым Каддафи начал высылать бывших оккупантов из страны с конфискацией имущества. Однако в середине 1980-х гг. установились дружеские отношения Италии и Джамахирии, а уже в начале XXI в. Каддафи называл Берлускони своим близким другом. Автор упоминает ряд значимых соглашений между странами с конца 1990-х гг., среди которых – Протокол 2007 г. о сдерживании нелегальной иммиграции. Вопрос миграции всегда остро стоял для Италии, привлекательность этой страны для потоков нелегалов из Африки обуславливается географической близостью и возможностью найти работу в теневом секторе экономики. Большая часть иммигрантов прибывала из Ливии, так как Каддафи отменил въездные визы в свою страну для жителей африканского континента.

Протокол 2007 г. регулировал миграционные процессы и предусматривал совместное патрулирование границ на катерах, предоставленных итальянской страной, однако вскоре после старта его действие было приостановлено Ливией в одностороннем порядке. Это было связано с личностью Р. Кальдероли (министра реформ в кабинете Берлускони), который появился в футболке с изображением карикатуры на пророка Мухаммеда. После повторного назначения Кальдероли в кабинет министров в 2008 г. Ливия объявила о прекращении сотрудничества с Италией в борьбе с незаконной миграцией. В августе 2008 г. Берлускони принес официальные

извинения Ливии за оккупацию страны, был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором говорилось о прекращении исторических споров, культурном, военном и экономическом взаимодействии. Главной причиной налаживания отношений для Италии являлась острая проблема миграции, вопрос которой также регулировался в договоре. Однако с началом антикадафийских движений в Ливии в 2012 г. Италия приостановила действие договора и приняла решение о предоставлении своих военных баз объединенным войскам НАТО для ударов по Ливии. С нарастанием сил вооруженного конфликта в Ливии в сторону Италии устремились огромные потоки беженцев. Большинство иностранных и нефтедобывающих компаний были вынуждены прекратить работу. В 2012 г., после прихода к власти НПС (Национальный Переходный Совет), Председатель совета министров Италии нанес первый визит в Ливию после падения режима Каддафи. В рамках визита была подписана так называемая Триполитанская декларация, в которой подтверждалось желание сторон сотрудничать. Договор о дружбе и сотрудничестве 2008 г. остался замороженным, что заставляет Маслову поднять вопрос правопреемства между Джамахирией и новым правительством страны. В заключение автор подчеркивает, что Ливии необходима помощь при восстановлении экономического, военного, законодательного порядка, однако возникают сомнения, что Европа и в частности Италия станут тем самым полноценным источником содействия.

Учитывая краткосрочный временной период, от момента подписания Договора о дружбе в 2008 г. итальянской стороны с Каддафи до заключения рамочного соглашения с новым ливийским правительством, Д.В. Кочетов в статье «Италия–Ливия: Эволюция отношений (2008–2016 гг.)» приходит к схожим с Масловой выводам. Кратко описывая взаимодействие стран в XX в., автор рассматривает основные современные юридические соглашения между странами: Бенгазийский договор и Схиратское мирное соглашение. Кочетов излагает содержание Бенгазийского договора, основной целью которого видит снятие постколониальной напряженности. Автор отмечает наличие в договоре противоречия, связанного с тем, что, несмотря на обязательства не использовать свои территории для враждебных действий друг против друга, Италия сохраняла право действовать против Ливии в случае ее выхода за рамки международного права [Кочетов 2017, с. 68]. Это противоречие отразилось на поведении Италии после начала военных действий НАТО в Ливии в 2011 г. Кочетов подчеркивает безусловную важность сотрудничества Италии с Ливией, что выразилось и в том, как быстро итальянская сторона начала

налаживать диалог с новым правительством Ливии. На современном этапе развития взаимоотношений двух стран отмечается не только стремление контролировать нелегальную иммиграцию из Африки в Европу и нефтеторговлю, но и попытки сплочения перед лицом терроризма, который активно начал укреплять свои позиции в Ливии в условиях тления конфликтов гражданской войны. Хорошо осознавая нависшую опасность, Италия приняла активное участие в процессе подписания мирного Схиратского договора, который был нацелен на стабилизацию позиций нового правительства Ливии. На нынешнем этапе развития итало-ливийских отношений, по мнению автора, на первый план выходит проблема мирового терроризма, а хрупкость нового правительства в Ливии не позволяет точно спрогнозировать, как будут строиться отношения Триполи и Рима далее.

Наиболее полно военные события «арабской весны» и вовлеченность в нее Италии описаны в монографии М.Ф. Видясовой «Ливия. Куда идет страна 140 племен?». Главное внимание в книге уделено гражданской войне и ее последствиям. Тема итало-ливийских отношений затрагивается автором в контексте формирования коалиции Запада против Каддафи, в которую вошла Италия. Страна предоставила для иностранных войск свои военные базы на территории Ливии, не ведя при этом агрессивной политики, так как существовало опасение скорого наплыва беженцев из бывшей колонии. И это опасение не было напрасным, автор описывает сложности жизни ливийских мигрантов, в том числе и на итальянской территории [Видясова 2019].

Подводя итог, хотелось бы заметить, что большинство научных работ посвящены определенному кругу вопросов: итало-турецкая война, сотрудничество стран в области контроля нелегальной миграции и итальянское военное вмешательство в рамках гражданской войны в Ливии. Однако следует заметить, что немногие российские авторы освещают тему италянско-ливийского сотрудничества в политической, культурной, экономической областях в период правления Каддафи. Также хочется отметить, что имеется большой пласт исторической информации, а именно: дипломатические документы, договоры и соглашения между странами, который представляет большой научный интерес, но работ на эту тему пока издано крайне мало. К сожалению, сегодня представляется достаточно сложной задачей найти обоснованную научную литературу, призванную определить характер и варианты развития отношений между Ливией и Италией на современном этапе, оценка которого с аналитической точки зрения не представляется возможной в полной мере.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проекта № 19-31-27001.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project № 19-31-27001.

Литература

- Видясова 2019 – *Видясова М.Ф.* Ливия. Куда идет страна 140 племен? М.: Садра, 2019. 208 с.
- Егорин 1999 – *Егорин А.З.* История Ливии. XX в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 563 с.
- Зонова 2016 – *Зонова Т.В.* История внешней политики Италии: Учеб. М.: Междунар. отношения, 2016. 352 с.
- Кочетов 2017 – *Кочетов Д.В.* Италия – Ливия: Эволюция отношений (2008–2016 гг.) // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 66–71.
- Маслова 2012 – *Маслова Е.А.* Италия – Ливия: Сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. 2012. № 4. С. 86–96.
- Прошин 1975 – *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). М.: Наука, 1975. 419 с.
- Романова 2005–2006 – *Романова Н.Г.* Италия, Турция и Ливия в войне 1911–1912 гг. // Восток–Запад. М.: Восточная литература, 2005–2006. С. 136–150.

References

- Egorin, A.Z. (1999), *Istoriya Livii. XX v.* [History of Libya. 20th century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Kochetov, D.V. (2017), “Italy–Libya. Evolution of relations (2008–2016)”, *Asia and Africa today*, no. 1, p. 66–71.
- Maslova, E.A. (2012), “Italy–Libya. Complications in relations and perspectives of cooperation”, *Nauchnyi dialog*, no. 4, p. 86–96.
- Proshin, N.I. (1975), *Istoriya Livii 9* (konets XIX v. – 1969 g.) [History of Libya (the end of 19th century – 1969)], Nauka, Moscow, Russia.
- Romanova, N.G. (2005–2006), “Italiya, Turtsiya i Liviya v voine 1911–1912 gg. [Italy, Turkey and Libya during the war of 1911–1912]”, *Vostok-Zapad*, Vostochnaya Literatura, Moscow, Russia, p. 136–150.

Vidyasova, M.F. (2019), *Liviya. Kuda idet strana 140 plemen?* [Libya. Where is a nation of 140 tribes heading?], Sadra, Moscow, Russia.

Zonova, T.V. (2016), *Istoriya vneshnei politiki Italii: Uchebnik* [History of Italian foreign policy. A coursebook], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина С. Высочина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vysochinaekaterina@gmail.com

Information about the author

Ekaterina S. Vysochina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vysochinaekaterina@gmail.com

УДК 378(47+430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-126-138

Нормативно-правовое регулирование
академического взаимодействия России и Германии
в рамках Болонского процесса:
проблемы совершенствования

Мария А. Пашук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Mariavonpashuk@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблемам совершенствования нормативно-правового регулирования академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса. В работе использованы методы ретроспективного, статистического, аналитического, рационального, сравнительного исследования. Автором обозначены ключевые направления, регламентированные Болонской декларацией, даны основные характеристики нормативно-правового обеспечения участия российских вузов в Болонском процессе. Отмечена роль российско-германского научно-образовательного партнерства в реформировании системы высшего образования в России. Рассмотрены нормативно-правовые акты, формирующие организационно-правовые рамки образовательного сотрудничества России и Германии в рамках Болонского процесса. В качестве основополагающей проблемы, препятствующей расширению академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса, указана недостаточность российской законодательной базы, отсутствие правовых условий для активной академической мобильности студентов и академического персонала: 1) высокие требования для получения студенческой визы (как для российских, так и немецких студентов); 2) ограниченный объем программ образовательных обменов для студентов и преподавателей; 3) недостаток финансирования образовательных поездок (конференции, стажировки) за границу; 4) некорректная трактовка и оценка российской квалификации «специалист» в странах Европейского пространства высшего образования (ЕПВО).

Ключевые слова: Болонский процесс, нормативно-правовое регулирование, высшее образование, академическое взаимодействие, мобильность, Германия, Россия

Для цитирования: Пашук М.А. Нормативно-правовое регулирование академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса: проблемы совершенствования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 126–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-126-138

© Пашук М.А., 2021

Legal regulation of academic interaction
between Russia and Germany in the framework
of the Bologna process. Issues of improvement

Mariya A. Pashuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Mariavonpashuk@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the issues of improving the legal regulation of academic interaction between Russia and Germany in the framework of the Bologna process. The work uses methods of the retrospective, statistical, analytical, rational, comparative research. The author outlines the key areas regulated by the Bologna Declaration, gives the main characteristics of the regulatory framework for the participation of Russian universities in the Bologna process. The role of the Russian-German scientific and educational partnership in reforming the higher education system in Russia is noted. The article considers the regulatory legal acts that form the organizational and legal framework of educational cooperation between Russia and Germany within the Bologna process. As fundamental issues that hinder widening the academic cooperation between Russia and Germany under the Bologna process it names an insufficiency of the Russian legislative base and a lack of legal conditions for active academic mobility of students and academic staff. The difficulties also mentioned are: 1) high requirements for obtaining a student visa (both for Russian and German students); 2) a limited amount of educational exchange programs for students and teachers; 3) lack of funding for educational trips (conferences, internships) abroad; 4) incorrect interpretation and assessment of the Russian qualification “specialist” in the countries of the European Higher Education Area (EHEA).

Keywords: Bologna process, regulation, higher education, academic interaction, mobility, Germany, Russia

For citation: Pashuk, M.A. (2021), “Legal regulation of academic interaction between Russia and Germany in the framework of the Bologna process. Issues of improvement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations, Series*, no. 1, pp. 126–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-126-138

В эпоху интенсификации цифровизации, научно-технического прогресса и инновационных преобразований система высшего образования становится интеллектуальной основой развития ключевых отраслей экономики, а ее совершенствование – фундаментальным условием переориентации России с энерго-сырьевой модели экономического развития на инновационную. Основополагающим

драйвером реформирования российского высшего образования стало участие России в Болонском процессе, в рамках которого осуществляется сотрудничество с европейскими вузами, способствующее интеграции лучших характеристик европейских образовательных систем в российское образовательное пространство. Присоединение России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. на берлинской встрече детерминировано трансформацией ценностно-смысловой и методолого-мировоззренческой парадигмы высшего образования в стране, направленной на формирование экономики знаний и общества знаний, повышение конкурентоспособности отечественных выпускников на международном рынке, модернизацию качества и гармонизацию архитектуры высшего образования, развитие академической мобильности.

Интеграция российского образования в единое образовательное пространство осуществляется по следующим ключевым направлениям, регламентированным Болонской декларацией:

- упразднение советской одноуровневой системы образования и внедрение модели многоуровневого высшего образования, дифференцированного на несколько ступеней (бакалавр–магистр);
- введение кредитно-модульной системы организации учебного процесса и рейтинговой системы оценивания учебных достижений студентов;
- разработка и обеспечение эффективного функционирования внутренней системы оценивания качества образования, соответствующего европейским стандартам;
- активизация мобильности и расширение академических свобод студентов и профессорско-преподавательского состава в целях обмена международным опытом;
- установление общеевропейской формы приложения к диплому и котировка российского высшего образования за рубежом.

Внесение структурных изменений в российскую образовательную систему в соответствии с положением Болонской декларации, несмотря на ряд положительных сторон и позитивных сдвигов (автоматическое признание диплома и присвоенной квалификации на международном уровне, мобилизация преподавателей и студентов, стабилизация асимметрии рейтингов по отдельным специальностям и региональной представленности и т. д.), активно критикуется как профессиональным, так и студенческим сообществом, что, на наш взгляд, обусловлено традиционализмом российского сознания, инертностью менталитета и рефлексом защиты культурной идентичности. Тем не менее процесс унификации и гармонизации

российского образования все более консервируется и интенсифицируется, о чем свидетельствуют систематические нововведения в образовательном законодательстве Российской Федерации.

В целях нормативно-правового обеспечения участия российских вузов в Болонском процессе внесены коррективы в базовые в сфере образования законы, а также приняты профильные нормативно-правовые акты, направленные на непосредственную реализацию положений Болонской декларации. В первую очередь, необходимо акцентировать внимание на Федеральном законе РФ «Об образовании в Российской Федерации»¹, устанавливающим фундаментальные правовые, экономические и организационные основы государственной политики в области образования. Для реализации Болонского процесса актуальность представляют: глава 2, обеспечивающая соответствие содержания образования международным требованиям и определенную степень автономности образовательных учреждений при составлении образовательных программ; глава 6, устанавливающая рамки международного сотрудничества вузов и закрепляющая приоритет международных договоров РФ над внутренним законодательством. Доступность высшего образования, являющаяся важнейшим приоритетом Болонской декларации, обеспечивается ФЗ от 6 января 2007 г. № 1-ФЗ², предоставляющим военнослужащим ряд преференций при поступлении на обучение (повышенная стипендия, право на зачисление без сдачи экзаменов и т. п.).

Роль специальных нормативно-правовых актов, формирующих правовое поле единого образовательного пространства, принадлежит: Приказу Минобрнауки № 100 от 25 октября 2004 г.³, Приказу Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г.⁴, Приказу Мини-

---

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения доступности среднего профессионального образования и высшего профессионального образования для военнослужащих (граждан), проходящих (проходивших) военную службу по контракту» от 06.01.2007 № 1-ФЗ (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Министерства образования и науки РФ от 25 октября 2004 г. № 100 «О группе по осуществлению Болонских принципов в России» (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».

⁴ Приказ Минобрнауки от 15 февраля 2005 г. № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации» // СПС «Гарант».

стерства образования и науки РФ № 215⁵, Приказу Министерства образования и науки РФ от 22 марта 2006 г. № 62⁶, Распоряжению Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р⁷, Распоряжению от 8 декабря 2011 г. № 2227-р⁸, Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., Распоряжению Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р⁹. Первые инициативы по интеграции российского образования в международное пространство реализованы еще за десять лет до официального присоединения России к Болонской декларации. В 1994 г. МГИМО внедряет двухуровневую систему образования, а в 1996 г. принимается ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», предусматривающий многоуровневую систему высшего образования [Горылев 2009].

Нормативно-правовая поддержка вступления России в Болонский процесс обеспечивается прежде всего Приказом Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г. «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации», в рамках которого утвержден план мероприятий по реализации центральных положений Болонской декларации. План мероприятий содержит ряд целей, достижение которых провозглашается приоритетным направлением образовательной политики РФ в настоящий период. На сегодня

---

⁵ Приказ Минобрнауки России от 9 марта 2017 г. № 215 «Об организации в Министерстве образования и науки Российской Федерации работы по рассмотрению и утверждению положений о закупках товаров, работ, услуг бюджетных учреждений, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, и вносимых в них изменений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 марта 2006 г. № 62 «Об образовательной программе высшего профессионального образования специализированной подготовки магистров» // СПС «Гарант».

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р «Об утверждении плана мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг» // СПС «Гарант».

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «Гарант».

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р «Об утверждении перечня иностранных научных организаций и образовательных организаций, которые выдают документы об ученых степенях и ученых званиях, признаваемых в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

нереализованными остались цели, связанные с академической мобильностью студентов и преподавателей вузов, а также вопросы повышения качества российского образования и признания российских образовательных документов в странах – участницах Болонского процесса. Справедливо констатировать, что проблемы достижения надлежащего качества высшего профессионального образования в полной мере осознаются государством, о чем свидетельствуют положения Распоряжения от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». В качестве ключевого фактора, препятствующего повышению качества образовательных услуг в России, законодателями обозначается недофинансирование сферы образования. Согласно официальным статистическим данным, обнародованным Федеральным казначейством и Организацией экономического сотрудничества и развития, в 2019 г. государственное финансирование образования в России составило 4,6% от ВВП страны. Для сравнения, в Швеции аналогичный показатель эквивалентен 6,1%, в Финляндии и Франции – 5,5%, Бразилии и Великобритании – 5,2% и США – 5%. Предполагается, что доля расходов на образование будет систематически увеличиваться, в том числе за счет роста доли частного финансирования и высвобождения финансовых ресурсов, направленных на поддержку бизнес-проектов.

Далее, для эффективного осуществления целей, закрепленных в Приказе Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г., утвержден Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 июля 2005 г. № 215 «Об инновационной деятельности высших учебных заведений по переходу на систему зачетных единиц», унифицировавший методику расчета зачетных единиц для отечественных вузов и масштабировавший их автономию для внедрения ECTS (Европейская система перевода и накопления кредитов). Обеспечить академическую свободу вузов при моделировании образовательных призван Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 марта 2006 г. № 62 «Об образовательной программе высшего профессионального образования специализированной подготовки магистров», предусматривающий возможность разработки магистерских программ российскими специалистами в сотрудничестве с зарубежными научными деятелями. В 2006 г. Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р принят План мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг, содержащий мероприятия по научно-методическому и нормативно-правовому сопровождению экспорта образовательных услуг и обеспечивающий признание документов об образовании и ученых степенях. Также в 2011 г. раз-

работана Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., установившая основные цели, задачи, приоритеты и принципы интернационализации образования и повышения доли России на международном рынке образовательных услуг. В 2019 г. Распоряжением Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р установлен Перечень иностранных вузов, чьи документы об ученых степенях и ученых званиях признаются в России.

Одним из инициаторов и активных участников Болонского процесса является Германия, успешно синтезировавшая немецкие образовательные традиции и прогрессивные модели организации учебного процесса в вузе (в частности, Германия первой участвовала в экспериментальном внедрении Европейской системы кредитовых переводов). Российско-германское научно-образовательное партнерство, охватывающее десятилетия, существенно актуализировалось и активизировалось с началом вступления государств в Болонский процесс. Начало тесного взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса датируется 2005 г., ознаменовавшимся подписанием «Инициативы о стратегическом партнерстве между Россией и Европой в области образования, исследований и инноваций» и формированием Российско-германской рабочей группы по профессиональному образованию. В 2012 г. российско-германским отношениям придает новый импульс Меморандум о намерениях Министерства образования и науки Российской Федерации и научных исследований Федеративной Республики Германия по сотрудничеству в сфере высшего профессионального образования. В 2013 г. в Берлине принимается решение о совместном проекте по подготовке профессиональных кадров по техническим специальностям на базе дуальной системы [Кадникова, Мусаткина 2019].

В настоящий период правовые рамки образовательного сотрудничества России и Германии формируют «Совместное заявление о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия в области образования, научных исследований и инноваций» (далее – Совместное заявление), «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о научно-техническом сотрудничестве» (далее – Соглашение), «Дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций» (далее – Дорожная карта). Совместное заявление направлено на расширение информационных каналов и форм прямого диалога между высшими учебными заведениями Германии и России, а также на содействие реализации в двустороннем формате принципов и целей Болонского процесса. Основные задачи Согла-

шения – укрепление связей между высшими учебными заведениями двух стран посредством обмена молодыми исследователями и формирования благоприятной среды для научно-технического взаимодействия и реализации научно-технических проектов. Наконец, Дорожная карта ориентирована на повышение академической мобильности студентов и интенсификацию совместной научной деятельности в рамках существующих международных соглашений [Корякин, Макаренко 2017].

В 2018 г. состоялось открытие Российско-германского года научно-образовательных партнерств 2018–2020 гг. (далее – Перекрестный год), символизировавшего собой новый этап в развитии российско-германских отношений. Прогнозируется, что научные бизнес-партнерства, реализуемые в рамках Перекрестного года, значительно стимулируют академическую мобильность научных исследователей, повысят качество транслирования научных результатов в реальный сектор экономики и инновационное предпринимательство. По результатам Перекрестного года в академической среде декларировано более 200 партнерств, в том числе:

– Международный институт трансфера инноваций (МИТИ) и Московский финансово-юридический университет МФЮА с немецкой организацией EWB. Цель проекта – обмен опытом в области высоких технологий и инноваций, нивелирование коммуникационных барьеров в процессе взаимодействия российских и немецких вузов и предприятий, увеличение экспорта образовательных услуг;

– Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и Ганноверский университет имени Лейбница – совместные конференции, магистерские программы, семинары, исследовательские проекты, обмен студентами, преподавателями, научными деятелями;

– Центр изучения Германии и Европы (ЦИГЕ), функционирующий на базе Санкт-Петербургского государственного университета в России и Университета Билефельда в Германии. Основопологающая задача Центра – способствовать популяризации высококачественного образования, расширению контактов и интенсификации научно-образовательного взаимодействия молодых ученых;

– Германский дом науки и инноваций (DWIN) и Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова – сотрудничество в сфере искусственного интеллекта;

– Российско-германский Форум вузовской науки, посвященный вопросам поддержки международного научно-технического сотрудничества, дальнейшей имплементации Дорожной карты [Петров, Комаров 2020].

Расширению академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса препятствуют проблемы нормативно-правового характера, недостаточность законодательной базы. В первую очередь, в отличие от Германии, где четверть студентов пользуется возможностью обучения и стажировки за рубежом, в России отсутствуют правовые условия для активной академической мобильности студентов и академического персонала по следующим причинам: 1) высокие требования для получения студенческой визы (как для российских, так и немецких студентов); 2) ограниченный объем программ образовательных обменов для студентов и преподавателей; 3) недостаток финансирования образовательных поездок (конференции, стажировки) за границу; 4) некорректная трактовка и оценка российской квалификации «специалист» в странах Европейского пространства высшего образования (далее – ЕПВО). Соответственно для роста академической мобильности как стратегического направления реализации Болонского процесса, целесообразным представляется:

1. Упрощение визового обеспечения для российских и немецких студентов. В 2019 г. возможность объявления безвизового режима для молодых россиян в возрасте до 25 лет обсуждалась в рамках германско-российского форума «Петербургский диалог». Основным тормозящим фактором для подписания соответствующего Соглашения служит усиливающееся санкционное давление и серьезные политические пертурбации.

2. Утверждение Проекта Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении в 2018–2021 гг. эксперимента по апробации механизма финансового обеспечения академической мобильности обучающихся в процессе освоения образовательных программ высшего образования» с внесением следующих коррективов в п. 22 ч. 3. Постановления: «Оплата расходов обучающихся производится посредством смешанного механизмы финансирования: за счет ассигнований и грантов, выданных государством; бюджетных средств вузов и научных организаций; внебюджетных средств вузов и научных организаций; средств принимающей стороны, в том числе грантов международных организаций и частных фондов; личных средств участников программ академической мобильности».

Рост академической и творческой мобильности студентов/преподавателей обусловлен главным образом уровнем финансовой поддержки государства, количеством выданных ссуд и грантов. Для сравнения, в 2018 г. Германия на реализацию академической мобильности выделила 4 млн евро, а Россия 3,5 млн рублей (при этом преобладающая часть этой суммы поступила в бюджет из частного бизнеса). В тот же период немецкая сторона брала на себя

все расходы, связанные с поездкой, а российская сторона оплачивала лишь билеты до места назначения и обратно. Также зачастую именно Германия занималась организацией мероприятий и досуга для участников обмена.

В настоящий период законодательные основы организации и финансирования академической мобильности в Российской Федерации фактически отсутствуют. Правовой режим финансирования академической мобильности формирует лишь норма, содержащаяся в п. 4 ст. 28 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», в соответствии с которой «высшие учебные заведения самостоятельно определяют направления использования средств, полученных ими из соответствующего бюджета и иных источников, не запрещенных законодательством Российской Федерации, если порядком предоставления средств не установлено иное». Дефицит финансовых ресурсов не позволяет российским вузам покрыть расходы участников проектов академической мобильности, что служит серьезным тормозом развития академического взаимодействия с Германией и другими странами Болонского процесса.

Целесообразным представляется нормативно-правовое регулирование академической мобильности одновременно на нескольких уровнях: межвузовском, государственном, вузовском, вневузовском. Опираясь на ст. 3 Соглашения о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в области образования, предусматривающего автономное регулирование финансовых условий академических обменов, необходимо составление и подписание ежегодных двусторонних договоров о невзимании со студентов платы за обучение. Поскольку академические обмены между Россией и Германией осуществляются на паритетной основе, данное предложение представляется логичным.

На государственном уровне требуется создание правовой основы целевого финансирования среднесрочных программ развития научно-образовательных структур, обеспечивающих развитие академических исследований, материальной базы, академическую мобильность ученых и преподавателей в виде институциональных грантов. Необходима разработка солидной локальной нормативной базы – в отечественных вузах должна быть установлена четкая форма поддержки студентов, участвующих в программах академической мобильности. Например, предлагаем интегрировать опыт Томского государственного университета, где в качестве основной формы финансового обеспечения академической мобильности выступает выплата ежемесячной стипендии «Академическая мобильность», назначаемая на основании решения конкурсной комиссии

и устанавливаемая на весь период обучения за рубежом. Наконец, на вневузовском уровне повышение академического взаимодействия России и Германии позволит установить в законодательстве РФ льготы и преференции для предприятий, обеспечивающих финансовую поддержку развития академической мобильности. Сегодня гранты для обучения за рубежом предоставляются Фондом Михаила Прохорова, Германской службой академических обменов, Фондом Евразия, Фондом Форда. Однако финансовых вливаний данных гранодателей категорически не хватает.

Признание российской квалификации «специалист» как квалификации «магистр». В настоящий период квалификация «специалист» в странах ЕПВО эквивалентна квалификации «бакалавр» продвинутого уровня и расценивается как разновидность квалификаций первого цикла высшего образования Болонского процесса. Данное обстоятельство препятствует продолжению обучения российских выпускников специалитета в докторантуре за рубежом. Безусловно, программы специалитета сегодня не являются доминирующими в России, однако они обладают колоссальной значимостью для отечественного рынка труда и в среднесрочной перспективе с образовательного ландшафта не исчезнут (22 российских университета из рейтинга The Times Higher Education World University Rankings занимают успешной реализацией программы специалитета). Российская квалификация «специалист» в международном измерении должна оцениваться в качестве равнозначной квалификации второго цикла высшего образования, что аргументируется ее соответствием критериям седьмого уровня Международной системы классификации образования, а также превосходством объема учебной работы в сравнении с программой бакалавриата. В Германии существуют квалификации с непрерывными программами, которые существенно коррелируются по характеристикам с российским специалитетом, что предоставляет возможность для подготовки и подписания двусторонних соглашений о признании диплома специалиста на уровне диплома магистра [Лукичев, Скоробогатова 2016, с. 11].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо констатировать, что Болонский процесс не решил фундаментальных проблем российской образовательной системы (низкое качество образования, инертность, консервативность), однако явился ярким примером конвергенции норм и правил между Россией и Европой в отдельно взятой сфере. Стратегическим партнером нашей страны в рамках Болонского процесса стала Германия – страна, гармонично синтезировавшая собственные образовательные традиции и прогрессивные положения Болонской декларации.

Значимость академического взаимодействия России и Германии для эффективной модернизации отечественной системы образования детерминирует необходимость в совершенствовании соответствующей законодательной базы. Упрощение визового обеспечения для российских и немецких студентов, создание правовой основы финансового обеспечения академической мобильности, признание российской квалификации «специалист» как квалификации «магистр», увеличение объема программ образовательных обменов для студентов и преподавателей способствуют расширению многолетнего сотрудничества между Германией и Россией, повышению экспорта образовательных услуг, росту международной конкурентоспособности российских университетов и национальных систем высшего образования, реализации болонских инициатив.

Литература

- Горылев 2009 – *Горылев А.И.* Нормативно-правовое регулирование участия российских вузов в Болонском процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 37–44.
- Кадникова, Мусаткина 2019 – *Кадникова О.В., Мусаткина А.В.* Российско-германское сотрудничество в сфере высшего образования // Россия и Монголия: опыт и перспективы международной интеграции в образовании и науке. Чебоксары: Среда, 2019. С. 89–92.
- Корякин, Макаренкова 2017 – *Корякин К.В., Макаренкова Е.М.* Проблемы реализации Болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2017. № 6. С. 167–173.
- Лукичев, Скоробогатова 2016 – *Лукичев Г.А., Скоробогатова В.И.* Российская квалификация «специалист» в измерениях европейского пространства высшего образования // Практика признания, сближающая континенты: Сборник тезисов международной конференции. М.: РУДН, 2016. С. 10–15.
- Петров, Комаров 2020 – *Петров В.Л., Комаров В.С.* Научно-образовательные партнерства России и Германии. Итоги 2019 года // Горные науки и технологии. 2020. № 4. С. 318–325.

References

- Gorylev, A.I. (2009), “Legal regulation for the participation of the Russian higher education institutions in the Bologna process”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 6 (1), pp. 37–44.

- Kadnikova, O.V. and Musatkina, A.V. (2019), "Russian-German cooperation in the sphere of higher education", *Rossiya i Mongoliya: opyt i perspektivy mezhdunarodnoi integratsii v obrazovanii i nauke* [Russia and Mongolia. Experience and Prospects of International Integration in Education and Science.], Sreda, Cheboksary, Russia, pp. 89–92.
- Koryakin, K.V. and Makarenkova, E.M. (2017), "Issues of implementing the Bologna process in the context of the Russian system of higher education", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Professionalnoe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya*, no. 6, pp. 167–173.
- Lukichev, G.A. and Skorobogatova, V.I. (2016), "Russian 'specialist' qualification in measurements of European area of higher education", *Praktika priznaniya, sblizhayushchaya kontinenti: Sbornik tezisov mezhdunarodnoi konferentsii* [The Recognition Practice Bringing Continents Together], A Collection of Abstracts of the International Conference, RUDN, Moscow, Russia, pp. 10–15.
- Petrov, V.L. and Komarov, V.S. (2020), "Scientific and educational partnerships of Russia and Germany. Results of the year 2019", *Gornye nauki i tehnologii*, no. 4, pp. 318–325.

Информация об авторе

Мария А. Пашук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Mariavonpashuk@gmail.com

Information about the author

Mariya A. Pashuk, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Mariavonpashuk@gmail.com

Индия и Япония: эволюция формата стратегического сотрудничества

Людмила А. Печищева

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Институт востоковедения Российской академии наук,

Москва, Россия, lusia-85@inbox.ru

Константин А. Корнеев

Институт Дальнего Востока Российской академии наук,

Москва, Россия;

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,

Москва, Россия, k_korneev@mail.ru

Аннотация. В XXI в. индийско-японское стратегическое сотрудничество постепенно выходит на новый уровень. Если раньше взаимоотношения сторон носили в большей степени декларативный характер, то с начала 2000-х гг. ситуация меняется. Заключаются новые соглашения, которые, помимо рамочной части, подразумевают и практическое воплощение. С одной стороны, для Японии возрастает важность Индии не только как экономического партнера (огромный рынок сбыта японской промышленной продукции и цифровой техники), но и как единомышленника в сдерживании китайской торгово-экономической экспансии. С другой стороны, Индия видит в партнерстве с Японией возможности для привлечения инвестиций в развитие внутренней инфраструктуры, а также стремится к умеренному расширению военно-технического сотрудничества, поскольку это соответствует политике по поддержанию «внеблокового» статуса страны и ее равноудаленности от существующих геополитических коалиций. Кроме того, Индия, именующая себя «крупнейшей демократией Азии», в настоящий момент имеет территориальные споры с Пакистаном и Китаем, поэтому стратегическое партнерство с Японией, которая однозначно трактует усиливающееся влияние Китая как вызов своим национальным интересам в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), может несколько усилить индийские позиции на международной арене. Таким образом, за минувшие два десятилетия была сформирована основа для дальнейшего усиления стратегического партнерства Индии и Японии, и очевидно, что развитие

этого партнерства окажет большое влияние на будущую геополитическую конфигурацию в ИТР.

Ключевые слова: Индия, Япония, Индо-Тихоокеанский регион, геополитические и стратегические интересы, международные соглашения

Для цитирования: Печищева Л.А., Корнеев К.А. Индия и Япония: эволюция формата стратегического сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 139–149. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-139-149

India and Japan. Evolution of the strategic cooperation format

Lyudmila A. Pechishcheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies,
Moscow, Russia, lusya-85@inbox.ru*

Konstantin A. Korneev

*Russian Academy of Sciences Institute of Far Eastern Studies,
Moscow, Russia;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
k_korneev@mail.ru*

Abstract. In the 21st century, India–Japan strategic cooperation is gradually reaching a new level. Earlier the relations between countries were more declarative, but the situation has changed since the beginning of the 2000s. New agreements are being concluded, and they assume practical implementation in addition to the frameworks. On the one hand, for Japan, India is becoming more important not only as an economic partner (a huge market for Japanese industrial products and digital technologies), but also as a like-minded partner in curbing China’s trade and economic expansion. On the other hand, in partnership with Japan India sees opportunities to attract Japanese investment in the development of domestic infrastructure, and also seeks a moderate expansion of military-technical cooperation, since it corresponds to the policy of maintaining the country’s “non-aligned” status and its equidistance from existing geopolitical coalitions. In addition, India, that calls itself the “largest Asian democracy”, currently has territorial disputes with Pakistan and China, so a strategic partnership with Japan, which clearly interprets China’s growing influence as a challenge to its national interests in the Indo-Pacific region, can somewhat strengthen India’s position in the international arena. Thus, over the past two decades, the bedrock for further

strengthening the strategic partnership between India and Japan has been formed, and it is obvious that the development of that partnership is about to have a great impact on the future geopolitical configuration in the Indo-Pacific region.

Keywords: India, Japan, Indo-Pacific region, geopolitical and strategic interests, international agreements

For citation: Pechishcheva, L.A. and Korneev, K.A. (2021), "India and Japan. Evolution of the strategic cooperation format, *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations*" Series, no. 1, pp. 139–149, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-139-149

Введение

Вплоть до начала 1990-х гг. внешнеполитические контакты Индии и Японии не выходили за пределы общей заинтересованности. Редкие заявления лидеров о приверженности курсу на взаимовыгодное сотрудничество носили умозрительный характер и не находили практического воплощения. Причины такого состояния дел заключались в отсутствии твердой почвы для экономического и стратегического партнерства. Япония решала проблемы внутреннего экономического развития и стремилась к завоеванию американского и западноевропейского рынков сбыта для своей промышленной продукции. К тому же устойчивые союзнические отношения с США обязывали Японию с осторожностью относиться к странам, имеющим тесные контакты с Советским Союзом, – а Индию как раз можно было отнести к таким странам, хоть и в гораздо меньшей степени, чем, например, Вьетнам. Слаборазвитая в экономическом и отсталая в социальном плане Индия не представляла интереса для японских компаний, ориентированных на выпуск высокотехнологичной продукции, которую не могли купить индийские потребители.

Со своей стороны, Индия придерживалась политики «неприсоединения» и избегала взаимобязывающих соглашений с государствами, однозначно и открыто ориентированными на какой-либо внешнеполитический блок. Но главное – Индия также не видела нужных экономических и стратегических предпосылок для тесного сотрудничества с Японией и могла разве что выступать поставщиком различной сельскохозяйственной продукции на японский рынок в сравнительно небольших объемах, чем торговые отношения и ограничивались [Pajon, Saint-Mezard 2018].

*Текущее состояние
стратегического партнерства
Индии и Японии*

Вышеописанная ситуация начала меняться в 1990-е гг., когда после распада СССР во всем мире и в Индо-Тихоокеанском регионе в частности складывалась новая геополитическая реальность. Постепенно набирал силу Китай, все активнее продвигая свое видение международных процессов в Азии и стремясь занять место регионального лидера, подвинув оттуда Японию. Индийско-китайские отношения сложно было назвать безоблачными (такая картина сохраняется и сейчас) – речь идет не только о территориальных спорах, но также и об исторически заложенных цивилизационных противоречиях (различные социально-политические модели). В то же время Япония с опасением смотрела на рост лидерских амбиций Китая, несмотря на то что инвестиции японских компаний в китайскую экономику на протяжении 1990–2000-х гг. составили, по разным оценкам, от одного до трех миллиардов американских долларов [Fung, Iizaka, Siu 2003].

В ситуации, когда единственным мировым гегемоном формально остались США, неизбежно возросла роль региональных торгово-экономических и стратегических соглашений. На многочисленных саммитах всерьез обсуждалось введение зон свободной торговли с участием стран, входящих в Индо-Тихоокеанский регион. Словом, шло формирование новой парадигмы многостороннего международного сотрудничества, появлялись новые расклады, оценивались потенциальные выгоды. Более того, с конца 1990-х индийская экономика стала демонстрировать стабильный рост, который на отдельных этапах (в 2000-е и 2010-е гг.) превышал 5% в год. Это позволило Индии занять место в десятке ведущих мировых экономик, в значительной мере повысить инвестиционную привлекательность и емкость внутреннего рынка, добиться роста уровня жизни населения и, соответственно, его покупательной способности¹.

Неудивительно, что японские корпорации, которым становилось все сложнее выдерживать конкуренцию с корейскими и китайскими производителями автомобилей, промышленного оборудования и цифровой техники, более пристально посмотрели в сторону Индии. В настоящий момент японские подрядчики участвуют в проектировании и строительстве отдельных частей

---

¹ The World's Biggest Economies over Time (1980–2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://howmuch.net/articles/worlds-biggest-economies-over-time> (дата обращения 3 ноября 2020).

промышленного коридора Дели – Мумбаи, крупного инфраструктурного проекта, с начала 2010-х гг. осуществляемого правительством Индии в кооперации с национальными и зарубежными инвесторами. Предполагается, что Япония обеспечит сооружение нескольких объектов в транспортной (скоростное железнодорожное сообщение) и энергетической (электростанции, линии электропередач) сферах, а также будет в течение нескольких лет отвечать за техническое обслуживание этих объектов. Развивается кооперация в области сельского хозяйства, автомобилестроения и кораблестроения, фармацевтики. Тем не менее в рейтинге иностранных инвесторов в индийскую экономику Япония занимает место во втором десятке, что, несмотря на постепенное увеличение доли японских инвестиций, все же пока не позволяет считать экономику главным двигателем двустороннего сотрудничества [Rajon, Saint-Mezard 2018].

Еще в августе 2000 г. было анонсировано создание «Японо-индийского глобального партнерства в XXI в.», а в 2006 г. подписано «Совместное соглашение о японо-индийском стратегическом и глобальном партнерстве». Эти соглашения подтверждали взаимную заинтересованность сторон в установлении более тесных контактов и их приверженность делу мирного и устойчивого развития государств Индо-Тихоокеанского региона. В практической части настоящие документы заложили институциональную основу для последующих встреч и консультаций на высоком (руководители госкомпаний, главы провинций, центральные министры) и высшем (премьер-министры) уровнях. Также предполагалось проведение совместных учений военно-морских флотов Индии и Японии как в закрытом режиме, так и с участием третьих стран при достижении общего согласия на подобные действия. На уровне министров обороны предварительно обсуждались даже поставки продукции японского военно-промышленного комплекса (без уточнения номенклатуры) для нужд индийской армии, однако в открытых источниках нет четкого подтверждения того, что контракты такого рода были когда-либо заключены².

В 2015 г. было подписано соглашение об «Особом стратегическом и глобальном партнерстве», значительно расширившее положения предыдущего документа. Это соглашение ускорило темпы индийско-японской кооперации в сфере безопасности и сфор-

---

² Japan–India Partnership in a New Asian Era: Strategic Orientation of Japan-India Global Partnership. Ministry of Foreign Affairs of Japan News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/partner0504.html> (дата обращения 5 ноября 2020).

мировало механизм работы в формате «два плюс два», который подразумевает ежегодные обмены визитами министров обороны и иностранных дел. Следует отметить, что развитая система договоров о стратегическом партнерстве с конкретными государствами скорее редкость для Японии, страны, которая привыкла опираться на собственные силы, и это принципиальный индикатор важности индийско-японского взаимодействия в вопросах видения (и эволюции) принципов международной безопасности³.

С 2017 г. стали проводиться регулярные встречи в формате «два плюс два». На них обсуждались и подтверждались взаимные стратегические интересы и возникающие вызовы как глобального, так и регионального характера. В итоговых заявлениях неоднократно подчеркивалось, что диалог ведет к еще большей роли стратегического направления в рамках двустороннего партнерства, особенно в области безопасности и обороны. Промежуточным результатом этих встреч должно было стать соглашение между Токио и Нью-Дели по военно-транспортному сотрудничеству, подписание которого планировалось в 2019 г. на совместном саммите, но было перенесено. Этот документ дополнительно укрепил бы и без того тесное военное взаимодействие между двумя странами, в результате чего Япония могла бы получить доступ к индийским военно-морским базам на Андаманских и Никобарских островах, а Индия – к японским военно-морским объектам в Джибути (Восточная Африка)⁴.

Таким образом, рассмотрение предпосылок стратегического сближения Индии и Японии позволяет сделать вывод, что повышение интереса сторон к этому направлению неслучайно и продиктовано нарастающими изменениями в расстановке сил в Индо-Тихоокеанском регионе. Теперь же следует акцентировать внимание на еще одном важном пункте.

С начала 2000-х гг. КНР стремительно наращивает свою политическую и экономическую активность, становясь глобальным игроком, который включает в свою орбиту новые страны и регионы. Правительство КНР для продвижения своих национальных интересов использует инициативу «Новый Шелковый путь». США,

---

³ Tokyo Declaration for India–Japan Special Strategic and Global Partnership. Ministry of External Affairs, Government of India [Электронный ресурс]. URL: [https://www.mea.gov.in/bilateral documents.htm?dtl/23965/Tokyo+Declaration+for+India++Japan+Special+Strategic+and+Global+Partnership](https://www.mea.gov.in/bilateral%20documents.htm?dtl/23965/Tokyo+Declaration+for+India++Japan+Special+Strategic+and+Global+Partnership) (дата обращения 4 ноября 2020).

⁴ *Tan Ming Hui, Nazia Hussain*. Japan-India: an Indigenous Indo-Pacific Axis. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/japan-india-an-indigenous-indo-pacific-axis/> (дата обращения 6 ноября 2020).

Япония и Индия, обеспокоенные таким быстрым развитием КНР, предпринимают дипломатические шаги (анонсируют экономические, политические и военные союзы), направленные на сохранение баланса сил в ИТР.

Что касается сугубо региональных проблем, то Индия, имеющая неурегулированные территориальные споры с Китаем в Гималаях, в этом вопросе довольно близка с Японией, у которой также есть территориальные претензии к КНР в Восточно-Китайском море. Для обеспечения региональной безопасности в ИТР и с целью стимулирования торгово-экономического и военного сотрудничества индийское и японское правительства разрабатывают и заключают новые договоры.

Так, 10 сентября 2020 г. Индия и Япония подписали ключевое соглашение о взаимном обеспечении поставок и услуг между национальными военными структурами, которое, как ожидается, будет способствовать более тесному военному сотрудничеству и внесет большой вклад в региональную безопасность. По сообщениям индийской ежедневной газеты “The Hindustan Times”, подписанный 10 сентября 2020 г. между Индией и Японией пакт о военной логистике обеспечит «бесперебойное и оперативное обеспечение поставок и услуг» между индийскими и японскими вооруженными силами в целом ряде операций⁵.

Во время проведения совместных военных учений, оказания гуманитарной помощи, осуществления миротворческих операций ООН и ряда других случаев двустороннего военного сотрудничества индийские и японские вооруженные силы теперь будут снабжать друг друга жизненно важными товарами и услугами – от продовольствия, воды, текстильных товаров, топлива и транспорта до медицинских и ремонтных услуг⁶.

Важность этого соглашения сложно переоценить. Оно создает устойчивую платформу для дальнейшего успешного партнерства, укрепляет институциональную структуру официальных взаимоотно-

---

⁵ *Ben Whedon*. India and Japan, Both in Territorial Disputes with China, Sign Military Cooperation Pact. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.breitbart.com/asia/2020/09/10/india-japan-sign-military-cooperation-pact/> (дата обращения 9 ноября 2020).

⁶ *Rezaul H. Laskar*. India, Japan sign key pact for reciprocal provision of supplies, services between defense forces [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/japan-s-pm-shinzo-abe-speaks-on-phone-with-narendra-modi-lists-elevation-of-global-partnership-between-the-two-countries-as-a-key-achievement/story-dgAYdfesU7Vtz2Miuaf6z7M.html> (дата обращения 10 ноября 2020).

ношений и способствует получению очередного положительного опыта кооперации. Более того, прорабатываются не просто некие общие положения, а совершенно конкретные условия, на основе которых в дальнейшем должно осуществляться практическое взаимодействие вооруженных сил Индии и Японии.

Перспективы индийско-японского стратегического сотрудничества

Если в текущий момент индийско-японское стратегическое партнерство можно все-таки оценить как находящееся в стадии формирования, причем уже с некоторым опытом практической реализации, то в обозримом будущем ситуация может измениться. Есть вероятность и укрепления сотрудничества, и некоторого замедления темпов его развития, и даже долговременной стагнации. Многое будет зависеть от того, каким образом Индия и Япония определят подходящую им региональную геополитическую картину и свое место внутри нее. Если Индии удастся сохранить нынешние темпы экономического роста и провести успешные социальные преобразования, это вполне может вывести Индию в число заметных геополитических игроков к 2035 г., и тогда важность Японии как стратегического партнера ослабнет.

Что касается Японии, то для нее принципиальное значение пока имеет расстановка сил в восточноазиатском регионе, поскольку там сосредоточена весомая часть ее экономических интересов и есть возможность обеспечивать безопасность транспортных маршрутов, что обуславливается выгодным островным положением страны и хорошей боеготовностью военно-морского флота. Однако дальнейшая экспансия японских компаний на развивающихся рынках стран Южной и Юго-Восточной Азии теоретически может привести к столкновению с индийским капиталом, при условии, конечно, что Индия сумеет к 2030–2035 гг. достичь такого уровня насыщения внутреннего рынка, при котором выход инвестиционных потоков за его пределы становится весьма вероятным и даже желательным для внутренних производителей.

Без сомнения, это негативно скажется на двусторонних отношениях и также заставит Японию пересмотреть уровень стратегического партнерства с Индией в сторону его понижения. Ниже на графике представлена точка (треугольник) наиболее предпочтительного промежуточного результата стратегического партнерства для обеих сторон. 2035 год как прогнозный ориентир выбран неслучайно – именно этим годом ограничивается горизонт плани-

рования в японских (и частично индийских) дорожных картах по стратегическому развитию. Примерно такая же датировка закладывается в социально-экономические прогнозы Всемирного банка, Международного валютного фонда, авторитетных научно-исследовательских центров и аналитических структур при правительствах ведущих мировых держав.

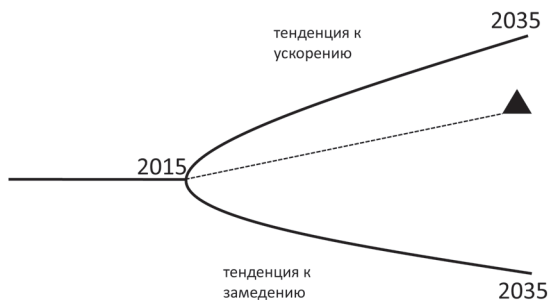

Рис. 1. Вектор развития индийско-японского стратегического партнерства

Заметно, что при сохранении текущей положительной динамики и благоприятной международной обстановки для усиления стратегического партнерства стороны к 2035 г. будут иметь многоярусную систему соглашений и сформируют устойчивую практику проведения совместных военно-морских учений⁷. Однако не следует забывать, что такой исход не слишком выгоден Китаю, да и США тоже, поэтому определенное внешнее противодействие Индии и Японии обеспечено. Вопрос лишь в том, насколько гибко оба государства способны реагировать на меняющуюся обстановку и следовать духу и букве взаимовыгодного партнерства.

Заключение

Несомненно, на рубеже XX–XXI вв. произошел новый виток развития двустороннего сотрудничества Индии и Японии в торгово-экономической и стратегической сферах. С 2005 г. ежегодно

⁷ All About India–Japan Relations. Jatin Verma’s IAS Academy Information [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jatinverma.org/india-japan-relations> (дата обращения 10 ноября 2020).

проводятся индийско-японские двусторонние встречи на высшем уровне, японские компании постепенно увеличивают масштабы своего присутствия в индийской экономике. В результате подписания ряда важных для обоих государств документов и соглашений индийско-японское сотрудничество вышло на новый уровень практически по всем направлениям.

Оба государства имеют устойчивую систему отношений с США и Европейским союзом, стремятся сохранить баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе и не допустить эскалации сепаратизма, терроризма, конфликтов на религиозной почве. Акцент также делается на проблемах безопасности морских перевозок, разрешении территориальных споров с КНР, развитии многостороннего гуманитарного сотрудничества. Для Индии особенно важен опыт Японии в создании эффективной и высокоразвитой экономики при ограниченных внутренних ресурсах, для Японии же – наличие сильного союзника в ИТР с целью проведения комплексной политики по ограничению роста китайского влияния в Южной и частично Юго-Восточной Азии. Индия и Япония имеют все основания для того, чтобы стоять у истоков нового режима регионального сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе.

Литература

- Fung, Iizaka, Siu 2003 – *Fung K.C., Iizaka H., Siu A.* Japanese Direct Invest in China // *China Economic Review*. 2003. Vol. 14. Iss. 3. P. 304–315.
- Pajon, Saint-Mezard 2018 – *Pajon C., Saint-Mezard I.* The Japan–India Economic Partnership: A Politically Driven Process. Paris: IFRI Centre for Asian Studies, 2018. 35 p.

References

- Fung, K.C., Iizaka, H., and Siu, A. (2003), “Japanese Direct Invest in China”, *China Economic Review*, vol. 14, no. 3, pp. 304–315.
- Pajon, C., and Saint-Mezard, I. (2018), *The Japan-India Economic Partnership. A Politically Driven Process*, IFRI Centre for Asian Studies, Paris, France.

Информация об авторах

Людмила А. Печищева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; lusia-85@inbox.ru

Константин А. Корнеев, кандидат исторических наук, доцент, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32;

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; k_korneev@mail.ru

Information about authors

Lyudmila A. Pechishcheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Street., Moscow, Russia, 107031; lusia-85@inbox.ru

Konstantin A. Korneev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian Academy of Sciences Institute of Far Eastern Studies, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyannyi Lane, Moscow, Russia, 1179974; k_korneev@mail.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 25.03.2021.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 8,7. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1204

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru